Думаю, что мно...
сятся: человек ...
о нем нек...
Поэтом...
уй...

«Остановитесь!» — так назван фоторепортаж, который будет опубликован в следующем номере.

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

коп.
Индекс 70798

ISSN 0235–7089

РОДИНА

11/89

СОВЕТСКОЕ — В МОДЕ!

у нас дома и за рубежом

Евгений КАШИРИН

ЖИЛИ-БЫЛИ...

ФОТОПОВЕСТЬ

Село Затишье, засыпанное январским снегом, кажется затерянным в современном шумном мире. Трудно живется в подобных местах старым одиноким людям. Трудно в холодную пору добыть воды из колодца, принести хлеб из сельмага, растопить печку.

Вот и двум моим бабушкам — Фросе и Клаве — так не хватало тепла, тепла общения с вечно занятыми внуками и тепла от обычной печки, где так неохотно разгораются тяжелые брикеты торфа, источая едкий дым и разогревая замерзший за ночь картофельный суп.

Более 50 лет прожили под одной крышей Ефросинья Васильевна Зенкова и Клавдия Ивановна. Вместе они перенесли тяготы военных и послевоенных лет, вместе встречали праздники.

Бабушка Фрося родилась 12 сентября 1896 года в бедной крестьянской семье семнадцатым ребенком. Братья и сестры ее почти все умерли еще в малолетстве. Рано ушли из жизни и ее родители — Василий и Анна, оставив маленькую Фросю с меньшим братом Митей. О сиротах позаботился слепой старик Савватей, у которого Фросин отец был когда-то поводырем, и вместе они ходили по селам, собирая милостыню. Недолго прожили у слепого Савватея и Варвары бабушка Фрося с братом. Похоронив стариков, они снова остались одни.

До 1917 года им пришлось работать на помещика Горбачева в Сапожковском районе. Фрося сеяла рожь, выращивала лен, коноплю, научилась на деревянном станке ткать холстину.

Еще совсем молодой пришла Ефросинья Васильевна в семью Пищулиных, чтобы помочь нянчить маленьких детей, да так и осталась там жить навсегда. Чужие дети, а потом и внуки стали для нее как родные. А вот своей семьи завести не удалось.

Бабушкины руки никогда не знали душистых кремов, красивого маникюра, лечебных массажей. Приглядевшись, на них можно было увидеть следы глубоких порезов от серпа, пятна от оспы и искривленные суставы от полоскания белья в прорубях и поломов при тяжелой работе. До последнего дня бабушкины руки пытались что-то делать.

Уже бабушкой ее не раз пытались обучить азбуке и даже дошли до буквы «Ч», но бабушка наотрез отказалась заниматься дальше. Ей было очень странно сочетать эту букву со словом «пчела». Хлеб. К нему у бабушки Фроси было особое отношение. Не спеша, перекрестившись, она любила съесть ломоть черного хлеба, посыпанный солью.

РОДИНА 11/89

Ежемесячный общественно-политический научно-популярный иллюстрированный журнал

Издание газеты «Правда» Выходит с января 1989 г.

На первой обложке фото Виктора Грицюка

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Москва
Издательство «Правда».

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Советские немцы... Кто они и откуда? Эта национальная группа насчитывает более двух миллионов человек, но сами они имеют смутное представление о собственной истории.

Я много размышлял о трагедии своих соплеменников, которые были оболганы, огульно обвинены в пособничестве фашистской Германии, высланы в Сибирь и Казахстан, за колючую проволоку трудармейских лагерей. Да и сегодня наш народ остается в стране на положении пасынка. Но стоит заглянуть в историю, и станет ясно: нет, мы не чужие этой земле, здесь наши корни.

Первые контакты Российского государства с германоязычными странами относятся ко времени царствования княгини Ольги (Хелены, 945—969), вдовы князя Игоря. Она не только приняла крещение в Византии, но и просила о помощи в миссионерстве германского короля Оттона I. В 961 году в Киев из Трира прибыл монах Адальберт. Его деятельность не имела успеха, так как встретила сопротивление со стороны киевской знати; а в 988 году Русь была обращена Владимиром в греко-православную веру.

На этом связи двух государств, однако, не оборвались. Князь Владимир после смерти своей первой супруги женился на дочери графа Куно фон Эннингена. Жены двух сыновей Ярослава Мудрого были также германского происхождения.

В разное время немцы селились в России. Первыми были те, что обживали прибалтийские провинции с конца XII века.

Вторую группу составляли так называемые городские немцы: ремесленники, врачи, ученые, военные. Российские регенты вызывали их из германских и других европейских государств для быстрейшего развития ремесла и мануфактурного дела. Уже в 1229 году в Новгороде, «свободном русском городе», существовала немецкая слобода, так называемый «Хандельсхоф» («Торговый двор»). Впоследствии он стал материнской конторой остальных девяноста торговых дворов в различных городах Российского государства. И уже тогда, в XIII веке, россияне заключали браки с «пришлыми».

В 1576 году в Москве выстроили евангелическую церковь. К тому времени в городе уже существовала крепкая немецкая община, впоследствии получившая название Немецкой слободы. А к началу XX века в центре или пригороде каждого крупного города России была немецкая слобода.

К третьей группе российских немцев относят так называемых колонистов. Их называли в зависимости от места проживания: немцы Поволжья, украинские, крымские, бессарабские, закавказские, воронежские, черниговские, лифляндские, волынские немцы.

Первые массовые переселения немецких колонистов в Россию относятся ко второй половине XVIII века. В 1763 году Екатерина II обнародовала манифест, в котором призвала иностранцев переселяться в Россию, пообещав им значительные привилегии: свободу вероисповедания, освобождение от воинской повинности, льготные условия уплаты налогов, а также юридическое самоуправление.

Перепись населения 1897 года зафиксировала такое расселение немцев: в Рижской и Ревельской губерниях 165 600 человек (6,9 процента от общего числа населения), в Самарской и Саратовской губерниях 395 800 человек (6,4 процента), в Царстве Польском 407 700 человек (4,3 процента), в Волынской губернии 171 300 человек (5,7 процента), в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях 377 800 человек (3,5 процента от общего числа населения в Новороссии).

Существует мнение, что немцы-де жили обособленно, мало участвовали в политической жизни своей новой родины. Но разве можно согласиться с этим, вспоминая имена И. Ф. Крузенштерна, Ф. Ф. Беллинсгаузена, Э. Х. Ленца, Ф. П. Гааза, А. А. Дельвига, В. И. Даля, Ф. П. Аделунга, П. К. Клодта, П. И. Пестеля, В. К. Кюхельбекера, П. П. Шмидта и многих других?

Немцы были активными участниками восстания под предводительством Емельяна Пугачева. Сохранился Манифест Пугачева, утверждающий, что «поселенные по реке Волге саксоны» показывали «ревность и усердие в службе нашей охотно, без всякого от нас принуждения».

В Отечественной войне 1812 года прославились имена российских немцев — генерал-фельдмаршала Михаила Барклая-де-Толли, генерала Карла Клодта, графа Андрея Остерман-Толстого, морского офицера, позже адмирала Теодора Литке, одного из организаторов и руководителей партизанского движения во время Отечественной войны 1812 года Александра Фигнера, флигель-адъютанта Фердинанда фон Тизенгаузена (зятя фельдмаршала М. Кутузова), который послужил Л. Толстому прообразом князя Андрея в романе «Война и мир».

После восстания декабристов в «главном списке преступников» вы найдете имена многих дворян немецкого происхождения: Вильгельм Кюхельбекер, Александр Сутгоф, Владимир Штейнгель, Михаил фон Визин, Петр Валленберг, Николай Лорер, Генрих (Андреас) Розен, Михаил Кюхельбекер, Василий (Вильгельм фон) Тизенгаузен, Александр фон дер Брюгген, Александр Брестель, Иван Фогт, Андреас Фурман, Александр Фок.

Участвовали российские немцы и в русско-персидской, русско-турецкой, Крымской войнах, несмотря на то, что, согласно Манифесту 1762 года, были освобождены от воинской повинности. Сохранился пространный документ, в котором говорится, что «Его Величество Государь Император соизволил Всемилостивейше пожаловать немецким колонистам за выказанное ими при удовлетворении различных нужд во время Крымской войны золотую медаль с надписью «За усердие».

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., начавшейся вскоре после введения в России всеобщей воинской повинности, немецкие колонисты принимали уже непосредственное участие в военных действиях. 11 апреля 1877 года по инициативе пастора Дальтона в Петербурге был образован Евангелический походный лазарет, который просуществовал вплоть до 1916 года. Содержался походный лазарет главным образом за счет пожертвований высоких персон евангелического вероисповедания, а также немецких колонистов.

В годы русско-японской войны подобные лазареты были оборудованы в Саратовском и Самарском, Таврическом иЕкатеринославском земствах.

Немецкие колонисты штурмовали Эрзурум в первую мировую войну. В их числе был и мой дед. Он рассказывал, что 49 тысяч немецких колонистов сложили головы у этой практически неприступной крепости.

В 1917 году была установлена Советская власть в Поволжье, а в октябре 1918 года образована Трудовая коммуна немцев Поволжья; в 1924 году она получила статус автономной республики.

Мне кажется абсурдным утверждение, будто советские немцы могут найти свои корни только в ГДР или в ФРГ. Да, мы восходим к единому этносу, но не надо забывать, что германская нация сформировалась намного позже массового переселения немцев в Россию. Правильнее говорить об образовании самостоятельной, самобытной этнической общности, которая в рамках своей автономии к началу Великой Отечественной войны стала немецкой социалистической нацией.

Война, развязанная гитлеровской Германией, перечеркнула будущее советских немцев. Появился клеветнический указ от 28 августа 1941 года, обвинявший немцев Поволжья, а вместе с ними и всех советских немцев в пособничестве фашистской Германии. И это в то время, как с фашистами героически боролись Рихард Зорге, Рудольф Абель, Петр Миллер, Владимир Венцель и многие другие известные и безвестные герои. Сегодня мы можем назвать десятки имен советских немцев, которые вынуждены были сменить фамилии на более «благозвучные». Венцель стал Венцовым, Рихтер — Смирновым, Шахт — Шахтовым, Мунтаниол — Мунтаниоловым, Зайдель — Ивановым...

Только во второй половине 50-х годов Указом Президиума Верховного Совета СССР был отменен спецнадзор над советскими немцами и членами их семей, а Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года снял огульные обвинения в отношении нашего народа.

Но дальше общих заявлений и обещаний дело не пошло. И растущая эмиграция — лишь форма протеста против ограничения прав советских немцев.

Бывшие советские граждане пишут из ФРГ: если бы была образована Автономная республика советских немцев, то они бы не выезжали, а остались на своей родине, в Поволжье.

Мы стоим у черты: быть или не быть?! Хотелось бы, конечно, быть!

Решение «немецкого вопроса» в нашей стране, по моему глубокому убеждению, уже давно перестало быть делом одних только советских немцев. Это дело всего советского народа, и прежде всего русских, украинцев, казахов, с которыми нас связывают не только общность судьбы, но и многочисленные родственные узы.

Константин ЭРЛИХ,
историк, редактор газеты
ЦК КП Казахстана «Фройндшафт».

Алмв-Ата

В конце мая на партсобрании кузнечно-прессового цеха производственного объединения «Ижорский завод» огласили три заявления коммунистов о выходе из партии. В конце июня — еще три. Причины выхода указаны только в двух заявлениях. А вот заканчиваются все одинаково: «Церемонию, связанную с моим отчислением, прошу провести без меня».

Один из заявителей написал: «Я уже 15 лет являюсь членом КПСС, полностью доверял политике нашей партии и все годы был в первых рядах строителей коммунизма, а на деле оказалось, что мы вообще не туда идем. Я не вижу впереди никакого прогресса в улучшении нашего жизненного уровня. Я не верю в перестройку и демократию. И мне стыдно быть коммунистом в стране с отсталым уровнем жизни».

Явная противоречивость этого заявления была замечена всеми: ведь из партии выходил человек отнюдь не обделенный. Бригадир кузнецов, мастер своего дела. Он был в почете — избирался членом парткома металлургического производства, награждался многочисленными грамотами, орденами, а не так давно — бесплатным автомобилем. Зарплата высокая.

Причем именно автомобилем принялись упрекать: когда «партия давала», не отказывался, а теперь в кусты. Дезертир!

Похоже, такой же точки зрения придерживается и писатель Валентин Распутин. На Съезде народных депутатов он сказал, что сам в партию «сознательно не вступал, наблюдая, как много пробивается туда разного рода корыстолюбцев». Теперь же, очевидно, решил «вступить», чтобы в резкой форме высказаться о людях, расстающихся с партийными билетами. Обвинительное высказывание писателя подхватили некоторые газеты. Им принялись козырять поденщики, никогда не отличавшиеся оригинальностью собственных поступков и судеб. Вообще с Распутиным можно бы согласиться, сделай он оговорку, что под корыстолюбцами имел в виду «жаждущих власти...». Но он этого не сделал. Поэтому его попытку безоговорочно очернить «многих» нельзя оставить без внимания.

За 21 год пребывания в КПСС я среди рабочих мало встречал корыстолюбцев. Большинству, как правило, предлагали вступить в КПСС должностные лица, которым, в свою очередь, спускали сверху разнарядку. И вот с начала года около десяти процентов коммунистов парторганизации нашего цеха подали заявления на «отчисление». И все рабочие. Из них только одного, подхалима, можно бы украсить ярлыком Распутина, но не бригадира кузнецов, честно зарабатывавшего себе на хлеб. (А автомобиль ему дала независимая от него, несправедливая система распределения общественных благ.) Насколько мне известно, и из других парторганизаций выходят отнюдь не всегда те люди, от которых следовало бы очистить партию в первую очередь. Конечно, в каких-то парторганизациях, может быть, и избавляются от «нравственно нечистоплотных элементов», как об этом говорилось на одном из заседаний Политбюро. Но мои наблюдения расходятся с такой оценкой. По-моему, дал трещину фундамент, на котором строилась партия.

В нашей многострадальной стране значительная часть населения вступала в партию из патриотических чувств. Люди искренне желали поскорее приблизить «светлое будущее» своей Родины. Сегодняшний день, открывший печальные страницы нашей «новой» истории, для этой части коммунистов трагичен. Попытки же потрепать их за ушко или унизить — медвежья услуга и для партии. А тут еще продолжают звучать заезженные мелодии об авангардной роли коммунистов, и тем самым продолжается возведение стены между партийными и беспартийными. Пора бы прекратить бравировать партийностью. Разве мало и теперь, и в прежние времена в авангарде общественного переустройства было некоммунистов?

Во время предвыборной кампании я был доверенным лицом одного из кандидатов, кстати, молодого коммуниста. Местные партийные органы всячески чинили препятствия этому «неформалу», так как хотели протолкнуть своего человека. В результате мне пришлось сблизиться с «экстремистами». И я был не один такой коммунист. В этот период создалась парадоксальная ситуация: фактически мы порвали с местной «партией», хотя и не писали заявлений на «отчисление».

В заявлениях коммунистов, пожелавших выйти из КПСС, меня больше всего волнуют финальные строки: «отчисление прошу провести без меня». В парторганизациях не утвердилась такая нравственная атмосфера, которая бы вызывала душевную потребность к общению в трудную минуту с товарищами по партии. А это тревожно.

Так что не нужно нам снова выдумывать «кулаков» и «отщепенцев», Надо понять каждого растерявшегося, изверившегося человека, по возможности помочь ему разобраться в сегодняшней очень сложной ситуации, поддержать.

Пришла пора для проявления индивидуальной партийности, о которой многие из коммунистов давно мечтали.

Александр ЛЕБЕДЕВ,
рабочий производственного
объединения «Ижорский завод»

Ленинградская облвсть

Исстари говорилось, что архитектура — мать всех искусств. Но, увы, в наши дни для изобразительного искусства она скорее мачеха.

В 40—50-е годы, период помпезной эклектики, скульптура была оформительским придатком к архитектуре. Кто вспомнит сейчас статуи рабочего и колхозницы, стоявшие в Москве на парапете здания напротив Центрального телеграфа (автор — А. И. Тенета), или девушку на угловой башенке дома на Пушкинской площади (автор — Г. И. Мотовилов)? А ведь это были неплохие скульптуры. Между тем, если убрать статуи Кутузова и Барклая-де-Толли, завершающие колоннаду Казанского собора, самый неискушенный зритель почувствовал бы эту утрату. Разница в том, что в первых двух случаях архитектура и монументальное искусство составляли механически слагаемую сумму и только в третьем — органичное художественно-образное единство.

Современная планировка городских районов, площадей, к сожалению, далека от их эстетического осмысления, эмоционально близкого человеку. Как происходило формирование этого «стиля»?

В годы сталинской деспотии в искусстве господствовали ложный пафос, гигантомания, первые ростки которых наметились в проекте Дворца Советов. Затем появились статуи-колоссы вождя на канале Волга — Москва, в столице и во всех городах страны, многочисленные фигуры шахтеров и доярок, отражавшие идеи лженародности.

В шестидесятых годах на всех форумах Союза художников СССР обсуждались проблемы синтеза архитектуры и изобразительного искусства; это была естественная реакция на период «излишеств». Однако сталинский стиль продолжал давать плоды.

Грядущие поколения по достоинству оценят театрализованную бутафорию на Мамаевом кургане — священном месте жертв и подвигов народных. В брежневские годы был зачат и проект памятника Победы на Поклонной горе. А гигантская статуя в Киеве, на холме, вблизи Киево-Печерской лавры! Своей антимасштабностью этот монумент уничтожил всю неповторимость пейзажа, живописность днепровского берега. Скульптура весьма далека от образа Матери-Родины. Не будем считать миллионы, затраченные на подобное «представительство» в искусстве. Еще важнее нравственные потери.

Не радует глаз красивой, гармоничной застройкой сегодняшняя Москва. Площадь перед ВДНХ. Как возникло это нелепое нагромождение самых разнородных архитектурных и монументальных форм? В 1939 году, когда создавался комплекс Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, перед главным (потом «Северным») входом решено было поставить скульптуру В. Мухиной «Рабочий и колхозница». Вокруг оставалось обширное пространство с зеленью, кустарником, водоемом. И если бы скульптура была установлена на постаменте должной высоты (во время Всемирной выставки в Париже она помещалась на Советском павильоне) и если бы весь ансамбль в своей первоначальной композиции был сохранен, возможно, получился бы вполне приемлемый вариант организации площади. Но в спешке (из-за правительственной директивы о сроках открытия выставки) вопреки воле авторов — архитектора Б. Иофана и скульптора В. Мухиной — был сооружен тот небольшой, кургузый постамент, на котором монументальная композиция стоит и поныне. К этому надо добавить те «некультурные слои», которые напластовались за последующие годы. Это и раззолоченные ворота главного входа, и памятник «Космос», как гигантский подъемный кран, доминирующий над местностью, и Останкинская телебашня — она тоже вписалась в общий силуэт. Да еще и грандиозный Брюссельский павильон, который после международной выставки был сюда перевезен. И вот в этом-то случайном окружении стоит долгие годы, постепенно разрушаясь, скульптура Мухиной, вошедшая в классику советского искусства.

История «Рабочего и колхозницы» не единственная, в которой не посчитались с творческой волей автора. Достаточно вспомнить памятник Горькому, созданный Мухиной для города его имени. Задуман он был как образ писателя-буревестника и должен был стоять над обрывом к реке, обращенный к волжским просторам. Но решением чиновников от искусства, местных властей скульптура оказалась втиснутой в небольшую застроенную площадь в центре города.

Выразительная композиция В. Мухиной, Н. Зеленской и З. Ивановой «За мир» была сначала установлена перед наземным вестибюлем станции метро «Мир» (теперь «Щербаковская»). После переименования станции исполком Дзержинского района по своему усмотрению перенес скульптуру и установил ее перед зданием детского интерната в конце проспекта Мира. В этом малозаметном месте она и вовсе скрыта разросшимся кустарником.

Нелепо выглядит и памятник Ф. Энгельсу на лужайке маленького скверика, на фоне палат XVI столетия.

Есть примеры и более недавнего времени. В марте 1983 года исполком Моссовета принял решение о восстановлении обелиска Свободы на площади Пушкина. Очередной акт некомпетентности. Это решение не обсуждалось ни профессионалами, ни широкой общественностью, оно не отменено и поныне. На этой площади уже совершилась однажды непродуманная акция — перенос памятника Пушкину. Прежнее место было выбрано автором, скульптором А. М. Опекушиным. Статуя завершала аллею Тверского бульвара и прекрасно смотрелась на фоне неба, в окружении зелени. Сейчас она затерялась в сутолоке современной застройки.

Всех беспокоит вопрос о дальнейшей работе над проектом памятника Победы в Великой Отечественной войне и о месте его сооружения. Думается, что не стоит торопиться. Время отсеет все легковесное, преходящее.

Пока можно сказать, что инерция стереотипов художественно-образного мышления пережила даже обстоятельства, ее породившие. Тривиально решение проекта, в числе двух отобранного жюри на третий тур конкурса. И по общей композиции — женская фигура на высоком пилоне, и по устоявшейся схеме трактовки образа.

Надо надеяться, что не будут приняты предложения соорудить памятник на Красной площади, вблизи Кремля. Прежде всего необходимо сохранить заповедную часть города. Но, кроме того, и для памятника нового исторического содержания нужна среда, которая выявит его идейно-образную сущность, станет неотъемлемой частью художественного ансамбля.

Место монумента в городе во многом определяет образное, смысловое звучание скульптуры. Пока же действующей силой в этой области остается чиновно-административный и ведомственный волюнтаризм. Чтобы изменить ситуацию, надо уже на стадии проектирования включать произведения изобразительного искусства в архитектурные композиции и ансамбли, проводить конкурсы проектов, прислушиваться к мнению общественности.

Епена ШМИГЕЛЬСКАЯ,
искусствовед,
член Союза художников СССР,
заслуженный работник
культуры РСФСР

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
Ваши письма помогут редакции сделать журнал разнообразнее по темам и адресам.
Наш адрес: 125865, ГСП, Москва, ул. «Правды», 24.

АФГАНИСТАН: а завтра была война

Генерал-майор В. П. ЗАПЛАТИН рассказывает о том, что предшествовало вводу наших войск в соседнюю страну

В декабре этого года исполнится десять лет с тех пор, как брежневское руководство приняло решение об отправке в Афганистан ограниченного контингента советских войск. Сейчас настойчиво звучат призывы открыть тайну, которой эти долгие годы было окружено все, что касается истоков нашего военного присутствия за Амударьей. Кто конкретно стоит за приказом перейти южную границу с «целью оказания интернациональной помощи дружественной стране»? На основании какой информации был сделан этот шаг, оказывавший такое большое влияние на ход мировой политики в течение последнего десятилетия? Эти вопросы громко звучали с трибуны Съезда народных депутатов, поручившего Верховному Совету СССР дать политическую оценку принятому в свое время решению о вводв наших войск в Афганистан.

Нвобходимость знать правду — ественная потребность людей, живущих в атмосфере гласности. Знать правду надо хотя бы для того, чтобы впоследствии не повторять ошибок, имевших место в прошлом.

Предлагаемое читателям интервью отнюдь не претендует на всесторонний анализ проблемы. Скорее это субъективный взгляд человека, непосредственно наблюдавшего за развитием событий в Афганистане накануне декабря 1979 года. Далеко не со всеми оценками и суждениями генерала Заплатина можно согласиться, да, собственно, он и не претендувт на истину в последней инстанции. Но очевидно одно: мнение военного политработника может быть интересным и полезным для тех, кто исследует историю нашего затянувшегося и, к счастью, прекратившегося военного присутствия в соседней стране.

Моему собеседнику 64 года. Фронтовик, в армию ушел прямо со школьной парты из десятого класса. Попал в Архангельское пулеметно-минометное училище, а спустя полгода, когда разгорелись бои под Курском, батальон курсантов отправили на фронт. Командовал отделением танкового десанта. В ноябре 44-го отозвали доучиваться. После окончания училища служил в Германии командиром танка. Как политработник начинал с должности секретаря комитета ВЛКСМ полка, в 70-е годы стал старшим инспектором Политуправления сухопутных войск. Сейчас он — секретарь парткомиссии при Политуправлении сухопутных войск.

— Василий Петрович, в мае 1978 года вы были направлены в Афганистан советником начальникв Главпура вооруженных сил ДРА. Значит, спустя месяц после свержения М. Дауда? Твм уже существовало Главное политуправление?

— Ничего, по существу, не было. Нам предстояло создавать политорганы на пустом месте. Но начальника уже назначили — им был Мухаммед Экбаль, образованнейший, кстати, человек из гражданских, член НДПА с большим революционным стажем. Он окончил философский факультет МГУ, прекрасно знал теорию марксизма, был целиком првдан ей. Скромный и самоотверженный революционер. Первые руководители Афганистана называли товарища Экбаля совестью революции, почитали его глубокие знания, прислушивались к нему. После декабрьских событий 1979 года, когда к власти пришел Б. Кармаль, Экбаль был арестован и, по-моему, до сих пор сидит в тюрьме.

— Но ведь известно, что далвко не все видные халькисты[1] со свержением Х. Амина были заключены под стражу. Многие звнимали, да и сейчас занимвют руководящие посты в партии и государствв, другие — давно освобождены. Что жв за наказанив определено Экбалю? В чем он обвиняется?

— Этот же вопрос я недавно задавал одному из нынешних руководителей Афганистана: ну, за какие же грехи сидит человек? Отвечает: «Я не знаю». Обещал похлопотать.

Впрочем, это сугубо внутреннее дело афганцев. Хочу обратить внимание на то, что и апрельскую революцию Экбаль встретил в тюрьме, куда Дауд его упрятал за политическую агитацию в армии. Жена с ребенком умерли тогда голодной смертью. И вот опять уже почти десять лет за решеткой.

— Интересно, как же создавалась структура политработы в афганской армии?

— Было так. Привхал я. Меня представили Нур Мухаммаду Тараки, Хафизулле Амину, другим руководителям. Они говорят: «Мы знаем, что у вас есть политорганы — хотим такие же иметь у себя». Каждый день нам давали возможность познакомиться с двумя-тремя десятками офицеров и предлагали отобрать из них лучших для политработы. Отбирали, затем учили на двухмесячных курсах и — в войска...

[1] «Хальк» (народ), «Парчам» (знамя) — два течения революционной афганской демократии. Имели общую программу преобразования общества, однако отличались в некоторых подходах к формам и твмпам революционной деятельности.

— Василий Петрович, а не думаете ли вы, что было ошибкой создавать в афгвнской армии политорганы точно по нашему образцу?

— Я не скажу, чтобы мы слепо копировали нашу структуру, нашу практику. Хотя афганские руководители настаивали: вы нам все сделайте, как у вас. Все, как у вас! Но мы старались учитывать и национальные особенности страны, и уровень подготовленности кадров.

Первые выпускники краткосрочных курсов были назначены на должности начальников политотделов дивизий, бригад, из них же начали формировать аппарат Главпура. Состоялось четыре выпуска. Политруки рот обучались уже только месяц.

Политработники очень быстро завоевали себе авторитет в солдатской массе благодаря своей близости к людям, заботе о людях.

— Как часто вы встречались с руководителями республики?

— С Тараки, который возглавлял тогда партию и государство, у нас были предусмотрены плановые встречи один раз в месяц. С Амином, командовавшим вооруженными силами, мы виделись каждую недвлю — по пятницам, в конце рабочего дня. Однако случались и неплановые встречи, когда в них возникала нужда, по взаимной инициативе.

Тараки в моем представлении был очень добрым человеком, мягким по характеру. Мне кажется, верно говорили: Тараки — это знамя, а Амин — мотор революции.

— Но ведь пройдет год с небольшим, и Амин уничтожит своего учителя. Тараки будет задушен по приказу «соратника»— это же факт, что называется, общеизвестный. Вы допускали тогда такую трагическую развязку?

— Я никогда мысли такой не допускал. Откровенно говоря, и сейчас у меня есть некоторые сомнения в стопроцентной достоверности версии об организации убийства афганского руководителя. Далеко не все ясно до конца. Почему так произошло? Почему? Ведь все видели: они относились друг к другу по-братски, ценили один другого. Когда однажды я выразил Тараки сомнение в том, что Амин сможет одинаково успешно командовать вооруженными силами и руководить МИДом, генсек мне с улыбкой, в свойственной ему мягкой манере ответил: «У нас другого такого человека нет. Ему и еще одно министерство можно доверить — все равно потянет».

— Допустим, это так. Но доказан же факт убийства Тараки по прямому указанию Амина...

— Их столкнули. Да, думаю, что было так. Столкнули, преследуя какие-то свои цели.

— Но кто?

— Это вопрос сложный. Не могу поверить в то, что Амин пошел на убийство только из чисто карьеристских соображений, стремясь захватить абсолютную власть. Тут все глубже, запутаннее.

— Известно, что он был весьма честолюбив — это утверждают и западные источники, и сами афганцы, близко знавшие Амина. Отличался жестким и сильным характером, рвался к власти, имел диктаторские замашки... По словам бывшего советского посла в Афганистане А. М. Пузанова, он стал «злым роком апрельской революции».

— Наверное, доля правды во всем этом есть. Действительно, его отличала сильная воля. Был достаточно жестоким человеком. Великолепным организатором, способным зажечь и увлечь многих людей. Что же касается честолюбия, кстати, присущего большинству афганцев,— это у него имелось с избытком. Но я помню и другое. Он не раз говорил: «Если товарищи посчитают, что я не справляюсь со своими обязанностями и мне следует уйти, я уйду безропотно». .

— Думаю, что это было лукавством.

— А я так не считаю.

Убежден в том, что определенные силы спровоцировали столкновение между лидерами. А уж после того, как Амина попытались силой убрать с дороги, он и закусил удила.

— Что значит убрать с дороги? Покушение? Интриги?

— 14 сентября 1979 года зафиксирован факт покушения на его жизнь.

— А не было ли это инсценировкой? Скажем, не мог ли сам Амин все это подстроить, чтобы затвм расправиться со своими политическими соперниквми? История ведь знает такив случаи.

— Исключается! В него стреляли порученцы Тараки прямо во дворце. Видимо, нервы у них не выдержали: огонь из автоматов был открыт преждевременно. Убили главного адъютанта генсека, ранили адъютанта Амина. Сам Амин смог спастись. На следующий день участники покушения были арестованы. А 16 сентября состоялся пленум ЦК НДПА, который сместил Тараки с поста генерального секретаря, объявив это его «добровольной отставкой по состоянию здоровья».

Если предположить, что покушение организовал сам Амин, то придется признать, что стрелявшие были его людьми. Но я их хорошо знал, как верных сотрудников Тараки. Один из них раньше был начальником политотдела в гарнизоне Баграма, и Тараки лично просил меня откомандировать его к нему в порученцы.

— Давайте теперь вспомним о том, какова была военно-политическая обстановка в странв. Известно, что 1979 год начался с крупных мятвжей, выступлений против власти, происходивших в разных провинциях Афганистанв.

— Была борьба. Вспыхивали мятежи — в том числе из-за измены генералов и крупных офицеров, несогласных с политикой НДПА, тайных и явных сторонников свергнутого Дауда. В марте произошли волнения в Герате, затем в Джелалабаде, Кабуле. Много крови пролилось. Я бы не хотел здесь вдаваться в причины недовольства властью. Замечу только, что эти причины нельзя сводить только к перегибам, которые якобы допускали кабульские руководители. Нет, все тогда было гораздо сложнее. Имели место и саботаж со стороны торговцев, и вмешательство извне, и подрывная работа части мусульманского духоввнства.

— Так же квк имели место и крупные просчеты тогдашней власти — волюнтаризм, опрометчивые обещвния быстро построить социализм, игнорирование национальных, этнических, религиозных традиций. Это вызывало у многих вфганцев антипатию к кабульскому режиму, рождало к нвму чувство недоверия. И все же действительно ли к концу 1979 года создалась реальнвя возможность падения режима под натиском оппозиционных сил? Правда ли, что Тараки, в затем Амин обращались к нам с просьбами о военной помощи, и если это так, то насколько их просьбы были обоснованны?

— Если говорить об афганской армии, то она в тот момент выглядела вполне боеспособной. Под ружьем находилось 270—300 тысяч человек, а ведь тогда принудительного призыва или, проще сказать, «отлова» в армию не было. Был Закон о воинской обязанности, и все, кто подпадал под его действие, шли служить. Нельзя говорить, что нас к той роковой черте подвела обстановка, что наши друзья могли утратить завоевания революции. Нет, они бы и без нас справились, я в этом уверен. Во всяком случае, мы, военные советники, ни в устной, ни в письменной форме никогда не ставили так вопрос: давайте вводить советские войска, а иначе все рухнет. Мы, между прочим, несли равную ответственность со своими афганскими товарищами. Не прятались в кустах, руководствовались таким принципом: плохо у афганцев — значит, и мы плохо работаем. А работать старались на совесть. Основное внимание уделяли расширению политического кругозора афганских военнослужащих, повышению их боевой выучки, знакомству с нашей страной. С особой теплотой вспоминаю главного военного советника генерал-лейтенанта Л. Н. Горелова, полковников Г. П. Ефимова, Э. Н. Капустина, В. С. Шункова, Б. А. Юренко, В. Л. Утешева... И, повторяю, вы не найдете военных советников той поры, которые выступали бы за ввод войск.

— Но как все-таки с просьбами афганских руководитвлей — были такие просьбы или нет?

— Такие просьбы были. Но, насколько я знаю, речь шла о направлении в Афганистан небольшого контингента — в основном для несения охраны правительственных объектов. Об этом афганские руководители говорили и нашим военным, и дипломатам: «Пришлите 15—20 боевых вертолетов с советскими экипажами», «Направьте 1,5—2 тысячи десантников...». При этом каждый раз обещали присутствие наших военных хранить в тайне и гарантировали, что они не будут участвовать в боевых операциях. Просили, так сказать, для поднятия морального духа. На такие просьбы мы обычно отвечали: «А как вы объясните своему народу, что вас охраняют солдаты чужой армии, даже если это армия дружественной страны?» В этом смысле мою позицию полностью раздвлял и глав-

АНКЕТА «РОДИНЫ»

ПОЛИТИКА И МЫ

Продолжая изучать общественно-политические настроения в нашей стране, мы предлагаем нашим читателям ответить на вопросы анквты (обведите кружком нужный ответ), затрагивающей весьма непростые проблемы современной армии. Вырвжьте заполненную анкету и перешлите, пожалуйста, по адресу: 125865, Москва, ул. «Правды», 24. Редакция журнала «Родина».

Итак:

1. Укажите Ваши:

Пол__________
Возраст__________
Образование__________
Профессию__________
Национальность__________
Партийность__________
Служили ли Вы в армии__________

2. Считаете ли Вы, что в современных условиях, когда международная обстановка так измвнилась, армия столь же необходима нам, как и прежде?

2.1. Да, несмотря ни на что, Вооруженные Силы должны быть постоянно готовы отразить любого противника, и потому расходы на них и на совершенствование военной техники не должны сколь-либо серьезно сокращаться.

2.2. Конечно, подрывать нашу обороноспособность нельзя, однако на Вооруженные Силы уходит слишком много средств — их надо самым серьезным образом сократить, уменьшив численность армии и передав часть оборонной промышленности для выполнения программ повышения благосостояния народа.

2.3. Достаточно было бы просто территориальной милиции, чтобы чувствовать себя в современном мире в полной безопасности.

2.4. Теперь нам уже некого бояться и не с кем воевать, потому всякие Вооруженные Силы можно просто распустить.

3. Считаете ли Вы, что наша армия должна, как и асегда, формироваться на основе асеобщей аоинской поаинности либо следует перейти к навмной армии, в которой всв, включая солдат, получают высокую оплату, как то далавтся в США?

3.1. Да, лучше всего перейти к системе найма на военную службу — это позволит не отрывать молодежь от дома, учебы, родных мест.

3.2. Переход к наемничеству способен разорить страну, так как расходы на армию, которые мы стремимся сократить, тогда непомерно возрастут.

3.3. Надо просто навести порядок в наших Вооруженных Силах, чтобы призванный на службу солдат чувствовал себя в армии как в родной семье, тогда и разговоров о «профес-

ный военный советник Л. Н. Горелов.

— Вернемся к осени 1979 года, когда был убит Тараки. Что вам известно об этой зловещей странице из недавней истории Афганистана?

— Когда Тараки сняли с постов генсека и председателя Ревсовета, он какое-то время находился в изоляции, как бы под домашним арестом. В начале октября Экбаль сообщил мне о его гибели. «Как погиб?» — обескураженно спрашиваю его. Не сразу, постепенно он мне все рассказал. Без деталей, правда. Не своей смертью, дескать, погиб.

— Встречались ли вы в тот период с Амином?

— Да. Еще до гибели Тараки меня неожиданно вызвали в Москву. Пришли мы с главным военным советником к новому лидеру, докладываем: мол, едем на совещание по итогам боевой подготовки за год. Он выслушал. Сам стал рассказывать о том, что произошло, как надо понимать перемены в афганском руководстве — в Политбюро, Ревсовете. Потом говорит: «Какие вопросы у вас ко мне?» Ну, естественно, я его спрашиваю: где Тараки, какова его судьба? Ведь об этом же нас в первую очередь спросят и в Москве. Отвечает: «Он здесь, во дворце, питаемся мы с одного стола. Не волнуйтесь, ни один волос с его головы не упадет».

— Итак, вы побывали в Москве, отчитались там и вернулись обратно. Как же далее развивались события? Амин, как известно, очень быстро узурпировал всю власть в стране, захватил все ключевые посты в НДПА и государстве. Начались репрессии против членов партии из числа парчамистов. Вас это не смущало?

— Отрицать все это не могу. Репрессии были. Продолжавшийся много лет фракционный конфликт в партии к тому времени достиг апогея. Порой и халькисты, и парчамисты в пылу взаимных обвинений забывали обо всем на свете, в том числе и о том, что надо заниматься текущими делами. Но, насколько я мог понять, и Тараки, и Амин относились к своим товарищам по партии в общем-то по-доброму. Не один раз предупреждали: прекратите фракционную деятельность, добром это не кончится. Помню, замполита инженерного полка, который дислоцировался в Кабуле, Амин дважды приглашал на беседу, говорил ему: «Нам доподлинно известно, что вы ведете деурушническую работу в партии. Перестаньте. Мы вам доверяем, но и вы доверяйте нам». К сожалению, этот человек не внял советам. Был арестован.

Сначала халькисты арестовывали своих товарищей по партии только за то, что те из другого «крыла» и не полностью разделяют их платформу: затем, на втором этапе, парчамисты, овладев властью, беспощадно расправились со многими представителями фракции «хальк». Некоторые, как уже упоминавшийся М. Экбаль, без суда и приговора провели в заключении не один год.

Мне казалось, что парчамисты в тот период были менее искренними. Скажем, при выходе партии из подполья в 1978 году они часть своих сил не легализовали, укрыли. Халькисты этого не допускали. Приехали мы как-то с товарищем Экбалем в 17-ю дивизию. Было известно, что там 25 членов партии. Стали их собирать. Так ни один парчамист не явился.

— Но, возможно, они в тот момент уже боялись преследований? Основания для этого были. Я знал одного политработника из той же 17-й дивизии, которого при Амине упекли в тюрьму, где он благополучно просидел до 1980 года. Известно также, что уже к началу 1979 года все сколь-нибудь заметные фигуры из фракции «парчам» либо находились в тюрьмах, либо в подполье, либо в эмиграции,— об этом мне рассказывал Б. Кармаль. Наверное, не все было так, как вам представляется? Процесс шел многогранный, сложный, запутанный.

— С этим я согласен.

— Итак, завершается 79-й год. Чувствовали ли вы, что надвигаются события, которые вскоре всколыхнут весь мир — я имею в виду направление в Афганистан советских войск? Были какие-то признаки возможного осуществления столь крупной военной акции?

— Повторяю, я не допускал этого. Конечно, замыслов наших военных верхов я не знал. Далеко не во все был посвящен.

10 декабря меня вновь вызвали в Москву. Кстати, сама процедура этого вызова была настолько необычной, что заслуживает подробного рассказа. По существу, меня пригласили прибыть в Москву под совершенно нелепым, недостойным предлогом.

— Но какой смысл был во всем этом? Вы человек военный, генерал. Разве недостаточно было просто приказать вам прибыть в Москву к определенному времени?

— Я сам до сих пор пребываю в недоумении. А было так. В тот день я выступал с лекцией перед афганскими офицерами в военном училище. Вдруг сообщают, что мне следует немедленно прибыть на узел связи для важного разговора с Генштабом. Приезжаю на узел связи, меня тут же соединяют с генерал-лейтенантом Л. Н. Ошурковым. Он говорит: «Внимательно слушайте меня. Ваша дочь обратилась в ЦК КПСС с просьбой о встрече с отцом, то есть с вами. Ее просьба удовлетворена. Вам следует сегодня вылететь в Москву». Еще ничего толком не поняв, я отвечаю: «Самолет на Москву уже ушел, следующий будет через два дня». «Это не ваша забота. Вам надо к 18.00 прибыть на авиабазу Баграм, куда за вами будет направлен специальный самолет».

В полном недоумении, терзаемый всякими страхами за дочь, я отправился в посольство: может быть, там что-то прояснится? Но посол Ф. А. Табеев, сочувственно выслушав меня, ответил, что по их линии никакой информации не проходило. Что же случилось? Хорошо зная свою дочь, я не мог допустить мысли о том, чтобы она могла обратиться в Центральный Комитет. Снова позвонил Л. Н. Ошуркову: «Жива ли дочь?» «Жива. Но других вопросов не задавай, все узнаешь в Москве».

На вертолете отправился в Баграм. Самолет за мной туда прибыл с 4-часовым опозданием, да еще заправлялся, словом, в Союз мы вылетели только под утро. В Ташкенте меня, одного-единственного, ждал другой самолет, Ил-18. Пока летел в пустом салоне до Москвы, о чем только не передумал! Никак не мог взять в толк, отчего же это такую невероятную заботу проявили о генерале, с которым захотела поговорить его собственная дочь? Нет, тут что-то не так...

Сразу с аэродрома приехал в Главпур к его начальнику А. А. Епишеву. Он принялся расспрашивать о ситуации в Афганистане. Час разговаривал со мной, два... А о дочери — ни слова. И постоянно записывал за мной в блокнот, хотя раньше обычно этого не делал. Потом говорит: «Я отлучусь на совещание в ЦК, а ты меня жди».

Воспользовавшись паузой, я позвонил дочери: «У тебя все нормально?» «Все хорошо». И чувствую по голосу, что это на самом деле так.

На следующее утро, едва я появился в Главпуре, взволнованный дежурный сообщил: «Вас уже везде ищут». Епишев сразу повел меня к министру Д. Ф. Устинову. Тот вышел в приемную из своего кабинета вместе с начальником Генштаба Н. В. Огарковым. Был в шинели. «Ты,— говорит,— пока товарищу Огаркову все доложи, а когда я вернусь, мне расскажешь».

И начальник Генштаба, и затем министр долго расспрашивали о ситуации, о расстановке сил. Я откровенно обрисовал обстановку так, как ее понимал. Сказал, что трудностей немало, но афганская армия становится на ноги, она вполне дееспособна. «Кто такой Амин?» Ответил, что он хороший организатор, крупная политическая фигура. Да, за расправу над Тараки оправдания ему нет, но Амин не дал ни малейшего повода думать, что он не с нами. Помню, министр раздраженно заметил: «У вас у всех там разные оценки, а нам здесь решение принимать». О вводе войск речи не было. Только Н. В. Огарков как бы мельком спросил насчет возможности военной акции. Я ответил, что не усматриваю в этом необходимости. Вот и все.

Увиделся я и с тем самым генерал-лейтенантом, который лгал мне по телефону про дочь. Он при встрече смутился. «Я,— говорит,— ничего сам не выдумывал. Как мне вышестоящие начальники продиктовали, так я вам и передал. Слово в слово».

А вопрос о моем возвращении как-то незаметно завис. Сначала меня вдруг отправили в командировку во Львов, потом в Одессу, якобы изучать настроение афганцев, обучающихся в наших военных училищах.

Когда же наши войска перешли через Амударью, А. А. Епишев вновь меня вызвал: «Вот, видишь, что происходит. Надо немедленно возвращаться туда». «Алексей Алексеевич,— ответил я,— можно высказать свое мнение?» «Давай». «Я считаю, что теперь мне в Афганистане делать нечего». «Почему?» «Потому что я вижу: руль там будет круто повернут, а это не соответствует моим убеждениям, принципам. Найдите мне замену».

Об этом разговоре доложили министру, потом в ЦК. Согласились с моими доводами, оставив служить в Союзе. Епишев мне, правда, сказал: «Так тебе же все равно надо ехать — за женой, за вещами». «Не поеду! Попрошу, чтобы мне помогли вернуться товарищи». «Ну, смотри...» А в Кабуле среди наших советников уже пошла молва: Заплатина из партии исключили, из армии уволили. Как это у нас бывает.

А что происходило дальше — вы знаете. Война, в которой мы так и не добились победы.

...Вот такой диалог. Из него видно, что генерал Заплатин всегда — даже в те времена, которые сейчас называют застойными,— имел собственную позицию и не боялся выражать ее в самых высоких кабинетах.

Не хочу идеализировать своего собеседника. Не все его оценки, повторяю, представляются мне справедливыми и точными. На мой взгляд, упрощенной в его изложении выглядит ситуация в Афганистане накануне ввода туда советских войск. Не могу разделить очевидные симпатии, которые генерал явно проявляет к халькистам. Существенные ошибки были допущены афганским руководством и в первые годы переворота 1978 года, и в ходе второго этапа революционного процесса. Партии, всему афганскому обществу потребовалось пройти трудный путь и понести много жертв, прежде чем была провозглашена политика национального примирения, был взят курс на сплочение всех патриотических сил, независимо от их партийной или фракционной окраски.

Мы еще долго будем возвращаться к урокам Афганистана. Горьким и поучительным. Очищающим.

Владимир СНЕГИРЕВ

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

АНКЕТА «РОДИНЫ»

сиональной», то есть наемной, армии не будет.

3.4. Можно было бы предоставить желающим право вместо службы отрабатывать ее срок на каких-либо общественно нужных работах, скажем, в больницах, домах престарелых, на стройках и пр.

4. Сталкивались ли Вы лично, либо Ваши близкие во время службы в армии с неуставными отношениями, с «дедовщиной» и пр.

4.1. Да, сталкивался сам.

4.2. Да, сталкивались мои близкие.

4.3. Нет, об этом приходилось только слышать, читать.

4.4. Нет, ничего об этом не знаю.

5. Считаете ли Вы, что защищать Родину, как и прежде,— долг каждого гражданина?

5.1. Да.

5.2. Отчасти да.

5.3. Нет.

5.4. Затрудняюсь ответить.

6. Где в нынешней раскладке политических сил в стране видится Вам место Вооруженных Сил?

6.1. В лагере трезвых сторонников перестройки, понимаемой как процесс последовательного изменения нашего общества.

6.2. В лагере радикалов, для которых слом существующих политических и социальных структур — самоцель.

6.3. В лагере консерваторов, призывающих во имя общественного спокойствия и порядка отказаться от обновления страны.

6.4 Армия должна оставаться нейтральной, далекой от политической борьбы и заниматься только своим делом — охраной рубежей страны.

6.5. Армия способна активно вмешаться в политику, чтобы по-своему изменить соотношение политических сил и действующие порядки.

7. Считаете ли Вы возможным формирование армии по территориально-национальному принципу, то есть чтобы на территории Грузии в ВС служили в основном грузины, в Литве — литовцы и т.д. ?

7.1. Да.

7.2. Нет.

7.3. Затрудняюсь ответить.

8. Думаете ли Вы, что Вооруженные Силы можно использовать для прекращения гражданских беспорядков в стране?

8.1. Нет, ни при каких обстоятельствах.

8.2. Только в случае непосредственной угрозы жизни значительных групп населения.

8.3. Только в случаях, предусмотренных законом о чрезвычайном положении, который должен быть принят Верховным Советом СССР.

Кто в стране хозяин?

Проблемы отношений народа и власти, государства и личности обсуждают за «круглым столом» депутаты, ученые, публицисты.

В разговоре приняли участие:

Николай Николаевич Воронцов — председатель Государственного комитета СССР по охране природы, доктор биологических наук;

Александр Александрович Гангнус — прозаик и публицист;

Вячеслав Всеволодович Иванов — народный депутат СССР, заведующий сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР, доктор филологических наук;

Андраник Мовсесович Мигранян — ведущий научный сотрудник Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, кандидат исторических наук;

Сергей Борисович Станкевич — народный депутат СССР, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, кандидат исторических наук;

Виктория Атомовна Чаликова — старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам АН СССР, кандидат философских наук;

Мариэтта Омаровна Чудакова — профессор Литературного института, доктор филологических наук.

Вел беседу за «круглым столом» редактор отдела публицистики журнала «Родина» **Сергей Ананьевич Яковлев.**

С. Яковлев. Вопросы, занимавшие русскую интеллигенцию в XIX веке, были очень схожи с нынешними. В противоречиях российского развития, в отрыве власти от интеллигенции, интеллигенции от народа уже тогда многие видели опасность раскатывания страны по пути к катастрофе (вспомним роман Ф. М. Достоевского «Бесы»). О бездне, над которой стоит поднятая на дыбы «уздой железной» Россия, пророчил еще Пушкин. Железная узда — образ жестокого государственного насилия, не прекращавшегося, за исключением коротких периодов «послабления», с эпохи Ивана Грозного.

Мне хотелось бы предложить вам обсудить сегодняшние проблемы в широком культурно-историческом контексте. Я против того, чтобы политизировать жизнь, сводить ее к злобе дня. Но, говоря о цивилизованности страны и культуре управления, нам, конечно, не избежать обращения к Съезду народных депутатов, надолго занявшему мысли всего взрослого населения страны. Тем более, что он поставил, на мой взгляд, прямо-таки парадоксальные проблемы.

Вот одна из них. Мне в какой-то момент работы Съезда показалось: худшее, что с нами может случиться,— если действительно вся полнота власти, как предлагал с трибуны А. Д. Сахаров, окажется в руках этого собрания. Предложи этому Съезду устроить что-то вроде сталинского процесса над интеллигенцией, или вернуть наши войска в Афганистан, или штыками «защитить интересы социализма» в Европе — и так называемое большинство тотчас с радостью и удовлетворением проголосует «за». Честное слово, в такой обстановке роль президиума казалась просто спасительной.

В связи с этим напрашивается вопрос: насколько адекватно состав Съезда отражает реальную расстановку сил в стране, интересы и взгляды народа?

Демонстрация Съезда по телевидению стала, бесспорно, крупнейшим достижением гласности. Но она же обернулась для многих зрителей и слушателей своего рода духовным террором, демонстрацией силы прежнего, лишь слегка подновленного аппарата власти.

Н. Воронцов. Мне кажется, состав Съезда отражал ту структуру общества, которая существовала не на момент Съезда, а на момент начала выборной кампании.

Далее. Слишком скоропалительным было бы решение разделить всех депутатов на «правых» и «левых», «регрессивных» и «прогрессивных». Скажем, московская группа, которая потом стала ядром межрегиональной группы, успела поработать полтора месяца до Съезда. Я в день выборов улетел в Америку, а когда вернулся и присоединился к ней, почувствовал, насколько она, эта группа, продвинулась вперед...

Смотрите теперь, что мы имеем в Верховном Совете, которому уважаемый мной Юрий Николаевич Афанасьев изначально предложил имя сталинско-брежневского. Этот Верховный Совет развивался на наших глазах. Не нужно идеализировать, есть депутаты, которые имеют устоявшиеся позиции, будь то «правые» или «левые». Но есть люди, которые развивались. На выборах выявлено огромное количество прежде неизвестных обществу людей. Многие из них, думаю, еще покажут себя. Для меня тут была масса открытий. Нет, наверное, человека, более далекого от армии, чем я,— и сколько открытий среди военных! Не только среди молодых офицеров. Меня совершенно поразил разговор с военным, занимающем высокую командную должность. Он в кулуарах говорил, что, по его мнению, Министерство обороны должен возглавлять гражданский человек. Одно дело, когда так ставят вопрос Вячеслав Всеволодович Иванов, Сергей Борисович Станкевич или я, люди гражданские, понимаете? И совсем другое, когда об этом говорят высшие армейские чины. Так что не нужно рассматривать Съезд народных депутатов и Верховный Совет как некую закосневшую структуру. При решении конкретных вопросов возможно объединение депутатов на самых разных платформах, если оно ведет к позитивному результату.

Так что динамика существует. Хотя, конечно, надо отдавать себе отчет: состав Съезда избран на пять лет, а динамика общественных процессов намного выше, чем динамика созревания мышления каждого из депутатов. Вполне возможно, придет время, когда мы начнем отставать...

С. Станкевич. Я хотел бы поддержать Николая Николаевича: действительно, рано говорить о сложившейся расстановке сил (есть такой парламентский термин — расстановка сил). Значительную часть депутатов отличают острое недовольство существующим положением, довольно резкая критическая позиция по отношению ко многим нашим недостаткам. Но вот что касается представлений о выходе из кризиса — здесь, откровенно говоря, часто в головах просто каша. И как следствие — риторические выпады с привычными заклинаниями, апелляцией к величию державы, слова о заговоре кучки злоумышленников, пытающихся *навязать* дискуссию. Очень характерное слово. «Нам тут навязывают дискуссию» — по адресу людей, которые предъявляют свои аргументы.

Н. Воронцов. Сергей Борисович, но ведь и нам иногда кажется, что нам навязывают. Не правда ли? Каждому кажется.

С. Станкевич. Слово «навязывают» с известной долей осторожности можно адресовать, скажем, большинству, которое, не прислушиваясь к аргументам, стремится немедленно перейти к голосованию. Но когда люди просто высказывают свои соображения... Стремление представить усилия отдельных депутатов или какой-то группы, имеющей свою позицию, как заговор, как беспринципную борьбу за власть, попытка объяснить все и вся только шкурными интересами — это наследие прежней нетерпимости. Апеллируя к этому наследию, можно, к сожалению, управлять настроением законодательного органа. При этом законодательный орган может быть довольно решительным и даже радикальным в конкретных постановлениях, но тут же готов скатиться на консервативные и даже реакционные позиции, поддаваясь вот этой ностальгии по символам прошлого. Они еще живы и держат нас довольно крепко.

И здесь я бы тоже не торопился с окончательным зачислением кого бы то ни было в разряд «агрессивно-послушного большинства».

Еще одно характерное слово — «радикализм», оно широко используется, прямо скажем, для шельмования (в частности, межрегиональной депутатской группы). Надо ясно отдавать себе отчет в том, что, говоря о радикализме, мы очень часто подразумеваем под ним элементарный здравый смысл. Что можно сказать, например, о требовании гарантировать действительно свободную печать — свободную от административного и идеологического диктата? С точки зрения демократии — это норма. А с известных нам позиций — невероятный радикализм.

А. Гангнус. Да, когда говорят: погодите с демократией, народ накормить надо,— это демагогия. Но ведь и противоположная позиция: установим институты и законы, а потом уж подумаем о хлебе насущном — не годится. В нынешней ситуации такая позиция просто опасна, о чем напомнили забастовки шахтеров.

Меня удивляет, что никто из выступавших не сказал о забастовках. А ведь в этом сейчас главное. Народ вмешался, когда углядел слабость и медлительность своих представителей. И обратная связь сказалась: депутаты от рабочих, подпертые народной волной, начали отпадать от молчаливого большинства, заговорили без демагогии, по существу.

Я вовсе не улюлюкаю и не торжествую: опасного в происходящем столько же, сколько и обнадеживающего. Революции прошлого — это и бессудные «народные расправы», и террор. В числе требований шахтеров Донбасса — разгон кооперативов. Всяких. Реакционное и абсурдное требование. Ведь для себя шахтеры добиваются именно того, что сейчас характеризует деятельность промышленных кооперативов,— подлинной хозяйственной самостоятельности, независимости от бюрократов.

Н. Воронцов. Как человек, начинающий выполнять функции по охране природы, должен добавить: одним из требований стачечного комитета на Сахалине, например, было отменить штрафы за порчу окружающей среды. Понимаете, что за этим стоит?

А. Гангнус. Тут необходимо некое схождение. Нужно в первую очередь навсегда исключить тоталитаризм не только в информации, культуре, но и в экономической деятельности. Не дядя должен что-то делать «для человека», а сама деятельность должна свободно идти *от человека.* Тоталитаризм начинается с военно-государственной претензии на распределение благ и организацию производственных достижений. Все остальные прелести — цензура, расовый или классовый геноцид, террор — неизбежное дополнение этой экономической основы.

Наш «реальный социализм» всех трех модификаций (военный коммунизм 1918—1921 годов, госкапитализм 1917—1918 и 1921—1929 годов, командно-административный строй, окончательно сложившийся в 1930-х) имеет, при внешних различиях, общее в основе: государство выступает в роли единственного или подлинного хозяина. В. И. Ленин определил это в 1917 году как организацию всей экономики подобно управлению одним большим предприятием. Отрасли — цехи этого всеобщего предприятия. Директора, министры, даже капиталисты и крестьяне (в госкапитализме нашего и немецкого образцов) — как бы мастера, распорядители, чиновники. Такой тотальный взгляд на экономику — порождение не столько духа и практики марксизма, сколько духа и практики войны. В 1914—1917 годах ведущая войну на два фронта Германия в тисках блокады и всяческих дефицитов впервые изобрела и блестяще осуществила план опеки государства над каждыми гвоздем, картофелиной, миской супа, парой рабочих рук. Нет, в кайзеровской Германии не экспроприировали и не раскулачивали (хотя непроизводительного хозяина могли и отстранить от управления). Но все в ней становились винтиками государственной машины, солдатами и офицерами армии, именуемой «экономика».

Будущий фактический глава ВСНХ РСФСР, автор «военного коммунизма», «прозодежды» и «главков» Ю. Ларин (М. Лурье) был ведущим германистом русской социал-демократии и пропагандистом в русских журналах немецкого военного экономического опыта, от которого «так легко» перейти к социализму: только поменять команду у кормила власти.

Германские социалисты в 1914 году поддались дьявольскому искушению, изменив интернационализму, идее самоопределения наций, чем заложили основы идеологии особого национального немецкого социализма. Это известно. Менее известно о втором искушении и падении многих из них: в военном угаре, в условиях культа армии и государства они объявили вынужденную, осадную комендантскую продразверстку, рационирование всех предметов сверху, трудармии и принудительный труд почти готовым социализмом. Они чуть ли не благословили мировую бойню за то, что она «сделала явью» великую цель!

Эти два искушения и два падения немецкой социал-демократии тесно связаны — и тут, и там речь идет об отказе от принципа самоопределения. В. И. Ленин писал: «Мы имеем образец государственного капитализма в Германии. Мы знаем, что она оказалась выше нас» (ПСС, т. 36, с. 255). Так рождался тоталитарный экономический идеал, так личность, коллектив, общество лишались прав на экономическое самоопределение. Между прочим, нэп не стал отказом от этого экономического тоталитаризма.

Вот почему отдельно о политической и экономической перестройке говорить можно лишь условно. Это — единое целое. Китай оступился на том, что отстал в политической перестройке. У нас перекос обратный и тоже опасный. Экономическая свобода есть основа свободы и политической. Тут зашла речь о радикализме; политический радикализм, конечно, вещь необходимая, но опасность в случае перекосов тоже вполне реальна. Вспомним Великую французскую революцию: там радикализм породил много такого, чего надо нам сейчас любой ценой избежать.

С. Станкевич. Вас тоже пугают символы?

А. Гангнус. Символ может стать сутью, и тогда он не может не пугать. Мы, например, злоупотребляем словом «демократия», во многих случаях уместнее было бы говорить «либерализм». Власть и народ — не только противостояние, в этой паре есть и единство, и та и другой могут быть врагами личности, человека, о котором печется только либерализм. Времена, когда народ и власть едины, бывают нередко ужасными. Во время Французской революции гильотина ускоряла свою работу как раз под давлением демоса...

С. Станкевич. Но что все-таки опаснее? Демократия или ее отсутствие?

А. Гангнус. На ваш вопрос однозначный ответ невозможен, если не принимается в расчет либеральное понятие о нерушимых правах личности. Демократия якобинского террора была опаснее абсолютистской монархии Людовика XVI, поскольку вторая была относительно либеральна, а первая начисто забыла о правах. Если бы вы спросили не «что

опаснее», а «что прогрессивнее», я ответил бы иначе. Раньше права человека приносили в жертву темпам прогресса. Сегодня возможен противоположный выбор.

А. Мигранян. Ну, во-первых, я категорически не могу согласиться с тем, что немцы оказались первыми при создании тоталитаризма. Далее. Я категорически не могу согласиться, что нэп — это нечто подобное тоталитаризму в Германии. Наоборот, как раз в эпоху нэпа у нас произошел некий переход от тоталитаризма эпохи военного коммунизма к авторитаризму, то есть к сочетанию разных форм собственности. Вообще, если говорить о тоталитаризме, в истории человечества ни один режим даже близко не подошел к нашей модели — может быть, за исключением режима Пол Пота и Иенг Сари в Кампучии. Они в чем-то нас даже превзошли — уничтожили разницу между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. То есть реализовали в полном объеме марксистские догмы.

Теперь что касается демократии. Давайте все-таки выясним, что такое демократия, какая демократия нам нужна и почему в массовом сознании очень часто нет о ней адекватного представления. Я как раз хотел сказать об этом, касаясь проблемы большинства и меньшинства, агрессивности и неагрессивности. К сожалению, порой весьма и весьма уважаемые люди не различают понятия демократии в античности и в новом времени. А это абсолютно разнопорядковые вещи, тут качественный разрыв. В античности демократия понималась как власть большинства, поэтому не случайно она существовала не в форме государственной власти, а в качестве режима. И вообще античность не знала никаких государственных форм. Индивид, общество и государство существовали в полисе нерасчлененными. В первозданной демократии вопрос о правах меньшинства не стоял, меньшинство изгонялось, и такой порядок исключал возможность возникновения политических партий. Режимы менялись исключительно путем насилия. Демократия уступала место охлократии, последняя сменялась тиранией и так далее. Процесс принятия решений в античности не был отчужден от народа, народ не делегировал свою власть, он сам принимал все решения, которые затем проводились в жизнь какими-то исполнительными органами.

Сегодня уже нигде в мире не существует демократии в античном ее понимании. То, что есть на Западе и что, видимо, мы пытаемся создать,— это представительная форма демократии, либеральная демократия. Почему отказались от античного наследия? Потому что в новое время теоретиков пугала тирания большинства. По этой же причине массы в течение длительного периода не допускались в политику, ибо теоретически существовала опасность, что они разрушат все институциональные формы и уничтожат все свободы. Не случайно последние цензы на допуск народа к управлению отменены в Англии только в конце прошлого века. Строго дозированно, порциями английское общество приучалось к политической культуре.

Либеральная демократия делает основной упор на личную свободу, неотчуждаемые права, защиту прав меньшинства. В этом плане марксизм пошел по другому пути. Еще Руссо попытался в новое время ввести полисную идею тотальности, марксизм же довел ее до логического завершения. Наш тоталитарный режим как раз и был попыткой на новой почве воссоздать античный полис с нерасчлененными элементами общества и государства.

С. Станкевич. Осталось выяснить, что же такое демократия? Современная демократия?

А. Мигранян. Современная демократия предполагает наличие институционального механизма, который гарантирует неотъемлемые свободы и права как для отдельного индивида, так и для меньшинства.

Но это лишь отступление по поводу термина. Я хотел бы остановиться на другой проблеме, которая меня очень волнует. При всем моем уважении к Андрею Дмитриевичу Сахарову и его сторонникам мне кажется, что Декрет о передаче власти — довольно наивное предложение. Власть не передается из одних структур в другие структуры декретами. Принять такой Декрет значило бы начать строить наше государство с крыши, когда у него нет ни стен, ни фундамента, никакого основания. Пока что мы имеем нерасчлененность между партией и государством на всех этажах власти. А если бы Съезд, приняв Декрет, попытался создать другие структуры, мы получили бы полный хаос в экономических, социальных и межнациональных отношениях, окончательно дестабилизировав политическую сферу, на которой худо-бедно еще держится общество. В этом отношении я согласен с мнением Александра Александровича: при осуществлении реформ мы поставили телегу впереди лошади. Мне, во всяком случае, неизвестна более или менее эффективно модернизированная страна, идущая от тоталитаризма к демократии, где бы радикальные меры принимались сначала в политической сфере, а потом уже в экономической и других.

Вяч. Иванов. В Испании именно так было.

А. Мигранян. В Испании при Франко уже существовало зрелое гражданское общество. Вся экономическая сфера была разгосударствлена. Именно зрелость общества дала возможность без катаклизмов, очень плавно осуществить переход «сверху» к демократическим формам правления. То же было в России при Александре II. Авторитарная власть создавала необходимые предпосылки для реформирования общества. Если бы не убили Александра и приняли конституцию в 1881 году, то, думаю, развитие России пошло бы совершенно по другому пути. Между прочим, есть сходство того, что мы наблюдаем в Китае, с событиями в нашей стране при Александре II. Что я имею в виду? Когда происходит разгосударствление экономической сферы, необходимо на каком-то этапе (и это очень важно для любого реформатора) подключить политические реформы, чтобы легализовать экономические интересы. Если это не происходит — конфликт загоняется в подполье, общество поляризуется, и это дает себя знать в кризисной ситуации. Мне представляется, проблемы Китая в том, что, действительно осуществив эффективное разгосударствление и создав экономические интересы, в Пекине опоздали с политической реформой.

Сошлюсь на Англию. Там демократия в политической сфере последовала за экономическими процессами, которые происходили в обществе. Даже в условиях развитого рынка англичане получили демократию не сразу, дело было растянуто почти на триста лет.

Конечно, при нормальных выборах, безо всяких там рогаток, мы могли бы иметь более радикальный Съезд. Но та иерархия, которая выстроилась на Съезде и в Верховном Совете (консервативное большинство, радикально настроенное меньшинство и умеренный, но ориентированный на реформы президиум), эта иерархия меня обнадеживает. Хорошо, что у нас большинство, с одной стороны, консервативно, а с другой — управляемо. Это очень хорошо. Если бы большинство было столь же радикальным, как и сегодняшнее меньшинство, ситуация была бы неуправляемой, и мы действительно могли повторить — не дай бог! — то, что произошло во время революции во Франции. А ведь многие в эйфории думали, что Съезд придет, возьмет на себя функции Генеральных штатов и... И что? Начнутся хорошо известные из истории ужасы?

С. Станкевич. Я бы не стал придавать слишком большое значение Декрету о власти. Это была попытка ввести новый символ, который стал бы конкурировать с другими символами. Не более того. То, что власть не передается декретами, было очевидно, думаю, и для Андрея Дмитриевича, и для всех, кто поддерживал эту идею.

Что касается той модели модернизации, которую отстаивал здесь Андраник Мовсесович, у меня по ее поводу есть серьезные сомнения. Если бы права меньшинства действительно были защищены! И если бы перестройка фактически не зависела от судьбы одного человека! В нынешней же крайне неустойчивой ситуации говорить о том, что у нас слишком много демократии, что мы забежали с ней вперед...

А. Мигранян. Этого я не говорил.

С. Станкевич. Дополнительные усилия в сфере демократизации нужны как раз для того, чтобы гарантировать устойчивость перестройки, чтобы ее судьба не зависела от чьих-то личных качеств. Я согласен, что экономические реформы должны иметь приоритет. Тем не менее перестройка слишком долгожданное и слишком дорого оплаченное народом дело, чтобы сейчас его можно было доверить целиком и полностью даже самым достойным лидерам.

А. Мигранян. Права меньшинства и права отдельного человека у нас не будут гарантированы до тех пор, пока этот отдельный человек или это меньшинство не станут представлять институциональные интересы. Пока государство не будет лишено монополии на собственность и вообще на что бы то ни было. Пока оно не окажется под контролем гражданского общества. Это первое. И второе. Я не говорю, что у нас много демократии. Я говорю, что в сегодняшнем состоянии общества политическая сфера — это единственное, что его скрепляет, и демонтаж этой сферы сверху создает рискованную ситуацию. Подрыв номенклатурных структур надо бы начать снизу, и тогда вся система была бы более устойчивой. Как именно это делать? Скажем, начав с местных органов

власти и, конечно, с создания параллельных альтернативных структур...

А. Гангнус. Интересно следить за «историческими рифмами» через 200 лет. Поразительна та буквальность, с какой некоторые наши события повторяют события французской революции. Когда стало известно, что наша избирательная кампания начинается в декабре (а именно в декабре 1788 года во Франции началась кампания выборов в Генеральные штаты, не собиравшиеся более полутора столетий), трудно было удержаться от дальнейших прогнозов. И там, и у нас выборы состоялись в марте. Собрались — в мае.

Избирались Генеральные штаты по чудовищному, на современный взгляд, избирательному закону, ничего серьезного из них получиться не должно было. «Агрессивно-послушное большинство» (привилегированные слои) там обеспечивалось с запасом. И вот эти Генеральные штаты, оказавшись под концентрированным давлением народа, стали Учредительным и Национальным собраниями. Тут правильно Николай Николаевич говорил о законах развития, способных превратить реакционный по замыслу орган в нечто противоположное. Еще в апреле 1789 года Франция была монархической и богобоязненной. А в июле разрушила Бастилию. И снова у нас повтор, да какой! Не Лубянку, конечно, штурмовали, все случилось иначе, в духе, так сказать, времени. Я имею в виду забастовки.

С. Станкевич. Да, рабочие высказались. Теперь было бы хорошо вслушаться в голоса крестьян, их очень не хватает. Пока крестьяне молчат. Или говорят не своим голосом.

Вяч. Иванов. Вот как раз насчет крестьян на Съезде. Меня очень удивило воззвание аграриев, настаивавших на сохранении колхозной структуры. А когда я посмотрел, кто подписался под этим воззванием, оказалось — в основном председатели колхозов и директора совхозов. Можно надеяться, что и они будут эволюционировать, как другие депутаты.

Я все-таки думаю, если вернуться к разгоревшемуся здесь спору, что перемены необходимо было начинать как раз с идеологии и с верхних структур. Именно верхние структуры до сих пор не дают провести реальную экономическую реформу, то есть изменение формы собственности. Наши догмы по-прежнему мешают осуществить передачу земли крестьянам, передачу заводов акционерным обществам, состоящим из рабочих и других, кто трудится на предприятиях. Мы стоим на пороге действительно радикальной экономической реформы, ее в полный голос требует вся страна, а нам по-прежнему запрещают говорить о частной собственности! Почитайте газеты, где частная собственность? На ней табу, даже лучшие экономисты боятся этих слов. Я не хочу никого обижать, но для меня существенный отрицательный результат минувшего Съезда — то, что ни одно экономическое выступление на нем (я не говорю о политических) не содержало честного определения задачи. Все время происходила игра слов. Для меня как специалиста в области языка это было поразительно. Выступает Шмелев, выступает Айтматов, говорят о том, что нужно купить за рубежом товары массового спроса на столько-то миллиардов... Но ведь это ничего не изменит. Основная масса купленных на последние деньги товаров до народа и не дойдет, они растекутся по каналам мафии. Мы должны стремиться к интеграции с Европой, без этого мы не сможем защитить наши реформы. Без перемены некоторых точек зрения реальные реформы провести очень трудно.

Теперь о мафии. Боюсь, у нас идет превращение тоталитарного государства в то, что раньше называли капитализмом вне государства. Пока мы рассуждаем о моделях, этот самый капитализм в вульгарной и страшной форме постепенно становится одним из главных экономических факторов. Речь идет о мафиозном капитализме, который угрожает нам как слаборазвитой стране. Ведь мы по многим характеристикам слаборазвитая страна, и то, что при этом мы умеем летать в космос и производить водородные бомбы, ничего не меняет. Говоря о капиталистическом государстве, обычно имеют в виду государство высокоразвитое, американского типа, способное регулировать свою экономику. Слаборазвитой стране угрожает капитализм преступный, мафиозный. Нужно думать, как избежать возможности скатиться к капитализму латиноамериканского типа. Это может произойти незаметно, пока наш Съезд будет заседать и что-то обсуждать. Понимаете, что происходит? Каждый раз мы сталкиваемся с тем, что единственный способ решения проблем — это вызвать несколько тысяч солдат.

Я боюсь, что ход событий в стране не просто очень быстрый, этот ход нас очень далеко уводит. Иногда, впрочем, в хорошую сторону. Скажу, если позволите, еще несколько слов о рабочих. Мне кажется, что важнейшее политическое событие в мире последнего десятилетия — это становление «Солидарности». Можно сказать, что «Солидарность» неправильно поняли и недооценили, поэтому ее нынешняя роль в Польше стала для многих неожиданной. В ней не увидели истинно народного массового движения, отличного от всего, что до сих пор было в истории. Наши стачечные комитеты, вероятно, тоже очень интересное явление, его еще предстоит изучать. Разумеется, у нас нет такой важной составляющей «Солидарности», как религия и католическая церковь, у нас все идет несколько по иному пути.

А. Мигранян. Меня удивил просительный тон, в котором наше правительство разговаривало с бастующими шахтерами. Это трагедия в сегодняшней ситуации. И показатель кризиса власти, ее абсолютной неспособности решать какие-либо вопросы. Но это уже другой вопрос.

А. Гангнус. Наверное, именно этот вопрос нам и следует наконец прояснить: что сейчас лучше для скорейшей перестройки — усиление некой направляющей руки или, наоборот, ослабление ее? Конечно, в идее «сильной руки» много заманчивого. И прецеденты есть. Денацификация Германии, например. А в Японии в 1945 году власть была в руках генерала Макартура. Он вводил многопартийность приказами, наказывал власти за недооценку свободных профсоюзов...

В. Чаликова. Попробуйте быть недостаточно свободными!

А. Гангнус. И японцы сравнительно быстро перешли от средневекового уклада к западной демократии. Макартур не был либералом. Он выполнял приказ, и хорошо выполнял. Недавно у меня один радиожурналист из Новосибирска все допытывался, как я отношусь к мысли Игоря Клямкина об укреплении авторитарной власти. Как отношусь? Хорошо отношусь — это бы сильно продвинуло дело. Но в наших реальных условиях это невозможно. Где взять генерала? Американский нам явно не подходит. А наш, конечно, введет, да только не демократию, а танки...

А. Мигранян. Это наша общая с Клямкиным концепция. Вы невероятно упростили, да попросту исказили суть идеи.

А. Гангнус. Я, может быть, нарочно огрубил, понимая, что все гораздо сложнее. Мы говорим о народе, о его движении к цивилизации, так что сам собой возникает вопрос о воспитателе. Долгое время воспитателями у нас были маршалы и генералиссимусы. Это не тот путь, по которому хотелось бы следовать дальше. Так что, надеюсь, генерала у нас не будет. Вот власть Съезда можно бы и усилить, но это должен решать сам Съезд. А в целом нынешняя линия получилась естественно, путем хоть и быстрой, но эволюции. Пусть так и будет впредь. Мне кажется, во многих случаях (не во всех), когда мы сгоряча упрекали Горбачева за то, что он что-то не так сделал или сказал, потом оказывалось, что именно так было к лучшему. И сам лидер тоже менялся, ход событий и его воспитывал.

С. Станкевич. Великая историческая загадка, как он смог выжить в этой системе, приспособиться, дождаться своего часа... Узнать бы когда-нибудь!

М. Чудакова. Сергей Борисович, закон больших чисел! Вы говорите, как случилось, а я все время думала: столько миллионов людей в партии, неужели не найдется хотя бы одного человека, который, пройдя все ступеньки, сохранил бы интерес не только к своей личной карьере, но и к судьбе страны?

Вяч. Иванов. А вы знаете, все-таки есть тут и личная удача. Можно привести другие примеры в высшем эшелоне власти. В порядке гипотезы я бы упомянул, скажем, о Кулакове, о котором сейчас почти не вспоминают,— он, по-видимому, раньше времени объявил себя как реформатор. То есть был ряд людей, каждый из которых теоретически мог возглавить перестройку. Это вообще очень интересная проблема, зависящая от разных комбинаций.

М. Чудакова. У Горбачева была, несомненно, личная воля, было желание пройти через все эти круги и остаться человеком.

Вяч. Иванов. Кстати, я думаю, обсуждение этих проблем в нашей печати было бы полезно. Нам нужна бо́льшая свобода, и не только в оценке отрицательных черт лидеров.

А. Гангнус. Я недавно побывал в провинции и общался там со всякими местными начальниками, в том числе с партийными. Один из них стал «поливать» Горбачева последними словами. Что интересно: я, конечно, решительно

вступился за Михаила Сергеевича, хотя буквально за полчаса до этого в другой компании сам его резко критиковал...

Вяч. Иванов. Мы все время возвращаемся к такой мысли: хорошо, когда у одного хорошего человека много власти (хотя бы потенциальной), но не дай бог, если этот человек не будет хорошим и принципиальным. Хотя историческая схема и предполагает в этом случае возможность положительного результата, нужно, видимо, все-таки думать о том, какие установления, нами создаваемые, создаваемые народом во всем разнообразии движений, поведут нас по другому пути. Нужно со вниманием относиться к проблемам установлений. Поскольку здесь упоминали Англию, могу сказать, что я во время недавней поездки был поражен, в какой степени эта свободная страна сохранила приверженность к старым символам. Полагаю, мы тоже не должны этого бояться. Мы ведь все время стремимся обязательно что-то уничтожать. Зачем? Зачем в спешке переименовывать названия городов? Хорошо, вернемся к Санкт-Петербургу. Это, думаю, по всей стране не вызовет массу волнений. Я понимаю, скажем, когда ставят вопрос о переносе в Ленинград столицы Российской Федерации, это вполне осмысленное было бы решение; совмещение двух столиц в одном городе, по-моему, политически вредно и организационно сложно. Но надо ли переименовывать? Дело совсем не в том, что я особенно почитаю Ленина. Дело в том, что это не та проблема, которую мы должны сегодня обсуждать.

С. Яковлев. Полностью согласен с вашим подходом в целом, но хотелось бы сделать исключение именно для Петербурга. Причем независимо от того, как мы относимся или будем относиться, положим, через двадцать лет к Ленину и Петру I. Не из двух реформаторов России приходится в данном случае выбирать, а решать вопрос жизни и смерти национальной культуры, которая, думаю, перетянет на весах любую историческую фигуру. С Петербургом и только с Петербургом связана величайшая литературно-художественная эпоха в России, эпоха в мировой культуре. Тут уж не символы, тут живая плоть. Но я вас прервал, простите.

Вяч. Иванов. Идеология мешает переменам не сама по себе, а потому, что она наделена реальной властью. Отсюда и страсти вокруг партии. Кстати, мы должны приветствовать присутствующего здесь беспартийного члена правительства. Этот факт показывает, что некоторое отделение от партии функций власти уже начало происходить. Лично мне всегда были близки конституционные демократы, хотя я даже не за партию кадетов, а за общее их направление. Надо исходить из медленного развития, это всегда разумно. Мы не должны настаивать на скорости. В такой стране, как наша, с такими гигантскими просторами, невозможно добиться быстроты. Быстрые перемены требуют жесткой власти. Я против диктатуры.

Н. Воронцов. Я был просто в ужасе, когда на митинге в Лужниках весьма уважаемый мною Леонид Михайлович Баткин с восторгом воскликнул: «Да здравствует революция в Китае!» Это было в те дни, когда все в Китае только начиналось. Очевидно, он предполагал, что будет движение вперед, надеялся на лучшее. Это же наивно! Я говорю так не потому, что принял пост члена правительства, надеюсь, я еще не очень сильно законсервировался, но я действительно так думаю. Даже слова «революционная перестройка», сказанные Михаилом Сергеевичем, меня, честно говоря, пугают. Я бы лучше говорил так: динамическая перестройка, коренная перестройка. Потому что только эволюционный путь не чреват катаклизмами.

Вяч. Иванов. Я думаю, вы правы — и это касается также наших национальных проблем. В чем несчастье? Несчастье в том, что требуют немедленно перекроить границы, не считаясь с реальной этнической пестротой населения. В конце концов решение всегда можно найти, но вот требование сиюминутных решений все превращает в трагедию.

С. Яковлев. Мне кажется, сегодня многие наученные горьким опытом предпочли бы эволюционное развитие, постепенность, но в человеческих условиях! В условиях, когда у власти, пользуясь определением В. И. Вернадского, стоят лучшие, а не худшие. Только тогда будет видно, в какую сторону мы идем. Вот что важно.

М. Чудакова. По-видимому, на нас давит огромность страны, и кажется, что править ею может только колосс. Это постоянно как-то имеется в виду. Мы привыкли к своеобразной поэтизации власти. В сущности, во всех спорах о власти ходим вокруг вопроса, хороший диктатор или плохой диктатор. Если же наверху окажется просто дельный администратор, выдвинутый большинством, то мы как будто даже что-то потеряем. Надо, видимо, развенчивать саму идею власти, становиться прагматичнее и проще насчет того, какая власть должна быть в нашей стране. К интеллигенции это пожелание тоже относится. Сначала власть внушала нашим интеллигентам ужас, затем презрение, опасение... Этот постоянный надрыв, этот комплекс по отношению к власти до сих пор, по-моему, мешает и накладывает отпечаток на все наши размышления о ней. В прошлом году, скажем, после XIX партконференции мне звонили знакомые и спрашивали: ну что, видели? Видели эти лица? Я обычно отвечала, что, когда мне хочется увидеть приятные лица, я зову домой друзей, а когда сижу перед телевизором, то слежу вовсе не за этим — смотрю, какой в стране политический расклад, что вообще происходит и так далее. Вот такое функциональное отношение к политике у нас, видимо, еще не родилось, нам его очень не хватает. Придем ли мы наконец к свободе от вечных болезненных размышлений о тех, кто нами правит?.. Когда много лет назад мой знакомый уехал в Америку, то в одном из первых писем шутя сообщал: «С властью здесь плохо. Ее почти нет». Вот к такому, когда с властью «плохо», мы как-то не привыкли.

Нервозное отношение к политической жизни сказывается и в том, что мы все время боимся, не перебрали ли по части политики, не слишком ли много занимаемся политическим устройством нашей жизни.

С одной стороны, моя мечта (думаю, что и многих тоже) — чтобы политика как можно меньше касалась в частной жизни каждого человека, чтоб человек имел право делать выбор, заниматься ему политикой или нет. В свое время, Сергей Борисович, я слышала по телевизору ваше выступление, где вы назвали себя политологом. Вы добровольно делали выбор, и это было очень привлекательно. Но зачем заниматься политикой каждому? Многие годы все мы поневоле были доморощенными политиками. Помню, дома, когда собирались, так сказать, за рюмкой чая, непременно заводили разговор о членах Политбюро. Я всегда заявляла друзьям, что мне обидно: мы о них говорим, а они-то о нас — нет...

Вяч. Иванов. Иногда и они говорили.

М. Чудакова. Иногда говорили. И все же мне хотелось бы говорить о них как можно меньше. Но, с другой стороны, к этому нет иного пути, кроме повышения уровня политического мышления. Если народ в целом не достигнет каких-то азов политического мышления, он никогда не примет того устройства общества, которого мы надеемся достичь. Освобождение от комплексов по отношению к политике и к власти необходимо всем, в том числе и самим политикам. Много компетентных людей и сегодня не хочет брать на себя функций управления и не берет.

Вяч. Иванов. Николай Николаевич, по-моему, восемь человек отказались перед вами от поста председателя Госкомприроды?

Н. Воронцов. Такая цифра где-то мелькнула, но я знаю конкретно только двух человек.

М. Чудакова. Комфорт жизни под гнетом власти оказался для многих столь важным, найденные при этом «экологические ниши» — столь привлекательными, что теперь из этих «ниш» людей можно только выкуривать. И еще неизвестно, получится ли.

В. Чаликова. Если считать, как Чехов, что все мы — народ, поставленную проблему («народ и власть») можно заземлить и так: депутаты и власть. Еще конкретнее: сессия Верховного Совета и реакция на ее работу радикального авангарда народных депутатов. Вот законопроект о предприятии, представленный Абалкиным. Я слышу и ушам не верю: он покрывает, а то и перекрывает все, о чем говорилось раньше, в том числе и неформалами на митингах. Самим выбирать форму хозяйственной деятельности, независимость, абсолютно никакого диктата сверху, акции, выход на внешний рынок и так далее. Делается радикальный шаг? Может быть, я предаюсь излишней эйфории, чего-то не понимаю? Но вот оценки, данные этому законопроекту экономически компетентными депутатами Травкиным и Тихоновым. Они говорят: законопроект хорош, заслуживает поддержки. А другие, не менее уважаемые и радикальные депутаты — что они думают об этом законопроекте? Неизвестно. Впечатление такое, что они просто от этой сессии, от этого состава Верховного Совета ничего хорошего не ждут.

Другая ситуация. Обсуждается указ о репрессиях. Сессия не удовлетворена. Депутаты говорят, что сталинские палачи должны быть морально наказаны, что надо попробовать как-то компенсировать ущерб, понесенный репрессированными, открыть архивы КГБ... Как это сделать, не развязывая мстительных эмоций? Люди мучительно пытаются сформулировать эти сложнейшие проблемы, причем их осаживает президиум. Я смотрю: в зале ни одного депутата, представляющего «Мемориал» (а их у нас только по Москве пятеро). Им никто не сказал, что будет такое обсуждение, не известил о повестке дня. Плохо, конечно, что народные депутаты не оповещаются, куда уж хуже,— и все-таки надо было узнать самим, прийти! Ведь на заседаниях «Мемориала» продумывалась каждая формулировка...

Все это мне напомнило вещь, хорошо знакомую по учебникам, а именно: тактику большевиков и других левых партий в Государственной думе. Суть ее сводилась к следующему: что бы «они» ни делали — все плохо. Я и теперь считаю, что Юрий Николаевич Афанасьев был эмоционально прав, когда сказал на Съезде об агрессивно-послушном большинстве. Я была в те дни в провинции и видела, как откликнулись на эти слова простые люди. Это был крик души. Может быть, он мобилизовал радикальный потенциал именно резкостью. Но теперь, когда это «агрессивно-послушное большинство» голосует и за региональный хозрасчет, и за многое другое, тактика не может оставаться прежней.

Всегда трудно заметить конец одного времени и начало другого тем, кто в нем, этом времени, живет. Съезд был последним ярким и острым мгновением прямой политической смелости. Мера смелости — санкция. Еще предвыборная кампания носила полулегальный характер. На Съезде было сказано все, и все остались целы. В результате площадки для смелости не стало. Осталось нормальное пространство парламентских дебатов. Пришло время мужества. А мужество состоит в том, чтобы, будучи в оппозиции, поддерживать все разумное. Допустим,— абсолютная фантазия! — выходит на трибуну кто-то из ваших оппонентов и предлагает разумный законопроект. Тут и нужно изрядное мужество, чтобы его поддержать! Ведь мы воспитаны на Белинском, на его «что бы вы ни сказали, я не соглашусь ни с чем». Это передавалось из поколения в поколение. Вот Андрей Дмитриевич Сахаров этому не подвластен. Он умеет говорить «нет», но умеет говорить и «да». Живое воплощение конструктивной оппозиции!

В целом же, мне кажется, сейчас словно ослабла какая-то пружина. Люди смотрят по телевизору заседания сессии, но у многих она уже не находит отклика...

А. Мигранян. Мне кажется, отклика нет оттого, что за последние два года перестройки центральная власть вынуждена постоянно догонять события.

В. Чаликова. На самом-то деле власть не любят нигде.

М. Чудакова. И это очень хорошо! Это хорошо, по-моему.

В. Чаликова. Я знакома с американскими исследованиями: на вопрос «Что вы думаете о конгрессменах, сенаторах, министрах?» люди в большинстве своем отвечают, что все они — политиканы, что народ их не интересует и так далее. И это нормально. «Живая власть для черни ненавистна»,— сказал Пушкин и, как всегда, был прав. Человеку трудно примириться с тем, что кто-то им управляет, хотя, с другой стороны, он этого хочет. Такое сложное взаимоотношение народа и власти порождает недовольство, тайную симпатию к анархии.

Вяч. Иванов. Иногда — явную. В России явную.

В. Чаликова. Тем не менее, когда все эти «бюрократы» и «политиканы» реально становятся у власти, они могут пользоваться достаточным авторитетом, уважением, даже любовью и нормально управлять. То, что к некоторым нашим депутатам относятся с нежностью и теплотой, я видела собственными глазами. Но ведь их еще не воспринимают как власть! Они — герои и борцы с властью. Культура управления встала перед нами как конкретная задача: героическая оппозиция должна стать работающей и разделяющей власть оппозицией. Одна из важных задач нашего парламента — именно в смысле культуры управления, укрепления связей с народом — это, по-моему, сохранить оппозицию в своих рядах. В самом деле, что без нее за парламент? И не надо никаких эвфемизмов, не «межрегиональная группа», а именно оппозиция! Люди быстро к этому слову привыкнут, никто его не будет бояться. Привыкли же к плюрализму...

С. Станкевич. Важно, из чьих уст оно будет звучать.

Вяч. Иванов. Лишь бы не использовалось в качестве ругательства. Но я хочу добавить по поводу Декрета, зачитанного на Съезде Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Его реальный смысл был, очевидно, в том, чтобы передать государственную власть на сегодняшний день Горбачеву, лишить этой власти Политбюро.

В. Чаликова. Либо реформы, которые сейчас предлагаются, могут еще что-то спасти, либо уже поздно. Я не исключаю и второго варианта. Может быть, отсюда и общая вялость отклика. Это ведь тоже должно иметь под собой какую-то глубинную причину.

М. Чудакова. Если я правильно поняла, вас смущает и даже приводит в некоторую панику отсутствие патетического отношения ко всему тому, что сегодня предлагает нам власть. Тем самым крестьянину, рабочему, вообще любому человеку, который занят своими делами, вменяется непременно эмоциональное, заинтересованное, нами заранее запрограммированное отношение к каждому политическому шагу. Но мы же только что предпочли революции эволюционный путь развития. А на этом пути нет места для вечного ожидания *событий*, для *детективного* отношения к жизни.

Жизнь все-таки состоит не из событий. Включаешь телевизор — там Абалкин утомленным голосом зачитывает свой законопроект. Или — привычно-усталое лицо Примакова, усталость от общения с таким большим количеством политически не искушенных людей. Я никого не виню, просто говорю, как это выглядит. Утомление интеллектуала после долгого застоя. Мы все в какой-то мере утомились, хотя я не считаю себя вправе изображать утомление на своем лице. Приходится, так сказать, бодриться под ножом. Как у Зощенко врач просит для опытов не водить ему полудохлых псов, а привести такую собаку, «чтоб она, стерва, бодрилась бы под ножом».

Ну, это для примера. Я все-таки считаю, что, когда скучным и утомленным голосом зачитывается пусть и очень хороший законопроект, мы не должны ожидать каких-то сверхъестественных проявлений радости, чтобы депутаты, например, вскочили на стулья, а телезрители начали душить друг друга в объятиях. Наоборот, я хочу, чтобы в моей стране прекрасные законопроекты принимались как раз скучно. Главное, чтобы они осуществлялись, реализовывались. До сих пор едва ли не все разумное мы теряем уже при его рождении.

С. Станкевич. То есть вы за такую ситуацию, когда, глядя в газету с добродушной ленцой, говорят: «Вот еще один хороший законопроект». Это реакция зрелого демократического общества. Наше общество далеко от этого зрелого состояния.

М. Чудакова. А вы не допускаете возможности, что просто не заметите каких-то народившихся моментов этого общества, нового его качества? Мне кажется, что мы во многом утратили умение наблюдать свое собственное общество, видеть каждодневную динамику. Ждем каких-то фронтальных изменений — допустим, решительного поворота к демократии, чтобы как-то начать реагировать. А нужно ощущать политическую реальность. Она, как всякая реальность, не может быть заранее предсказана, ее нужно именно ощущать, трогать руками и делать о ней свои выводы. Непредсказуемого в жизни страны за последние годы было очень много. Как, впрочем, нет другой такой страны, где бы так часто произносилось слово «никогда». Я потратила на спор с этим «никогда» значительную часть жизни — всегда старалась уверить собеседников, что в нашей стране невозможно что-либо жестко предсказывать. Потому что наша страна — и я в это горячо верю — страна возможностей. И не нужно, мне кажется, подстегивать общество и торопить народ, как лошадь какую-то заморенную, сурово спрашивая: что же ты сейчас, в данную минуту, не реагируешь?

В. Чаликова. Но речь шла не о населении, а о депутатах! У меня был вполне конкретный вопрос: теперь, когда мы убедились, что Верховный Совет вовсе не представляет собой сборище каких-то монстров, что он оказался более серьезным и радикальным, чем мы ожидали,— как в этом случае вести себя оппозиции? Должна быть, по-видимому, нормальная политическая игра, при которой оппозиция выступает, задирается, нападает, критикует, будоражит, привлекает к себе внимание, но в самом существенном все-таки взаимодействует с властью, как происходит при либеральных режимах, то есть не бойкотирует принципов сложившейся структуры. Другой вариант — бойкот парламента и социальная революция. Давайте называть вещи своими именами. Одно из двух: или считать, что горбачевский вариант перестройки весь исчерпан, тогда — хотим мы или не хотим — нечто революционно-мятежное будет происходить, или все-таки есть возможность двигаться дальше путем реформ. Я не хочу революции. Меня страшит перспектива взаимной глухоты двух частей парламента.

С. Станкевич. Думаю, что вас все-таки страшит слово, а не его смысл.

Вяч. Иванов. К сожалению, те процессы, которых вы опасаетесь, уже начались. Вспомните Фергану.

С. Якоалев. У вас, мне кажется, спор единомышленников. Мы все подчеркиваем, как быстро меняется обстановка вокруг, а с ней и наше настроение. Сегодня после нескольких удачных, скажем так, шагов Верховного Совета отношение к власти одно, а завтра может произойти что-нибудь такое, после чего отношение круто изменится. Это может случиться даже раньше, чем наш разговор появится в печати. И сама Виктория Атомоана первая встанет в ряды радикальной оппозиции таким-то и таким-то решениям. Как уже бывало не раз. Как было, положим, со всеми нами весной после злополучного Указа о государственных преступлениях. Очень удачно, по-моему, выразилась Мариэтта Омаровна: страна возможностей, причем самых невероятных...

М. Чудакова. Мне кажется, деятельность наших политиков будет тем более успешной, чем больше будет совершенствоваться социальный контекст. А он зависит не только от проектов и законов, но и от того, что называвтся воспитанием. Мы недостаточно об этом думаем. Это прекрасно, что гуманитарии хотят честно называть зволюцию зволюцией, ясно отдавать себе отчет в том, с какими символами они будут спорить, а какие можно пока оставить. Но давайте все-таки обратим внимание на наш грязный быт (в том смысле, в каком бывает химически грязное вещество), на то хотя бы, как сегодня воспитываются на улицах наши маленькие дети. Будет ли у них необходимое для жизни в цивилизованном обществе чувство собственного достоинства? Отвлекшись на занятия политикой и отчасти экономикой, мы продолжаем воспроизводить зтот наш грязный общественный быт. С его формами взаимоотношений взрослых и детей, с его языком... Вот недавно мелькнуло в одном из журналов, что неплохо бы вернуть в школы обращение на «Вы», как было в гимназии. Такой простенькой вещи я придаю большое значение. Понимаете, когда учитель говорит с двенадцатилетней девочкой на «Вы», сама структура разговора уже другая... Это, по-моему, очень существенная часть проблемы отношений власти и народа. Как известно, рабы завидуют рабам, раб может принести другому рабу только рабство.

Вяч. Иаанов. Первые и основные вопросы у нас сейчас — это здравоохранение, то есть сохранение жизни народа, образование и воспитание. Все остальное должно быть им подчинено, включая экономику, включая политику.

А. Гангнус. Кто будет воспитывать? Хорошее пожелание, но кто реализовывать его будет? Ведь ваш сын или внук в безраздельной власти аоспитателя, учителя, директора школы...

С. Станкеаич. А система назначает таких директоров школ, какие предполагают вполне определенное воспитание — обработку под шаблон.

В. Чаликоаа. В зтом смысле был дан хороший урок на Съезде — когда доктор Касьян сказал, что люди, мол, напрасно митингуют, работать надо, а ему ответил Гавриил Попов. Напомнил Касьяну, как ему же самому система не давала работать. Так что политика и общественный быт всегда взаимосвязаны.

Вяч. Иаанов. Политика остается средством.

С. Станкеаич. Причем в наших условиях — универсальным средством!

Вяч. Иаанов. Политика никогда не должна быть целью.

А. Мигранян. Я хочу возразить против доминирующей здесь тенденции. Я не согласен с тем, что надо исключать из нашего лексикона слово «революция». Революции бывают разные. В данном случае речь идет о революции сверху, я поддерживаю такую революцию и считаю, что ее не надо бояться. Речь идет о переменах, которые меняют общество в его сущностных характеристиках, его конституциирующих элементах.

Теперь насчет цивилизованности. Вы знаете, меня очень напугали забастовки. И не забастовки сами по себе, не деятельность стачечных комитетов, а то, как отнеслись к забастовкам народные депутаты. Передо мной встала проблема: а нужны ли нам депутаты, которые представляют... профессии? Во время забастовки вдруг оказалось, что депутаты-шахтеры блокируются с шахтерами, металлурги — с металлургами, а потом кто-то выступил и сказал: вот видите, как плохо, что нас, рабочих, здесь оказалось мало. А должно быть много, чтобы мы могли эффективно защищать интересы рабочего класса... Эти рассуждения меня просто потрясли. И такой абсурд — в высшем органе власти! Да я просто счастлив, что на данном этапе этот орган в своей власти ограничен.

М. Чудакова. Слово «счастье» здесь, наверное, неуместно. Скорей уж мы должны скорбеть, что у нас такие дела...

А. Мигранян. Но вы представляете, что это значит — парламент, который превращается а отраслеаой профсоюз или представительство отраслевых профсоюзов, в лоббистскую группу?

Вяч. Иаанов. В этом месте я вас прерву и спрошу: а как вы относитесь к кастовой организации, скажем, в Индии? Касты в России всегда существовали, они закреплены и существующим режимом. Так называемые творческие союзы, Академия наук и т. д.— ведь все это тоже проявление кастовой организации. Даже браки заключаются внутри каст. В силу полуазиатского характера страны кастовая организация реальна и в правительственной системе.

А. Мигранян. Я с вами согласен, но раз мы говорим о цивилизованности, то цивилизованность и должна состоять в том, чтобы преодолеть эту кастовую систему. Мы же создаем парламент не в Европе XIII—XIV веков, мы пытаемся создать современный парламент, в рамках которого мы должны преодолеть кастовость. Возвращаясь к высказанной здесь мысли о смелости, я бы добавил: смелость нужна не только для того, чтобы говорить какие-то дерзкив вещи властям, смелость в России еще больше, может быть, нужна для того, чтобы говорить нечто неприятное народу.

В. Чаликоаа. Но в Англии, например, шахтеры бастуют годами! В вашей любимой Англии...

А. Мигранян. Конечно, народ у нас настолько задавлен, что просто язык не поворачивается возразить ему, когда он встает. Но тем не менее популистская угроза вполне реальна, и я первым стал бы аплодировать тем депутатам, которые бы вовремя указали народу, что вот в таких-то вопросах он будет пользоваться депутатской поддержкой, а в таких-то — не будет. Не поддержим повышения закупочных цен, не поддержим повышения зарплаты и т. д., и т. д. Потому что иначе мы можем оказаться в положении, какое было до недавних пор в Польше, то есть не будем иметь ни эффективной власти, ни зффективного парламента, ни эффективного правительства.

С. Станкеаич. Конечно, популизм несет в себе деструктивную угрозу, но его нельзя воспринимать только как угрозу. Это совершенно неизбежная сейчас для нас стадия, и мы должны эту стадию в нашем политическом развитии пройти. Ничего иного, убежден, нам на ближайшее будущее не дано.

Что же касается того, счастливы ли мы, что перестройка — это революция сверху... Да, началась она действительно так, но она никогда на этом пути не завершится, не сможет затронуть те самые конституирующие черты нашего общества, останется верхушечным реформаторством. В этом смысле массовое общественное движение, в том числе и в форме популизма, мне кажется, призвано сыграть далеко не только деструктивную, но и созидательную роль. Прежде всего из популизма, перерастая его, преодолевая его издержки, выйдут те политические структуры, которые будут формировать и гражданское общество, и подлинный парламентарный строй. У всего есть свои этапы, и, видимо, есть смысл видеть не только события, как совершенно справедливо здесь говорилось, но видеть и процесс.

М. Чудакоаа. Да, именно так. Когда проходили выборы, я оказалась в Соединенных Штатах. Там многие внимательно следили за нашей выборной кампанией, кто-то подходил, выражал соболезнование: как жаль, что выбрали того, а не этого, какой ужас, как все печально. Я им тоже говорила: вы не смотрите на события, вы смотрите на процесс. Сейчас важна динамика. Я не могу сформулировать конкретнее, но я так чувствую. Важно, что говорится, что делается каждый день, а не то, что *произошло.* Как сказано у одного писателя 20-х годов: ты мне не рассказывай про то, что *случилось*, а рассказывай про то, что *было.* Поэтому я полностью согласна, что процесс сейчас гораздо важнее любого результата.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ВСЕМ ЗАСУЧИТЬ РУКАВА?

Борис УТЕХИН, редактор отдела молодежных проблем

Стоит ли вообще спорить о патриотизме?

Во-пераых, участников дискуссии сразу же подстврегает опасность оказаться в неудобном положении: общвпринято считать любовь к родине подобной вере в бога: можно верить или не верить, любовь или есть, или ее нет, и зто, как гоаорится, не предмет обсуждения. Во-вторых, понятие «патриотизм» за последние десятилетия стало одной из категорий лояльности по отношению к существующему государственному устройству и официальному образу мысли. Как высказывался не так давно один из наших популярнейших политических лидеров: «...Патриот — не тот, кто говорит красивые слова о любви к Родине, а тот, кто, видя трудности, нервшенныв проблемы, не ноет, не паникует, не носится со своими эгоистическими претензиями а засучиа рукава, преодолевает преграды». То есть, втягиваясь в спор, а тем более, отклоняясь от идеологически выверенной линии, рискувшь попасть в число лиц с «эгоистическими претензиями» и выпасть из рядов «засучивших рукава». Впрочем, тенденция в последнев врвмя склонна круто измениться: наблюдательный человек заметит: вот уже больше года мы пишем слово «родина» с маленькой буквы, а слово Бог — с большой, что еще в школе считалось грамматическими ошибками. Таким образом, выверенная линия а последнее время совершает крутыв зигзаги. «Подлинные патриоты» и «интернационалисты», «защищавшие южныв рубежи нашей Родины»,— уже не патриоты и даже нв интернационалисты. И я, к стыду свовму выполнявший в свое время наказ Л. И. Брежнева «Мы братскую Польшу в беде не оставим и в обиду нв дадим», ныне не ощущаю себя таким уж патриотом и борцом за безопасность западных рубежвй, а моя любовь к родинв слагается из совершенно иных составляющих.

Говорят, что есть любовь, которая чем-то сродни жалости. Видимо, в самом сильном и красивом человеке можно любить не силу и красоту, а несовершенства. Мне кажется, эта неочевидная причина любви обладает огромной скрытой силой. Потому что любовь-жалость предполагает необходимость отдавать, дарить, ухаживать за любимой, а не требовать от нее некой компенсации за чувство. Вся эта философия о любви к тому, что у многих моих сверстников кардинально меняется сегодня взгляд на родину. Она станоаится другой, становимся другими и мы. Вспоминаю наши шестидесятые годы, которые по консервативности школьного воспитания мало чем отличались от ждановских сорокоаых. Из нас выковывали сыновей аеликой державы, прогремевшей на весь мир русской нации. Нас учили, что не Бессемер, Мартен и Сименс влвраые разработали технологию производства стали, а русский Чернов. Элвктрическая лампочка — изобретение нв Эдисона, а Лодыгина. Локомотив отца и сына Черепановых был создан раньшв, чем локомотив Стефенсона. Что твлвграфная связь использовалась в России ещв до Морзе в Америке. На уроках истории мы проходили, что почти все войны, которые вела царская Россия, были справедливыми и прогрессивными. Что генерал Скобелев, совершивший в прошлом веке карательную зкспедицию в Среднюю Азию,— герой, что все местные сопротивления и отзвуки прошлой борьбы с русскими завоеваниями — проявлвния национализма. Нас учили патриотизму, и хотя патриотизм этот назывался не русским, а советским — что с того? Ведущей национальной силой страны была и остается пока что Россия — и именно она несла на себе весь этот груз непогрешимости.

Мы тогда не знали, что происходит за фасадом этого праздничного здания, какая темнота, разор и преступления творятся в сохранившихся казематах бывшей «тюрьмы народоа». Наш патриотизм, с которым мы убежденно обороняли рубежи в Польше и Афганистанв, строился на фундамвнте именно зтого важного самодовольства, этой уверенности а праве руководить и направлять во главе с мудрыми вождями, казнить и миловать у себя и там, где не просили нашего суда. Это чуаство приобщенности к власти — в какой бы форме оно ни проявлялось,— в конечном счвтв гасило недовольство и нвудовлетворенность от собственной убогой жизни, и потребность в сохранении этой власти заставляла отчуждаться от мира, не принимая достоинства других и скрывая собственные пороки. И неудивительно, что убыточная правда, убыточный, как казалось, для советского общества партиотизм Сахароаа вызывал только озлобление. Не у одного аппарата. У массы простых людей, не видевших и не имевших в жизни ничего. Кроме голого патриотизма.

Я жалею свою родину. Как нелегок был для меня переход к этому чуаству, сколь трудна наука видеть истину не только во всей ев красотв, но и во всей ее убогости — поймут те, кто пережил это мучительное состоянив. А те, кто не пережил... Их можно понять. Они выросли с мессианской идеей избранности, с убеждением, что саоими страданиями принесли миру надвжду на свет и избавлвние от гнета. Что же, действительно принесли. Указав опасный, крооааый и поэтому неприемлемый для так и нв присоединившихся пролетариев всех стран путь. Но для меня такой патриотизм не стоит пролитых слез. Это разве была любовь к родине? Да была ли это вообще любовь?

Часто усматривают противоречие между любовью к родине и любовью к истине. Сегодня для меня это неразделимо. Правда вызывает боль в моей душе, а это ли не истинная любовь?

ГРИМЕРНАЯ ПРОФЕССОРА БЖЕСКИ

Профессор А. Бжески — участник советско-американской встречи на тему «Понимание ценностей западной цивилизации», состоявшийся в этом году в Москве по инициативе Философского общества СССР. Теперь, когда мы переходим от конфронтации к поиску взаимопонимания, к диалогу с Западом, такие диспуты, безусловно, важны. Они не только дают ценную информацию к размышлению, но и показыаают, какой видится наша страна и мы со стороны.

Профессор Бжески отстаивает ценности капитализма времен... Маркса и Энгельса. Профессор Бжвски критикует социализм времен... Брежнева. В первом случае апология частной собственности, во втором — апология государственной собственности.

Мы живвм в ином мире, и профессор не может этого не знать. Существует целый буквт теорий неокапитализма (народного, организованного. управленческого, человеческого и т. д.) и целая клумба концепций трансформации капитализма — индустриального, технотронного, постбуржуазного, программируемого, высокого массового потребления и даже социализма участия и пенсионно-фондового социализма...

Эти твории фрагментарно отражают реальности. Государственное регулирование доходов либо, скажем иначе, участие в них: тех самых, которые добыты при помощи частной собственности, есть не что иное, как владение частью этой собственности в размере доли изымаемой прибыли в видв налогов.

Надо как-то усвоить одну простенькую истину политэкономии, которая, к сожалению, выпала из поля зрения профессора, так же как и у многих наших титулованных зкономистов. (Об этом легко судить по дебатам в Верховном Советв СССР вокруг проекта Закона о собстаенности, который научнее было бы назвать Законом о прибылях.) Собственность на средства производства вовсе не является причиной производства!

Причина производства — прибыль, а срвдства производства и есть лишь средства для получения прибыли. Было бы наивно считать, что крестьянин покупает трактор только для того, чтобы владеть им. Нет, трактор ему нужен для овладения прибылью. И если сегодня у нас заговорили о денационализации земли (академик В. Тихонов), так это только и исключительно в связи с необходимостью **денационализировать прибыль** и тем самым дать возможность работнику действительно осознать свою зависимость от результатов труда.

Однако та же цель достигается и при сохранении за обществом права собственника на землю, при осуществлении полного права крестьянина на продукцию. Это аренда, но в том виде, который не получил у нас ни малейшего развития. И вовсе нв идеологическими соображениями и опасениями за судьбу социализма руководствуются аграрные и иные ведомства, отметая подобные предложения, а чувством самосохранения. Крестьянин (колхоз, совхоз), ставший собственником продукции, неизмвримо опаснев для их существования, чем тот же крестьянин — собственник земли, но обязанный отдавать продукцию им, ведомствам.

Частная собственность, по мнению профессора, яаляется проявлением, выражением и гарантией свободы. Но о какой свободе можно вести речь, когда собственник земли не является собственником прибыли? И соасем другая картина, если эта пластинка перевернута.

У кого прибыль — тот и хозяин.

Из этого можно сделать вывод, что апология собстаенности — частной или государственной — это классический случай подмены причины следствием. Причина, повторюсь,— это интерес производителя, реализованный в прибыли, следствие — способы ее достижения, среди которых средства производства являются не единственными. Финансисты, например, знают немало других приемов, как получить прибыль...

Таким образом, социализм необязательно саязан с монополией на средства производства, а это для профессора первый из основных признаков критикуемого экономического устройства СССР. Второй жв — невозможность «примирения социализма и рыночной экономики», «которая работает без плановика, сама решает, где и как распределять ресурсы». Словом, социалистический рынок не может существовать просто потому, что, сложившись как рынок, он уже не станет социалистическим. Очень интересная мысль. Но верна ли она?

Разберемся поначалу с «плановиком». Именно это смелое предположение об отсутствии плановых начал при капитализме и зародило подозрение, что нам подносят формацию прошлого века. Планирование и сопряженное с ним прогнозирование — мощная ветвь западного бизнеса. Могу, в частности, отослать читателей к работам австрийского ученого Эриха Янча, который, обобщая деятельность всей западной зкономики, выявляет не только наличие стратегии планирования, но даже его нормативный характер.

А что такое маркетинг, как не планирование коммерческого успеха?

Знакомый мне Янош Бочанци, президент западногерманской фирмы «Тебимпекс Гмбх», активно работающий в СССР, формирувт свои «капиталистические планы» на годы вперед, старавтся учесть события, которые произойдут в Западной Европе, в Юго-Восточной Азии (это сфера его деятельности) в 1992—1995 годах!

Разумеется, что и социалистический производитель, оказавшись собственником продукции, станет заниматься планированием превращения ее в товар все с той же целью обогащения. И здесь надо внести еще одно уточнение в формулировки профессора Бжески: рыночная экономика необязательно осноаана только на частной собственности. Ев мотором может яаиться интврес «частного» собственника прибыли при наличии юридического собственника средств производства.

Да, придется делиться выручкой с государством. Но так же поступают и капиталистические фирмы.

Нет слов, рыночная экономика состоит из множества индивидуальных решений. В этом и проявляется ее человеческое начало, видится ев человеческое лицо. 1000 совместных предприятий в СССР работают по этим принципам, они являются собственниками своей продукции. Достаточно права и свободы СП перенести на 100 тысяч государственных предприятий, как мы получим реальный социалистический рынок, вовсе не меняя отношения собственности на средства производства.

Другое дело, что этот процесс не совпадает с интересами многих социальных групп, которыв возникли, оформились, заимели сильное влияние на общественные процвссы прежде всего в роли посредников между производителями и потребитвлями. Берем в деревне — продаем в городе. Берем продукцию городского рабочего — продаем крестьянину. Это особый и многочисленный класс людей, обособленных от производства, занятый перераспределением, поставивший себв на службу многие государственные институты, неспособный и не желающий найти себе пропитание без посредничестаа.

Профессор Бжески не разглядел его существования, ограничившись легкой пальбой по бюрократам. Бюрократы есть и на Западв. Речь же идет о наличии у нас и неизвестной за границей социально-экономической прослойки, живущей только за счет перераспределения чужой продукции и прибыли и ошибочно идентифицируемой с социализмом. Вот от какого наследия нам предстоит отказаться. И если — это уже мои формулировки — капитализм — **коммерческая форма распоряжения прибаочным продуктом,** то социализм в идеале — **общестаенная форма распоряжения прибавочным продуктом.**

После всего сказанного закономерен вопрос: так надо ли печатать статью А. Бжески? Да, надо! Надо, исходя из того, что полезно видеть и другие точки зрения, знать аргументацию и подходы «противоположной» стороны.

Эдаврд МАКСИМОВСКИЙ,
экономист

ОТ РЕДАКЦИИ. Статью для журнала «Родина» А. Бжески подготовил по теме своего выступления на советско-американской встрече.

Печатая статью профессора А. Бжески, мы понимаем, что многое в ней излишне полемически заострено и гиперболизировано. Но мы понимаем и то, что очень многое в ней может послужить ценной информацией к размышлению о перестройке экономики в нашей стране. Редакция приглашает советских экономистов включиться в поднятый разговор.

КАПИТАЛИЗМ С «ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ»?

Анджей БЖЕСКИ, профессор Калифорнийского университета

Считанные экономисты так проницательно и проникновенно описали творческий потенциал капитализма, как авторы «Коммунистического манифеста». Вывод делался следующий: «Буржуазия на протяжении менее чем за сто лет своего классового господства создала гораздо более многочисленные и более грандиозные силы, чем все предыдущие поколения, вместе взятые».

Тем не менее создателям «Коммунистического манифеста» это виделось как своего рода надгробное слово. В то время, когда они писали этот пассаж, то есть более 140 лет назад, Маркс и Энгельс были уверены, что капитализм свой потенциал исчерпал. Что его возможностям пришел конец, он обречен в силу внутренних конфликтов, или, как они это называли, противоречий.

Через 70 лет В. И. Ленин писал, что империализм является переходным этапом, или, точнее говоря, умирающим, разлагающимся капитализмом.

Сталин пространно рассуждал об общем кризисе капитализма. А в относительно недавние времена аналогичные мысли излагал Хрущев, когда он заявил в своей речи: мы вас похороним.

Деятелей меньшего калибра, имя которым легион, я даже цитировать не буду.

В любом случае зти прогнозы разминулись с реальным ходом истории. Действительность обернулась совершенно другим. Капиталистическая машина продолжает мчаться вперед с высокой скоростью, выдавая изобилие товаров и услуг. Их объем и разнообразие, рост производительности, не снижающее темпы новаторство являются для меня самым главным доказательством жизнеспособности капитализма.

Обозревая весь этот путь капиталистической системы, который Гегель, Кант и Маркс описывают в нейтральных выражениях типа «развитые», «рост», трудно избежать ценностных суждений. Для меня главное заключается в том, что позволяет все большей численности населения постоянно увеличивать ожидание жизни при рождении, то есть растет длительность жизни. Это желанная цель. Это и есть экономический прогресс. И вот немного статистики.

С 1800 по 1850 год население Соединенных Штатов выросло более чем в четыре раза, с 1850 до 1985 года оно выросло в 10 раз.

В то же самое время с 1850 года средняя продолжительность жизни и ожидание жизни при рождении для женщин и мужчин в Соединенных Штатах удвоилось. А продукция на душу населения, которая является хотя и косвенным показателем производительности общественного труда, выросла более чем в 9 раз за зти 150 лет. Все зто достигнуто на фоне постоянного сокращения рабочего времени. За указанный период оно снизилось на 40%.

Из зтих данных виден масштаб зкономического прогресса в Соединенных Штатах, но это аедь всего-навсего иллюстрация, ибо аналогичную картину можно найти и в других капиталистических странах, причем не только Европы, но — что гораздо более убедительно и поразительно — в капиталистических странах Азии.

Другими словами, там, где капитализму дозволено функционировать во всю свою мощь, будь то в Испании или на Тайване, достигается разительное увеличение продолжительности человеческой жизни для постоянно растущего народонаселения наряду с повышением качества, уровня и объема таких благ, как продукты питания, одежда, жилплощадь, образование, связь, возможность поездок и т. д.

Экономисты по призванию, по роду занятий — аналитики, они верят лишь в количественные оценки. Тем не менее Адам Смит носил званив и профессора зтики и нравственной философии в университете Глазго. Он написал две книги до выхода «Богатства наций» в 1776 году. Его книга «Теория нравственных чувств» вышла в 1759 году. В определенном смысле его более известные опусы по экономике являются всего-навсего сноской, не характерно длинной, не характерно существенной по отношению вот к этим ранним трактатам по нравственности.

Мы знаем, что для Смита богатство является потенциальным выражением не только естественного могущества, но и также проявлвнием развивающейся человеческой личности. Таким образом, с возрастанивм богатства человек высвобождает себя и осуществляет свои жизненные предначертания.

Постоянно дебатируется вопрос о неравенстве при капитализме, о нем пойдет речь дальше. Все группы, на наш взгляд, и социальные группы в частности, повышают имеющиеся у них блага, свой социальный статус в результатв повышения производительности капитализма. Подтверждения этого носят документальный, литвратурный, художественный, любой, не гоаоря уж о статистическом, характер. Они не оставляют никаких сомнений. Кто-то справедлиао говорил, что во Франции еще в докапиталистичвскую эпоху носили шелковые чулки, но именно капитализм дал тем же продавщицам те же шелковые чулки, которые до них носила французская королева.

Другими словами, капитализм, на наш взгляд, материально плодотворен для беднейших групп населения. Но мы должны взглянуть на то, какое зто отношение имеет к нравственности и морали.

Теперь зададимся вопросом: каково воздействие экономического улучшения на нравственный и моральный статус человека? Более продолжительная, более удобная, более комфортная жизнь на фоне изобилия продовольствия, качественного жилья, жизнь в уюте, жизнь на фоне удовольствий, жизнь при наличии досуга и возможности заполнить его, как мне представляется, более соответствует человеческой природе, а нравственные последствия экономического прогресса невозможно описать в терминах единой статистики.

Таким образом, капитализм вносит максимальный вклад в нравственное возвышение человека. Правда, это вопрос не зкономический. Возрастающая возможность управления материальными ресурсами, которую привносит с собой капитализм, используется для так называемой звдемонии, то есть управления в соответствии с разумом, с уравновешенным состоянием крайностей.

Но зто только одна сторона медали. Другая сторона, конечно, состоит в том, что изобилие — условие, порождающее и ряд гораздо менее желательных последствий. В частности, оно порождает псевдорационализм, порождает антинауку, которая враждебна религии. Кроме того, оно порождает свои собственные новообразования, свою собственную патологию.

Отсюда, на мой взгляд, повышение преступности, злоупотребление наркотиками и т. д. Об зтих противоречивых тенденциях написаны бесконечные тома, авторы которых пытаются объяснить эти негативные явления как результат неравенства, неадекаатного распределения социальных благ и так далее. Это ошибка. Потому что причины лежат гораздо глубже. Они лежат в неспособности человечества выиграть битву, которая идет анутри нас.

Теперь обратимся к главному — роли нравственности в экономическом прогрессе.

Правовое государство, в котором свобода является величайшей святыней, высочайшим и неколебимым принципом,— вот основная предпосылка всего морального, нравственного, мате-

риального прогресса, и именно на этом фундамвнтв покоится ныне здание западной цивилизации.

Многие философы прошлого говорили то, что блистательно подытожил аеликий русский мыслитель Александр Герцен с величайшей свойственной ему проницательностью:

«Почему столь ценна свобода,— говорит он,— потому, что она является вещью в себе, она является самоцелью, она является тем, что она есть. Приносить ее в жертву чему-то другому означает приносить в жертву человека как такового».

К этому просто практически нечего добавить. Это прекрасное изложение принципов за исключением того, что необходимо определить, как эта почтенная концепция будет работать на уровне жизни, на уровне оперативных подробностей.

По-английски «liberty» — «свобода» означает практически свободу от внешнего принуждения и ограничения, и, говоря более конкретно, она означает сумму и итог прав и механизмоа защиты всвх граждан организованного, циаилизованного общества или сообщества.

Сама нравственность — это качество, которое позволяет делать выбор, зто наличие выбора, а само наличие выбора для многочисленных мыслителей в современном мирв является функцией свободы.

Совместимость с институтами и путями свободы является величайшей заслугой частного предпринимательства, рыночной экономики, которая остается основной экономической машиной на Западе.

Эффективность, динамика, все то, чем обычно восхищаемся а капитализме,— все это лишь побочные блага. Так же как и все остальные, мвнее приятные сопутствующие факторы, скажем, неустойчивость и безработица, всего лишь побочные затраты.

Милтон Фридман в своей классической работе «Капитализм и свобода» (1961 г.) говорит, что «наиболее существенной чертой рынка является то, что он отделяет экономическую деятельность индивидуумов от политических идей и политической деятельности и таким образом обеспечивает индивидууму эффективное средство сохранения личной свободы».

Я могу согласиться с тем, что главнов достоинство капитализма состоит а том, что он способствует прогрессу, достигая разнообразия и свободы. Конкурентный рынок в его самом широком смысле является наиболее мощным и могучим ангелом-хранителем против авторитаризма и всвго, что он с собой привносит.

Частная собственность в ее различных формах стимулирует рост, новаторство, производительность, в то же время социалистическая, особенно в ее наиболее распространенной форме государственной собственности, порождает разбазаривание ценностей и застой. Социалистическая собстаенность необязательно мешает росту. Но всегда этот рост происходит путем неимоверных затрат, которые навязываются насильственными средствами.

Наконец эти идеи как будто бы дошли и до самих марксистов, отсюда всяческие попытки приватизации, полуприватизации, каазиприватизации различных экономик в социалистическом мире.

К сожалению, это осознание, на мой взгляд, опоздало после 70 лет разрушительных экспериментов. Наконец-то вступает в силу любимая английская поговорка Маркса насчет того, что доказательство вкуса пудинга можно получить, только съев его.

Частная собственность нравственно превосходит свои альтернативы, ибо она лучше служит обществу, ибо повышает богатство. Частная собственность яаляется проявлением, выражением и гарантией свободы — Юм, Локк, Монтескье, все сходились на этом. Следует добавить, что это, видимо, понимали и большинство тиранов. Экспроприация всегда была избранным оружием тираноа в многочислвнных исторических битвах по принципу кто кого.

Интеллектуальные аргументы в пользу частной собственности сегодня предстают гораздо сильнее, чем когда-либо в прошлом.

История дает нам многочисленные иллюстрации того, что частная собственность защищает против опасной концентрации власти в одних руках. Там, где частная собственность пользуется уважением, личная свобода наиболее защищена. А господствующее и душащее ее государство мы наименее чувствуем.

Аргументы в пользу рынка могут служить дополнением аргументов в пользу частной собственности. Они неразделимы, ибо преимущества частной собственности нельзя реализовать без рынка, и наоборот.

Я часто слышу вопрос о возможности существования социалистического рынка. Для меня социализм означает две классические вещи. Государстаенная общественная собственность на средства производстаа. И второе — централизованное планирование. Рыночная же зкономика — это зкономика, которая работает без плановика, которая сама решает, где и как распределять ресурсы.

Рыночный механизм — это то, что хотели бы использовать те, кто считает себя марксистом и кто пару лет назад рьяно выступал в пользу централизованного планирования, а сегодня в один прекрасный день они обнаружили, что рынок — прекрасная вещь, в социалистических странах должен быть свой рынок и т. д.

Может ли социалистическая экономика создать у себя институты подобного рода, не мне судить. Если вы позволите своим менеджерам и рабочим покупать акции, и если они смогут перепродавать зти акции, когда предприятие плохо работает, а другие могут перекупать эти акции, выпроводить директора и более зффективно управлять этим предприятием, то дай вам бог.

Но тогда придется называть вещи своими именами. Если у вас есть животное, которое лает, как собака, и кусается, как собака, то будьте уверены, что зто собака. В таком случае ваше вышеупомянутое предприятие больше не социализм. Поэтому я не вижу возможности примирения социализма и рыночной экономики. Подчеркиваю, не механизма, а экономики.

Ни одна плановая бюрократия не может сравниться по эффективности с рынком. Необязательно читать сотни экономических статей. Достаточно просто выйти и сделать сравнительные закупки во Франкфурте, а потом в Москве.

Самое важное политическое, а соответственно и нравственное достоинство рынка сводится к тому, что он как раз и минимизирует размеры и власть бюрократии. В результате создаются средства, которые благоприятствуют развитию эффективной демократии, а демократия, в свою очередь, или, иначе говоря, институционизированная популярная власть, народная власть, служит в качестве барьера на пути к разаитию тирании.

Демократия, когда она эффективно функционирует, а это сильно облегчается наличием рынка, обеспечивает самую надежную защиту той свободы, которой мы добиваемся твми или иными путями.

Знаменитое высказывание Чврчилля, которое много раз цитировалось, о том, что демократия — худшая из систем, за исключением всех остальных, чрезвычайно тонко схватывает существо нравственной оценки демократии.

В социалистическом планировании не хватает как раз зтого основного компонента, обеспечивающего демократию,— рыночного компонента.

Многие утверждают, что неравенство — а это, конечно, неотъемлемая часть капитализма — в связи с наличием частной собственности и в связи с наличием рынка есть с нравственной точки зрения недопустимое явление.

Понятно, что эффективность новации, обновление вообще недостижимы без дифференцированного вознаграждения; те, кто вносит больший вклад в обогащение общества, должны и получать больше, иначе они не будут вносить такой вклад. Это и есть стимулирование, но, с другой стороны, в нравственном отношении всякое неравенстао вызывает чувство протеста. И возникает некая стихийная приверженность к элементарным концепциям, то есть к уравниловке, несмотря на логически обоснованную несправедливость таких концепций.

В связи с капитализмом часто говорят об зксплуатации. Тут я вспоминаю Дж. Гелбрейта. Он привез из Польши вопрос и ответ. Вопрос: каково различие между капитализмом и социализмом? Ответ дал его польский коллега. При капитализме челоаек эксплуатирует человека, а при социализме — наоборот.

Что такое эксплуатация? Это ситуация, когда люди не по справедливости вознаграждаются за свой труд. Что есть справедливость? Это то, как общество обращается со своими членами. И что, в общем, считается в обществе спрааедливым, то и всть справедливость,— понятие относительное.

Конечно, возможен прогрессивный налог, различные механизмы, которые создают некие преимущества для тех, кто находится в нижней части шкалы доходов и соответстаенно забирает у тех. кто получает наивысшие доходы.

Но о полной справедливости говорить невозможно. Ситуация все время меняется. В нашем обществе никто не знает, какова будет ситуация через 50—100 лет.

Мнв кажвтся, это неразрешимое противорвчив.

И если отвергнуть сразу возможность создания утопического коммунизма, надо признать, что с этим противоречием следует научиться жить, разрешая его по мере возможности в каждодневной практикв.

Всякие попытки создать полную справедливость и равенство обязательно в конвчном итогв приводят к противоположности, гипертрофии бюрократического аппарата, коррупции и гнету абсолютной власти.

Гражданское общество должно сохранять свою автономию, гарантивй которой яаляется рыночная экономика, основанная на частной собственности. И только тогда правительство может работать нормально, так, как надлежит работать правительству. А полную справедливость лучшв оставить в сфере теологии, богословия и религии, там ей место, а не на практической, политической и экономической нивв.

Философы иногда при сомнительной помощи матвматиков порой пытались разработать теории справедливости с целью как-то разрешить это неразрешимое противоречив. Были различные направления згалитарной мысли, они порой вступали в противоречие друг с другом, размышляя над путями наиболев справедливого распределвния богатства, но, как отмвтил в свое время профессор Харрис, крупный философ — спвциалист по вопросам морали и права в Соединенных Штатах, каждая из этих эгалитарных теорий основывавтся лишь на нравстввнных инстинктах, и каждая из них, как всякая змпирическая, инстинктивная теория идет в своем направлении, а обеспечвние синтвза и какое-то научное обоснование теории справедливости представляется невозможным.

Позвольте процитировать блестящую статью профессора Харриса, он написал: «Рыночная свободная экономика всть безличностный механизм, контролируемый множеством индивидуальных решений, поэтому зтот мвханизм не является воплощением какой бы то ни было концепции справедливости. Большое достоинство свободного рынка, с точки зрения справедливости, как раз и заключавтся в том, что он не требувт полного согласия относительно того, что есть справедливость. Он являвтся открытым и гибким. И может подстраиваться под различные ситуации, чтобы нивелировать и уничтожить вопиющую нвсправедливость там, гдв она возникавт, что было бы невозможно при полном согласии вдиной концепции».

Моральныв, нравственные чувства и инстинкты людей разаиваются со временем, реагируя на разнообразные факторы, и тем самым определяют содврժанив таких сущностных понятий, как справедливость, равенство, общестао всеобщего благоденстаия.

История капитализма на Западе подтввpждает справвдливость этого утверждения; постепенно возрастает относительный удельный вес ресурсов, напрааляемых на обвспвчвние всеобщего благосостояния при сохранении частной собстввнности. Только собственность эта используется на болве справедливых началах. Такова связь между нравстввнностью и экономическим прогрвссом.

ЕСТЬ МНЕНИЕ!

НАЧНЕМ С РАБОЧИХ КРУЖКОВ?

Известная истина: новое рождается в муках. Рабочее движение в нашей стране тоже рождается (или возрождается?) в муках, но муки эти особого рода — они относятся к мукам разлада с совестью: вроде и грешно бастовать в рабоче-крестьянском государстве, да нужда заела. Июльские забастовки шахтеров различных регионов страны, чья организация, твердость позиции и четкость программ никого не могли оставить равнодушным, говорят о действительном, а не мнимом начале перестройки снизу, о том, что наконец-то начинает пробуждаться самосознание того класса, от имени которого творились у нас многие безобразия.

Конечно, забастовка — мера крайняя. Но те минусы, которые ей неизбежно присущи, перекрываются плюсами, важнейшим из которых является возрождение из небытия чувства рабочего единства, солидарности, общности интересов, которое не исчезнет бесследно и после окончания забастовки. Надо только, чтобы забастовочные комитеты, рожденные волной этого единства и вобравшие в себя наиболее энергичных, сознательных и талантливых представителей своего класса, стали бы зародышем рабочей организации на постоянной основе. Такие организации смогут выдвинуть действительно достойнейших представителей рабочих в любые органы народовластия, смогут дать им разумную программу, будут, наконец, осуществлять постоянный контроль за их деятельностью, поддерживать их начинания, а где нужно, и отстаивать эти начинания перед лицом общества и государства активными действиями проверенных в забастовке коллективов. Когда мы будем иметь такой решительный и бескомпромиссный фактор, как рабочее движение, тогда перестройка будет обеспечена бесповоротно.

Но что такое рабочее движение? Что такое рабочая организация? Должна ли такая организация состоять исключительно из рабочих, должна ли она обособляться от других классов и слоев общества? Как организация — в известном смысле да. Как движение — ни в коем случае. Ведь никто не приглашает рабочих в Союз художников, писателей, юристов и т. п. Почему же рабочая организация не может быть исключительно рабочей? Почему она не должна иметь строго выраженного классового лица? И разве история рабочего движения ничему нас, рабочих, не научила? Свои беды мы знаем лучше других, свои достоинства и недостатки — тоже. От помощи и совета отказываться грех, но решающее слово должно быть за нами. Только в этом случае мы сможем стать реальной силой, с которой будут считаться, которую научатся уважать. Но поскольку наши беды, наши проблемы — лишь часть общенародных бед и проблем, постольку рабочее движение у нас в стране должно стать одним из потоков общественного движения за перестройку, за налаживание достойной жизни для всех. В этом смысле оно традиционно никогда не было движением изоляционистским, эгоистическим, и наличие такого полнокровного движения благотворно скажется на других обществах и союзах. Хватит кивать на нашу темноту, бескультурье, неспособность к самостоятельным политическим действиям. Рабочие забастовки опровергли кое-что из этих сложившихся представлений о рабочем классе.

И все-таки в странное время мы живем. Что-то в нем от средневековья (этакий средневековый псевдосоциализм), когда люди начинают делиться по цехам и гильдиям. Во всем мире интеграция, а у нас... Скорее всего это потому, что мы слишком долго были одинокими в толпе себе подобных. Начинается ликвидация избытка одиночества — неизбежный этап на пути к цивилизованному обществу, в котором рамки узкопрофессиональных и классовых объединений покажутся узкими и перестанут удовлетворять как членов объединений, так и само общество. Но до этого еще далеко. На повестке дня пока только один вопрос: создание рабочих организаций, возрождение рабочего движения у нас в стране. Сначала в масштабах города, региона, потом... Жизнь покажет, во что это выльется. Не будем спешить. Начнем с рабочих клубов. И пусть устав рабочего клуба начинается словами: «Членом рабочего клуба может стать любой рабочий, независимо от возраста, пола, профессии, образования, национальности, партийности, вероисповедания. Единственное и непременное условие: активное отстаивание интересов рабочего класса всеми способами, не противоречащими Конституции страны...»

Виктор МАНУЙЛОВ,
токарь Московского абразивного завода

ДОРОГУ ВЫБРАЛ КУРУЛТАЙ

Фархад КАСЫМОВ,
доктор исторических наук,
Баходир ЭРГАШЕВ,
кандидат философских наук

15 августа 1920 года в ташкентской газете появилась статья Михаила Васильевича Фрунзе «Россия и Бухара». Она начиналась словами:

«Многим товарищам представляются совершенно непонятными наши взаимоотношения с Бухарой. Казалось бы, какой разговор может быть у нас с правительством деспотического государства, где царствует величайший произвол и где не только трудовое население, но и все вообще жители не ограждены от насилий и надругательства над личностью. Не проще было бы вовсе прекратить с ней всякую связь, «дабы не позорить себя», либо принять в отношении ее такие меры, какие принимались нами в отношении нашего самодержавия.

Таков примерно логический ход мысли не только большинства средних рабочих, но даже многих коммунистов. При всей кажущейся логической правильности и внешней революционности такие умозаключения по существу совершенно неверны» («Железный путь», 1920, 15 августа).

Фрунзе исходил, по его собственному выражению, из «принципов невмешательства в чужое дело». Но был ли вполне искренен командующий Туркестанским фронтом, если спустя полмесяца он предоставил Бухаре военную помощь, способствуя утверждению нового режима?

А может быть, правы те западные исследователи, которые утверждают, что рождение Бухарской Народной Советской Республики инспирировалось вторжением в эмират Красной Армии?

«Так называемая «народная революция» в Бухаре была результатом подрывной деятельности большевистских агентов Ташкента... Большевики удачно внедрили модернизаторствующую элиту в лице младобухарцев в созданный большевистский режим в Бухаре... Молодые интеллигенты, вставшие у руля правления, встали перед драматическим выбором между белыми генералами и большевиками и выбрали «меньшее зло» («СССР и мусульманский мир». Лондон, 1984).

Еще четыре года тому назад мы с легкостью отвергали подобные выводы советологов-историков, квалифицируя их как «чудовищную ложь», «беспардонную фальсификацию», «грязный обман». Сегодня мы более осмотрительны в своих выводах о прошлом. Многие ли знают всю правду о Бухар-

БУХАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Александр КРУШЕЛЬНИЦКИЙ,
кандидат исторических наук

ДИКТАТУРА ПО ТЕЛЕГРАФУ

События Бухарской революции 1920 года традиционно излагаются историками в соответствии со схемой, заданной еще в 30-х годах: 28 августа трудящиеся Бухары восстали против эмира; 29 августа созданный ими Временный революционный комитет обратился к правительству РСФСР с просьбой о военной помощи. Советское правительство направило в Бухару части Красной Армии во главе с М. В. Фрунзе. 2 сентября была освобождена столица ханства — город Старая Бухара. Эмир бежал в Афганистан. 8 октября провозглашено образование Бухарской Народной Советской Республики.

Схема эта до того проста, что естественно порождает вопросы. В самом деле: как удалось столь быстро создать советскую республику в Бухаре, которую называли в те годы «застывшей страной», где многое сохранялось «таким же, как было 300—400 лет назад»? Что за трудящиеся восстали там не просто против эмира, но, как получается, сразу **за Советскую власть?** Ведь, по оценке наших же современных этнографов и историков, даже **«городское общество** г. Бухары... по своему составу и бытовому укладу было еще **типично феодальным»** (подчеркнуто мной.— **А. К.).** Еще один вопрос: как же распространяли марксизм в феодальной, раздираемой межплеменной рознью исламской стране с нищим и в большинстве неграмотным крестьянским населением?

Многие документальные свидетельства, скрытые до сих пор в архивах, явно противоречат принятым оценкам Бухарской революции. Нет должного объяснения и тому, что созданное ею государственное образование — Бухарская Народная Советская Республика — просуществовало всего 1420 дней. Так не пришло ли время критически осмыслить уроки тех давних событий?

НЕТЕРПЕНИЕ

В марте 1919 года со всей очевидностью обнаружилось, что у руководства многонациональной Советской России нет единого подхода к решению вопросов национальной политики. В ходе развернувшейся на VIII съезде РКП(б) полемики о праве наций на самоопределение возник вопрос о возможности революционной помощи Советской России народам, которым предстояло свергнуть эксплуататоров. Оказание такой помощи, считал Ленин, **«возможно только в том случае, если переворот вполне назрел. И сделать это надо осторожно, чтобы своим вмешательством не задержать тот самый процесс дифференциации пролетариата, который мы должны ускорить. Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл?.. Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров»? Мы этого сделать не можем... Тут надо дождаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно».** И, указывая на наличие в партии и ее руководстве противоположного мнения: **«Тов. Бухарин не хочет ждать. Им овладевает нетерпение...»** (В. И. Ленин, ПСС. Т. 38, с. 158—159).

Революционное «нетерпение» примерно с середины 1920 года сказывалось и во взаимоотношениях Советского Туркестана с эмирской Бухарой.

К этому времени положение Туркестанской республики впервые стабилизировалось. Благодаря прорыву через Оренбургские степи войск 1-й армии и восстановлению сообщений с Советской Россией удалось изгнать белогвардейцев из

ской революции 1920 года, о том, что была сначала народная, а затем социалистическая Бухарская республика, которую упразднили в октябре 1924 года? И можем ли мы дать объективную оценку деятельности ее творцов — младобухарцев и бухарских патриотов, большинство из которых прошло в конце тридцатых годов сталинскую хирургию?

Обратимся к тем страницам истории Бухары, о которых много лет предпочитали не вспоминать советские исследователи.

«...НИКТО ОХОТНО НЕ ОТРЕЧЕТСЯ ОТ ТОГО, ЧТО ИМЕЕТ...»

В марте 1938 года на скамье подсудимых вместе с Бухариным и Рыковым оказался Файзулла Ходжаев. Весьма однозначно оценивали в то время лидера младобухарцев, главу первого советского бухарского правительства — «враг народа, возглавивший буржуазно-националистическую группу младобухарцев, в 1920—1924 годах пробрался на руководящие посты в республике».

Конечно, нельзя считать руководителей Бухарской революции сложившимися большевиками. Надо учитывать, что в большинстве своем это были люди из среднего сословия (да и вообще в Бухаре рабочие составляли 0,001% населения). И с марксизмом новоиспеченные революционеры знакомились не из первых рук. Тем не менее к сентябрю 1920 года это оппозиционное движение пришло от буржуазной демократии к народной, они рассматривали свои цели как программу-минимум, признавая максимумом программу Ленина.

Впервые идеи свержения власти бухарского эмира, перевросшие затем в стройную систему революционных взглядов, высказал еще в прошлом столетии замечательный таджикский просветитель, мыслитель и философ Ахмади Дониш:

«...Эмиры Бухары свое имя унизили злонравием, трусостью и малодушием. Бухару и Самарканд, которые повсюду славились и отличались справедливостью и человечностью, верой, благочестием и наукой среди большинства городов, они обесславили настолько, что до дня воскресенья мертвых не смоют позора и он не сотрется со страниц истории» (А. Дониш. Исторический трактат. 1895—1897).

Многие идеи взяли на вооружение его последователи — «джадиды» («джадид» по-арабски — «новый»). В октябре 1908 года они открыли в одном из столичных кварталов первую полусветскую школу. Для Бухары это стало событием политической важности, а мусульманское духовенство, до того обладавшее монополией на обучение детей, углядело в этом непозволительную крамолу, проделки неверных и в сентябре 1909 года добилось закрытия школы. Тогда джадиды создали тайное просветительское общество «Тарбият атфол.» («Воспитание детей»).

Отсюда ведут свое происхождение «младобухарцы» (именно так называли себя после младотурецкой революции большинство членов «Тарбият атфол»). Их общество родилось как просветительское, но со временем превратилось в лидера национально-освободительного движения. Организация завела своих людей в круг приближенных эмира, в приемные чиновников, в медресе. Ее члены выведывали государственные секреты и разглашали их. Они находили и разоблачали лиц, виновных в поборах, вымогательстве, прелюбодеянии. Негласная программа «Тарбият атфол» предусматривала борьбу с безнравственностью, расточительством, пьянством. Охранка знала об оппозиционерах, но считала, что они не пойдут дальше просветительских требований.

Свободная мысль не останавливалась в своем развитии. В начале XX века об освобождении народа в полный голос заговорил крупный мыслитель Абдурауф Фитрат (1886—1938).

Он ратовал за решительный прогресс, а достигнуть его считал возможным тремя путями, в зависимости от складывающейся обстановки: с помощью просвещенного абсолютизма, реформы сверху или буржуазной революции.

Закаспийской области, уничтожить банды Анненкова в Семиречье, ударить по басмачам Ферганы. Заметно ослабела и угроза извне. В оккупированном англичанами Иране разворачивалась национально-освободительная борьба. К тому же в мае в Энзелийской операции на Каспии советская флотилия добила белогвардейцев и потрепала англичан. Наметился первый успех в установлении отношений Советской России с Афганистаном.

И лишь эмирская Бухара, кровавый режим эмира Саид Мир Алима раздражали и мешали, как «последняя крепость в тылу Советской страны» (Ф. У. Ходжаев) и «караван-сарай для контрреволюционеров, белогвардейцев и мирового империализма» (В. В. Куйбышев). Таково было мнение и бухарских революционеров, и Турккомиссии, особенно ее «военизированной» части: М. В. Фрунзе — командующего Туркестанским фронтом, В. В. Куйбышева — члена РВС, Г. И. Бокия — начальника Особого отдела.

Позиция руководства Советского Туркестана по отношению к эмирскому режиму определялась не только классовой солидарностью с бухарскими коммунистами. Заботили практические дела. На территории ханства со времен российского протектората размещались русские крепости в Чарджуе, Керках, Термезе, Кагане. В 1918 году их гарнизоны перешли на сторону Красной Армии, но после «колесовского похода» оказались в Бухаре во враждебном окружении.

В январе—мае 1920 года М. В. Фрунзе трижды безуспешно пытался убедить эмирское правительство снабжать гарнизоны крепостей продовольствием и восстановить телеграфные линии. Но ничего конкретного взамен он не предлагал, а эмир, в свою очередь, настаивал на выводе советских войск. Переговоры зашли в тупик. Правда, эмир не возражал против установления дипломатических отношений, и поблизости от Старой Бухары, в Кагане, открылись полномочное представительство РСФСР (т. е. Турккомиссии) и аналогичная миссия эмирского правительства.

И все же нормализовать отношения никак не удавалось: бухарцы обстреливали советские военные посты, похищали военнослужащих; гарнизоны в ответ захватывали заложников из окрестных кишлаков. Наконец, в мае 1920 года из советского полпредства в Кагане поступило сообщение о «растущем военно-политическом объединении на религиозно-национальной подкладке... Бухары и Афганистана». Это явно противоречило твердой уверенности советского полпреда в Кабуле: «несомненно... что бухправительство чрезвычайно критически и осторожно относится к афганцам» (имелись в виду младоафганцы нового правительства Амануллы-хана). Более того, поводом к тревожному сигналу из Бухары послужил единичный факт: доставка туда четырех пушек — давнего подарка эмиру от прежнего правителя Афганистана — Хабибуллы-хана.

Но «бухарский вопрос» уже стал для командования Туркфронта, по собственному выражению М. В. Фрунзе, «самым проклятым вопросом». И сообщение полпреде сочли достоверным. Возникли опасения, что Бухара уже совместно с Афганистаном может оказать помощь ферганским басмачам. Командование Туркфронта отдало войскам на территории Бухары приказ о боевой готовности. Упоминаний об этом не встретить в литературе, но вот один из сохранившихся архивных документов. Уже 29 мая начальник Чарджуйского гарнизона Немудров доносил командующему 1-й армией Туркфронта: **«Вверенный мне гарнизон в боевую готовность приведен... По Вашему приказанию ввиду возможного прибытия в Чарджуй новых частей и для расквартирования таковых освобождены для пехоты школы и для кавалерии — заводы. 27—28 мая был в Новой Бухаре [Кагане], где был поставлен в известность товарищем Заремба [и. о. полномочного представителя РСФСР в Бухаре] о натянутых отношениях между Российским и Бухарским правительствами... Тов. Заремба заявил, что Чарджуйский участок при начале военных действий... должен стараться разоружить Старо-Чарджуйский гарнизон [эмирский], захватить бека, чиновников, мулл и не допускать к власти членов младобухарского комитета до особого распоряжения. После чего занять Чарджуйское бекство и... связаться с Новой Бухарой... Завтра, 30 мая, еду к Чарджуйскому беку для заверения наших дружественных отношений»** (ЦГАСА, ф. 110, оп. 1, д. 84, л. 2).

Свержение самодержавия в России окрылило бухарских оппозиционеров. Возникшая новая младобухарская организация для успешной работы в массах создала систему «дюжин» — 50 ячеек по 12 человек в каждой. В одной только столице насчитывалось около 16 таких дюжин. В состав Центрального Комитета вошли Абдувахид Мунзим (председатель), Абдурауф Фитрат (секретарь), Усманходжа Пулатходжаев (казначей), Муса Саиджанов, Атаходжа Пулатходжаев, Ахмеджан Хамди, Хамидходжа Мехри, Файзулла Ходжаев. Как видим, половину ЦК составляли члены «Тарбият атфол».

Перед правящей феодальной верхушкой они выдвинули четыре главных требования:

создание «народных представительств», центрального и провинциальных; отмена налогов, кроме установленных законами мусульманского права; провозглашение свободы школ и печати; замена наиболее фанатичных и зверствовавших феодальных чиновников.

Одновременно младобухарцы обратились в Петроград, к Временному правительству:

«...Великая Россия в лице своих преданных сыновей свалила безвозвратно старый, деспотический режим, основала на месте его свободное демократическое правление. Покорно просим у нового русского правительства в непродолжительном будущем указать нашему правительству изменить образ правления на основе свободы и равенства, чтобы могли мы гордиться, что находимся под покровительством великой свободной России». (Эпистолярий хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве и может быть датирован 15 марта 1917 года).

Вскоре в Россию отправилась младобухарская делегация. Обращения оппозиционеров из Бухары не остались без внимания.

«Сегодня министр (П. Н. Милюков.— **Авт.) вернулся к вопросу о реформах в среднеазиатских ханствах. По его словам, Керенский заходит так далеко в этом вопросе, что считал бы присоединение обоих ханств возможным. Министр вполне одобряет мысль, чтобы правители ханства сами пошли, по возможности, навстречу новым веяниям...»** (Из секретной телеграммы управляющего среднеазиатским отделом Министерства иностранных дел В. О. Клемма российскому резиденту в Бухаре А. Я. Миллеру. 17 марта 1917 года.)

«Эмир готов во всем следовать в этом вопросе нашим указаниям. Я уже сказал ему, что почин должен исходить от него, с чем он вполне согласился... Обсуждаем уже доложенные мною основные реформы...» (Из секретной телеграммы российского резидента в Бухаре (адресат не указан). 18 марта 1917 года.)

В апреле 1917 года эмир обнародовал манифест, в котором удовлетворил практически все требования оппозиции. Младобухарцы верили в доброту монарха и устроили благодарственную демонстрацию со знаменами «Да здравствует реформа!», «Да здравствует эмир-освободитель!». Но на пути к резиденции Саида Алимхана их встретила контрманифестация мулл, подкрепленная пешим и конным отрядами солдат. Младобухарцам пришлось разойтись. Но это было только начало поворота в политике эмира. Вскоре многие демонстранты были схвачены и избиты его палачами. Тех, кто сумел спрятаться или спастись бегством, духовенство занесло в черный список уничтожения.

Большинство младобухарцев эмигрировало в пограничные русские поселения эмирата.

Лишь к осени 1917 года организация вышла из кризиса. Тогда же появилась новая программа действий, составленная Фитратом. Вот наиболее существенные ее пункты:

«1. Земельно-водный вопрос. ...Хлеборобов освободить от кафсана [налога муллам], на корма лошадям и тому подобных разных сборов. ...Нужно избавить земледельцев от зла ростовщичества. ...Образующиеся в результате ороше-

Руководство Бухарской компартии незамедлительно представило Фрунзе «План революционного выступления». Этот никогда не публиковавшийся документ тоже заслуживает подробного цитирования:

«1. Центральный комитет Б.К.П. приходит к заключению, что единственный путь к спасению страны от окончательного разорения чиновничьим произволом и от неизбежного за этим последующей анархии и захвата власти английскими хищниками — уничтожение существующего олигархического абсолютизма.

2. Ввиду отсталости народа в культурном отношении и отсутствия не только организованного пролетарского элемента, но и даже классового самосознания вообще, которое могло бы руководить как отдельными угнетенными, так и небольшими партизанскими группами угнетенных при проведении в жизнь затаенной веками мести, не допускать никаких сепаратных выступлений отдельных партизанских групп... собрать все революционные силы вблизи границы Бухары, ***чтобы организованно, под руководством одного лица начать военные действия против правительства...***

3. Для направления и руководства революционным движением организовать аппарат Временного революционного комитета в составе 5 лиц исключительно из коммунистов, ибо железная диктатура Коммунистической партии одна только сможет поддержать в стране строгий революционный порядок и не допустить разрушения экономических ресурсов государства, а наоборот — наладить и использовать их для блага населения.

4. По вступлении в Бухару революционных войск образовать правительство в составе 11 комиссаров и издать манифест о низложении эмира и его правительства. На все области, очищенные от ставленников эмира, назначить своих беков, поставив под строгое наблюдение государственного контроля. Все новые мероприятия и законодательство должны быть строго обдуманы, чтобы они были несомненно направлены к сохранению и поддержанию экономического благосостояния страны. Все отрицательные стороны русской революции и хивинской революции должны быть приняты правительством во внимание и горький опыт этих революций должен быть использован возможно шире» (ЦГАСА, ф. 110, оп. 1, д. 73, л. 7—7 об.).

Как видим, подсчет необходимых сил отсутствовал, представление об организационной стороне дела было туманным, собственных сил для осуществления «Плана» у бухарцев явно недоставало. И Фрунзе отложил его реализацию, пометив на документе: «В дело». Но это не означало отказа от военного решения «бухарского вопроса». Напротив, командование Туркфронта в течение июня—июля получило из центра подкрепления, боеприпасы, усилило Аму-Дарьинскую военную флотилию и гарнизоны крепостей в Бухаре, произвело внеочередную мобилизацию.

Обычно утверждается, что именно эмирское правительство с начала 1920 года готовилось к нападению на Советский Туркестан. Вряд ли это соответствует действительности. Прежде всего отсутствуют какие-либо документальные свидетельства: разведсводки Туркфронта вплоть до начала июля совершенно спокойны. Кроме того, эмир (кстати, получивший в России военное образование) не был самоубийцей и не мог не понимать, что силы слишком неравны: 13 тысяч сарбазов эмирской армии с фитильными (!) пушками против 70 тысяч опытных бойцов с современным вооружением и боевой техникой! (Именно такое соотношение показывают подлинные архивные документы 1920 года.)

Поэтому, пока в Туркестане шла усиленная военная подготовка, эмир снарядил посольство в Москву. В его послании на имя наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, датированном 8 июня 1920 года, говорилось:

«В виду закрепления незыблемых уз дружбы между великой Советской Республикой и Бухарским государством, постоянно испытывающим необходимость дружественного обмена мыслями по разным вопросам, я счел за благо и своей обязанностью с открытием нормального [железнодорожного] движения к центру России отправить в Москву чрезвычайное посольство во главе с Мирза-Мехды Ходжабеем, а искренности которого Великая Республика могла неод-

(Из протокола заседания Комиссии ЦК и ВЦИК по делам Туркестана от 3 августа 1920 года).

В августе младобухарцы-революционеры и бухарские коммунисты согласились создать в будущем коалиционное правительство. Вопрос о совместных действиях был решен после бурных дебатов на IV съезде БКП 16—19 августа в Чарджуе (ныне город Чарджоу Туркменской ССР).

Переворот начался 27 августа 1920 года с захвата одного из городов эмирата — Старого Чарджуя. Там была установлена власть Революционного Комитета, а затем на помощь двинулись красноармейские части. Их превосходство в боевой технике было ошеломляющим. И уже ко 2 сентября войска овладели Старой Бухарой. Эмир бежал на восток страны, а власть перешла в руки Всебухарского (Центрального) Революционного Комитета во главе с Ахмеджаном Абусаидовым (Хамди) (1889—1937), крупным таджикским поэтом. Образованное правительство — Совет народных назиров, за небольшим исключением, состояло из бывших младобухарцев: председатель и назир иностранных дел — Ф. Ходжаев, назир просвещения — К. Ю. Пулатов, назир земледелия — А. Мухитдинов, назир внутренних дел — М. Саиджанов, назир финансов — У. Пулатходжаев, назир госконтроля — Н. Хусаинов, председатель Чрезвычайной Комиссии (создана 4 сентября после введения чрезвычайного положения в столице) — Ю. Ибрагимов, назир юстиции — М. Бурханов, назир по военным делам — Б. Шегабутдинов.

Средний возраст членов правительства составлял около 29 лет.

«Бухарское государство объявляется независимой Бухарской Советской Республикой... Все земли и посевы, принадлежавшие эмиру, его семье, чиновникам эмирского правительства, крупным землевладельцам и богачам, отныне объявляются достоянием республики... Полностью отменяются взыскиваемые при эмирском правительстве налоги... Старые судебные учреждения упраздняются... Эмирская армия распускается... Отменяются смертная казнь, избиение палками, телесные и тому подобные наказания, как унижающие достоинство и противоречащие духу свободного народа...» (Из манифеста Временного Ревкома Бухарской Народной Советской Республики).

Впереди были 1420 дней Бухарской Народной Советской Республики.

ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ПРИМИРЕНИЯ

К сентябрю 1920 года перед трех-четырехмиллионной Бухарой стояла альтернатива: медленный кризис феодализма с огромным риском превращения страны в английскую колонию либо приход к Ленину, к его партии и государству.

Бухарские революционеры понимали, что в первом случае они вряд ли осуществят даже такое требование, как утверждение «народных представительств», и скорее всего будут уничтожены фанатичными клерикалами.

Идти по второму пути значило выполнить все данные нации обещания, противодействовать политике капиталистических стран, внедрить в сознание общества более передовые, чем младобухарские, общественные идеалы. Этот путь сознательно избрали те, кто сверг монархию в 1920 году.

Смогли бы они сами защитить свою революцию? Вероятно, нет. Собственно Бухарская Армия в середине 1921 года располагала одной бригадой, двумя полками и одной батареей — всего чуть более тысячи человек. Поэтому нет ничего предосудительного в том, что в Бухаре остались советские войска. В сентябре 1920 года там было около 20 тысяч красноармейцев. Год спустя безопасность режима охраняли 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада и полк 1-й Туркестанской стрелковой дивизии. В феврале — июне 1922 года в Бухару из внутренних военных округов РСФСР и Туркестанской республики были переброшены около 2 кавалерийских дивизий, 3 стрелковых бригад, 5 артиллерийских дивизионов, 4 бронепоезда, 3 бронеотряда и авиаэскадрилья. Как видим, власть опиралась на серьезную военную помощь.

Происходила ли в республике «насильственная большевизация»? Как относился сам народ Бухары к помощи Красной Армии? Вновь обратимся к документам.

«...Все информаторы единодушно говорят о неслыханных эксцессах, производимых большевиками, как во время захвата Бухары, так и по установлению там Советской власти. Вот главные из них: поджоги... употребление мечетей в качестве конюшен для кавалерии, употребление священного Корана на свертывание сигареток для красноармейцев, воспрещение публичного мусульманского богослужения, убийство и заключение всех сколько-нибудь влиятельных граждан и купцов, массовая конфискация товаров, срывание с женщин чадры...» (Из статьи в калькуттской колониальной «Цивил энд милитэри гэзет». 2 февраля 1921 года).

«Общность интересов побудила бухарский народ... объединиться с Советской Россией... Бухарское правительство считает долгом опровергнуть инсинуации английских империалистов...» (Из ноты протеста Бухарской республики в связи с публикацией в «Цивил энд милитэри гэзет». 6 марта 1921 года).

«Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика безоговорочно признает полную самостоятельность и независимость Бухарской Советской Республики со всеми вытекающими из такового признания последствиями и на вечные времена отказывается от тех прав, которые были установлены в отношении Бухары российским царизмом... Для защиты независимости обеих советских республик от непрерывных покушений на самое их существование со стороны мировой буржуазии и ее агентов обе договаривающиеся республики обязуются оказывать друг другу взаимную поддержку». (Из «Союзного Договора между РСФСР и БНСР» от 4 марта 1921 года, подписанного Г. Чичериным, Л. Караханом, М. Мансуровым, Р. Мухамедовым, Р. Абдуллабековым).

Конечно, нельзя утверждать, что присутствие советских войск поддерживалось в республике полностью и безоговорочно. Бывало и так, что даже руководство, в частности сам Ходжаев, требовало постановки вопроса о выводе русских солдат. Кишлаки в Восточной Бухаре — основном месте дислокации — не располагали запасами продовольствия, да и не всегда можно было получить жилье — казарменные помещения; насильственная экспроприация правительством всего, что требовалось для войск, вызывала недовольство со стороны населения. Положение республики не было стабильным. В ноябре 1920 года эмирские войска заняли важнейшие стратегические пункты Восточной Бухары — Байсун, Дербент, Ширабад. В районе Шахрисябза и Китаба вспыхнули антисоветские мятежи. Шестого апреля 1921 года, пользуясь отсутствием Ходжаева (он участвовал в работе Исполкома Коминтерна, рассматривавшего вопрос о приеме Бухарской Компартии в эту международную организацию), правительство республики приняло решение об «уходе русских войск, с оставлением для защиты страны необходимой части». Летом 1922 года на жизнь Ходжаева было совершено покушение. В августе удалось предотвратить попытку государственного переворота.

Обосновавшийся сначала в Душанбе, а затем в Кабуле свергнутый монарх Саид Мир Алимхан (1886—1946) стремился к восстановлению своей власти:

«Эмир послал в Кашгар миссию во главе с одним из министров, бежавшим вместе с ним. Миссия доставила письмо... В нем эмир рассказывал о свержении его большевиками и о своем бегстве, и попросил включить в состав Британской империи свое государство, которое он отдавал безоговорочно в наше распоряжение». (Из письма генерального консула Британии в Кашгаре Эссертона).

Вывода советских войск требовали и другие главы басма-

революционной братской помощи бухарскому народу... с рассветом 29 августа начать активные действия» (там же, с. 550).

ПОБЕДЫ ПОЛНЫЕ И НЕОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ

На рассвете 29 августа 1920 года (в точном соответствии с директивой командования Туркфронта, дополненной личным устным приказом командующего) отряд туркменских всадников под командованием Куль-Мухамедова захватил Старый Чарджуй и тамошнего бека. Сформированный тут же ревком немедленно, как и было условлено, запросил поддержку у командования Туркфронта. Началась Бухарская операция.

Вспомним наименее известное: при штурме Старой Бухары сильно пострадали население и укрывшиеся в городе жители окрестных кишлаков. На третьи сутки непрерывного обстрела и бомбардировок на улицах Старой Бухары, по свидетельству пленного, «убитых накопилось так много, что даже тела не успевали убирать». А руководитель штурма Г. В. Зиновьев докладывал, что «город значительно пострадал, главным образом от пожара», дополняя: «был грабеж дворца эмира, разграблено много золота».

Я упоминаю это не для того, чтобы посмаковать подробности или бросить тень на честное имя участников штурма, шестьсот из которых легли у стен города. Грабителями были действительно «немногие укрывавшиеся в бою прохвосты». Важно другое: военная победа не увенчалась столь необходимой тогда **моральной** победой Красной Армии, хотя она и пришла в Бухару с лозунгами братства и справедливости. «Издержки» военных действий неизбежно дали нежелательный эффект, они стали поводом для раздувания антирусской пропаганды. К сожалению, как мы увидим, этот «побочный эффект» еще долго не удавалось изжить. А ведь армия Бухарской республики существовала лишь номинально и обеспечение вооруженной поддержки власти целиком легло на Красную Армию.

Неудача в деле создания бухарской революционной армии наметилась с первых же дней. Поэтому участие «красно-бухарских полков» в Бухарской операции было скромным (вопреки утверждениям, распространенным в литературе): отряд Куль-Мухамедова, закончив свою миссию в Чарджуе, вскоре «оказался разогнанным местными туркменами» (формулировка оперсводки штаба фронта). А 1-й Восточный полк (300 бывших дезертиров эмирской армии) лишь осуществлял так называемую демонстрацию, то есть, если пользоваться словами старого русского устава, «передвигаясь в виду неприятеля, обозначал свое присутствие». Так что победная реляция Фрунзе в Москву: «Крепость Старая Бухара взята... соединенными усилиями красных бухарских и наших частей» — в отношении «соединенных усилий» отражала скорее перспективу.

Меры к созданию собственно бухарской армии принимались с первых дней существования Бухарской республики: 5 сентября 1920 года Туркфронт передал назирату военных дел 2 полка, батальон и артбатарею, чтобы затем набрать добровольцев и довести численность формируемой армии до состава бригады. Но уже 6 октября военный назир доложил, что добровольцев недостаточно для укомплектования армии (т. е. бригады). 30 декабря Совет назиров постановил призвать в армию 2 тысячи человек. А уже 1 февраля 1921 года пришлось сформировать специальную Центральную комиссию по борьбе с дезертирством. И еще долго наличных войск республики едва хватало для караульной службы в столице.

Между тем вооруженная сила потребовалась новой республике сразу же, поскольку победа, достигнутая в Бухарской операции, не была окончательной. Бежавший из осажденной столицы эмир обосновался в Гиссарском бекстве Восточной (горной) Бухары и вскоре поставил под ружье до 15 тысяч человек. С середины октября 1920 года В. В. Куйбышев, назначенный полпредом РСФСР в Бухарской республике, торопил командование Туркфронта с организацией военной экспедиции против эмира. Ее снабжение возлагалось на Всебухарский ревком, то есть на население. С неизбежной последовательностью страна, втягиваясь в гражданскую войну, вступала и в полосу хозяйственной политики «военного коммунизма», массовых реквизиций.

На этот раз военная «экспедиция» вроде бы увенчалась полной победой: войска эмира рассеяли, сам он бежал в Афганистан. Осознание просчетов пришло позднее. Предоставим слово документам:

«Гиссарская экспедиция, имевшая цели исключительно военного характера, оправдала себя: скверно вооруженный противник не мог принять ни одного открытого боя... Но были тяжелые картины восстаний, за которыми следовали тысячи жертв невраждебных нам туземцев... несознательно поддавшихся яду фанатизма. Даже восстаниями нельзя назвать эти бешеные порывы, т. к. последние зависели не столько от противосоветской агитации... сколько от исторического развития страны. ...Разве следы разрушения, оставленные позади от Старой Бухары до Афганской границы, при отсутствии закрепления каждого шага путем хотя бы искусственного насаждения пролетарской власти могут оказать влияние на забитое, замученное не одним десятком лет жесточайшей деспотии население Бухары? И разве можно отсутствие власти на местах принять за явление, диктуемое законом революции? ...Та власть, которая есть в Бухаре, доверием населения не пользуется, и если не слышно открытого ропота и недовольства, то чувствуется сдержанная озлобленность... Как бы некультурны туземцы ни были, угрозу они видят не в советских органах (т. е. ревкомах), а в вооруженной силе, и это обстоятельство роняет в их глазах авторитет власти.

...Местная власть, с одной стороны, сознает свою опору в лице Красной Армии, но с другой, имея органически-родственную связь с населением, сторонится параллельно с нею работающих политорганов Красной Армии... Всякое начинание, подсказанное ревкомам, ими тормозится». (Из доклада начальника политотдела экспедиционного корпуса в политуправление Туркфронта 19 апреля 1920 года. ЦГАСА, ф. 110, оп. 2, д. 12, л. 50—51.)

«Население... до Аму-Дарьи до сего времени не осведомлено о Советской власти. Революционный переворот в Бухаре почти не затронул широких масс дехканства. Земельный вопрос остался неразрешенным. Население по-прежнему в полной зависимости от ставленников эмира, его чиновников и агентов. Бегство эмира в Афганистан заставляет население недоверчиво относиться к красным войскам, к организационным начинаниям совработников. Население темное, фанатичное, забитое, привыкшее к ранее совершавшимся частым династическим переворотам, ждет возвращения эмира... Войско эмира не разбито, не уничтожено, оно только под давлением наших отрядов рассыпалось и рассосалось по кишлакам и в любую минуту может быть снова организовано...» (Из донесения политотдела Бухарской группы войск Туркфронта 15 апреля 1920 года. ЦГАСА, ф. 110, оп. 2, д. 640, л. 5,7.)

Все армейские политработники давали однозначно низкую оценку деятельности местных органов власти Бухарской республики.

Общую тяжелую обстановку показывает сводный отчет политуправления Туркфронта от 15 июля 1921 года: **«Боевая подготовка красноармейцев 1-й кавдивизии хорошая. Все красноармейцы — оренбургские и семиреченские казаки, в большинстве служившие в старой армии. На настроение влияет долгое пребывание в диких степях Восточной Бухары, недостаток обмундирования, ненормальное снабжение, климатические условия... Дисциплина в частях совершенно отсутствует, все части пропитаны партизанским духом... Из 2-го кавполка под давлением красноармейцев сбежал военком. Этот же полк вынес постановление перебить весь командный и комиссарский состав; призыв встретил живой отклик среди красноармейцев других частей. Мародерство и насилие — обычное явление...**

Снабжение частей всеми видами довольствия самое плачевное, и в дальнейшем нужно ожидать еще худшего... Частям часто приходится самоснабжаться. Население близлежащих кишлаков добровольно продуктов и фуража не дает, т. к. опродкомдив задолжал населению около 100 миллионов, и, таким образом, приходится брать силой, вследствие чего иногда происходят вооруженные восстания» (ЦГАСА, ф. 110, оп. 2, д. 71, л. 38—39).

Можно понять сарказм начполитотдела Гиссарской экспе-

чвй — Мухаммад Ибрагимбек (он собрал почти пятнадцать тысяч басмачей и бывший военный министр младотурок генерал Энвер-паша. Они привлекали на свою сторону твх, кто был недоволен левацкими перегибами республиканского режима.

«Наряду с кадрами организованного басмачества... выступает уже новый социальный слой дехкан — чисто трудовой элемент населения, вступавший в борьбу против русских и новых бухарских властей...

В продолжение двух часов я старался убедить собравшихся старейшин в искренности и дружественных намерениях, а необходимости признания ими правительства БНСР, в невозможности вывода войск до полного успокоения края и пр. Басмачи, соглашаясь в некоторых отношениях со мной, все определеннее требовали ухода русских войск из Душанбе, добавляя, что «мы сами, может быть, и без войны договоримся с народом и правительством Западной Бухары (т. в. правительством Файзуллы Ходжаева.— **Авт.)». К этому старейшины опять добавляли о своем неуклонном намерении восстановления эмира или кого-нибудь из его родственников».** (Из записок Генерального консула РСФСР в Душанбе Нагорного. Декабрь 1921 — апрель 1922 года.)

В августе 1922 года III курултай народных представителей принял решение создать собственную Бухарскую Красную Армию. Специально для борьбы с басмачами в Бухару послан Главнокомандующий Вооруженными Силами РСФСР С. С. Каменев. (Его деятельность позднее была отмечена орденом Красного Полумесяца 1-й степени Бухарской Народной Советской Республики.) Однако за весь четырехлетний период существования Бухарской республики басмачество не было уничтожено.

Бухарская республика стала первой на Востоке страной, где начала осуществляться политика национального примирения: отказ от вооруженной борьбы и кровопролития в отношениях с басмачами; представительство всего народа в политической структуре и экономической жизни; прекращение преследования за прежнюю политическую деятельность, всеобщая амнистия; уважение к исламу.

«Распространенные среди басмачей мнения о политической линии, антирелигиозной и экономической политике правительства следует искоренять, то, что не соответствует психологии народа, следует подвергать реформе, сохраниа при этом революционные принципы политики...

Немедленно выплатить населению всю задолженность за продовольствие и другие предметы, взятые ранее различными путями у населения». (Из материалов III Чрезвычайной сессии ЦИК БНСР. 20 февраля 1922 года.)

«Объявить амнистию всем гражданам, насильно принужденным бежать с басмачами, и возвратить им отнятое или конфискованное у них имущество». (Из протокола заседания Президиума ЦИК БНСР. 17 марта 1922 года.)

«...Почаще... освещать сущность переживаемого момента, переход от непосредственной вооруженной борьбы к борьбе экономической...» (Из постановления объединенного заседания ЦИК и Совета Народных Назиров. 23 декабря 1922 года).

«...Центр тяжести перенести на разъяснение населению сущности и природы басмачества и его действий, разрушающих народное хозяйство, превращающих целые кишлаки в кладбища... Нужно добиться того, чтобы дехканин видел в красноармейце действительного своего защитника... Урегулировать вопрос со снабжением частей Красной Армии продовольствием, прекратив раз и навсегда их самоснабжение за счет населения... Отказаться от резких действий по отношению населения... соблюдать особую осторожность в подходе и при разрешении вопросов, соприкасающихся с бытом и религией». (Из резолюции IV курултая Бухарской Компартии. 19 января 1924 года.)

Эти меры давали ощутимые результаты. Только в течение января — февраля 1923 года в Западной Бухаре сложили оружив триста басмачей и семнадцать главарей мелких шавк; практически ликвидировано басмачество левобережья Вахша.

К 1922 году республиканский режим взял курс на более свободное развитие частного предпринимательства. В стране действовало около тридцати крупных торговых фирм, каждая с капиталом около 20 тысяч золотых рублей. Причем средства этих фирм превышали основной фонд национализированных промышленных предприятий, а ежегодная прибыль исчислялась суммой в 800 тысяч рублей.

Первые результаты сулили реальные перспективы преодоления разрухи, возникшей во время гражданской войны.

Заметно было движение в культурной сфере. Один за другим открывались институты, первый Государственный театр, первое собственное почтово-телеграфное агентство, начали выходить газеты, журналы, создан первый Государственный музей и первое в регионе кинотоварищество. Бухарских студентов отправляли учиться в вузы Советской России и Германии.

Но несмотря на достигнутые успехи, существование Бухарской Народной Республики оказалось недолгим. В сентябре 1924 года V Всебухарский курултай Советов БНСР принял такое решение:

«Бухарская Народная Советская Республика объявляется Бухарской Советской Социалистической Республикой.

Выражая волю народов Бухары, объявляем согласие на образование совместно с узбеками Туркестана и Хорезма — Узбекской Советской Социалистической Республики... Курултай решительно устанавливает необходимость вхождения Узбекистана... в СССР».

Принято утверждать, что такого быстрого развития событий требовали сложные международные условия. Возможно, это так. Но есть и другое мнение — что Бухарская Народная Советская Республика не пришлась по вкусу самому Сталину. Для задуманной им быстрой «спайки» наций необходимы были многонациональные государственные образования, а этому условию Бухарская республика не отвечала. Да и социальный состав правительства Файзуллы Ходжаева наверняка мог показаться будущему «вождю всех народов» «дурным примером».

Кроме Ходжаева, бывшего и первым премьером Узбекской республики, жертвами сталинских плах, тюрем и лагерей стали многие из твх, чьи имена неразрывно связаны с сентябрьским переворотом 1920 года: первый председатель Бухарской компартии Наджиб Хусейнов; занимавший тот же пост в 1923 году Абдулло Рахимбаев; первый нарком финансов Узбекистана Кары-юлдаш Пулатов; первые узбекские и таджикские профессора Абдуррауф Фитрат, Муса Саинджанов и Аббас Алиев; известные литераторы той поры Саид Ахрори и Ахмеджан Абусаидов (Хамди); видные партийные и советские работники Узбекистана Абдурахим Юсуф-заде, Рахматулла Музаффаров, Атаходжа Пулатходжаев и многие другие. Не будет преувеличением сказать, что тридцать седьмой год стал трагедией для всего цвета бухарской интеллигенции.

Живыми из сталинских лагерей удалось выйти Карыюлдашу Пулатову и Аббасу Алиеву. В 1965 году Военная коллегия Верховного суда СССР восстановила доброе имя Файзуллы Ходжаева.

Несмотря на условность такой постановки вопроса, нельзя не задуматься: если бы Ленин по-прежнему здравствовал после лета 1923 года, как бы все пошло дальше? Наверное, руководителям независимого государства вряд ли поставили в вину их интерес к интенсивным внешнеторговым операциям и стремление к экономической самостоятельности, к свободному предпринимательству, кооперации и акционерным обществам. Вероятно, не было бы такой спешки с национально-территориальным размежеванием. А лидеры сентябрьского переворота продолжали бы жить, отыскивая свой путь в истории.

Но все произошло иначе. И правду о Бухарской революции стало возможно сказать почти через семьдесят лет.

диции: «Населенив... не будучи способным... усвоить тонкости восточной политики, бежит. Бежит в Афганистан...» «Нет, не было и не будет прочного успеха при политике военной,— заключал он,— если на задворках остается экономическая основа борьбы».

Но осознание того, что разрушенное экономическое равновесие нельзя восстановить оружием, пришло к политическому руководству Туркестана и лидерам Бухарской революции не сразу. Потребовалась радикальная смена состава Туркбюро и Турккомиссии (решением Политбюро ЦК РКП(б) от 14 октября 1921 года), чтобы начался отход от исключительно военных методов.

И тут со всей очевидностью выяснилось: малочисленные и слабые местные ревкомы, назначенные центром и в большинстве оторванные от населения, не могли служить опорой для проведения земельно-водной реформы. Взять средства для экономической помощи районам, опустошенным войной, неоткуда. Вести необходимую разъяснительную и просветительную работу почти некому. В лучшем случае ограничивались очередным митингом с такой, например, резолюцией: «Да здравствует наш мировой пророк Ленин, ЦК партии, III Интернационал!» Но что даст лозунг на фоне широко развернувшегося «самоснабжения»? Положение декханина ухудшилось из-за неупорядоченного (экстренного) взимания налога, запрета частной торговли (а другой не было!) и т. д. Отмена шариатского суда и старых школ, конфискация церковных имуществ воспринимались как посягательство на ислам.

Наконец, произошло то, чего так опасались еще в 1920 году: ферганские басмачи установили связь с басмачами, появившимися теперь и в Бухаре. Консолидацией их сил под знаменем «священной войны за ислам» занялся известный панисламист, бывший военный министр Турции Энвер-паша. В Восточной Бухаре, где с новым ожесточением вспыхнули бои, пришлось вводить чрезвычайный режим «диктаторской комиссии». И лишь весной 1924 года кое-где в Бухарской республике стали появляться выборные (то есть собственно советские) органы власти. Но дни Бухарской Советской Республики были уже сочтены.

Революционная власть в Бухаре, вынужденная с самого начала опираться на помощь войск Туркфронта, зачастую воспринималась населением как чуждая. Создавалась почва для успеха контрреволюционной пропаганды, отряды басмачей пополнялись обманутыми и даже беднотой, пострадавшей от реквизиций. Один за другим вспыхивали мятежи. Для их подавления вновь и вновь обращались к вооруженной силе. Вырваться из этого порочного круга самостоятельно, за счет собственных скудных средств и при отсутствии прочной и широкой социальной базы революционный режим Бухары не мог. Для удержания власти требовалась постоянная помощь извне. Очень быстро, к 1923 году, численность войск Красной Армии в Бухаре возросла с 3 до 30 тысяч человек, в то время как бухарских красноармейцев насчитывалось всего 400.

Кризис неизбежно проявился и в фактически непрерывных междоусобных конфликтах в руководстве. Формально объединившись 11 сентября 1920 года в Бухарскую компартию, бухарские коммунисты (они заняли все посты в высшем органе власти — Всебухарском ревкоме) и бывшие младобухарцы (получившие места в правительстве — Совете Назиров), по сути, не нашли общего языка для выработки единого политического курса.

Ф. Касымов и Б. Эргашев упоминают в своей статье об осуществлявшейся в БНСР «политике национального примирения». Речь идет, видимо, о тех мерах, которые предусматривались постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 18 мая 1922 года «О туркестанско-бухарских делах»: возврат вакуфных (церковных) земель, легализация шариатских судов, амнистия части басмачей. Но на деле все нередко сводилось к временному успеху переговоров с басмачами. Руководители республики так и не сумели предложить и отстоять реальную альтернативу политике «советизации» — реформ по унифицированному усредненному образцу, без учета национальной и социальной специфики.

Фракционная борьба обескровливала руководство республики. О том, как шел этот процесс, дает представление самый краткий «мартиролог»:

А. Мухитдинов — бухарский коммунист, председатель Всебухарского ревкома, высказывался за самостоятельность дипломатических связей БНСР, вывод войск Красной Армии; в августе 1921 года отстранен от государственной деятельности.

У. Пулатходжаев — младобухарец, первый председатель ЦИК Советов БНСР; в декабре 1921 года перешел на сторону Энвер-паши.

Куль-Мухамедов — уже упоминавшийся командир первого национального формирования армии БНСР; не желая воевать против басмачей, в 1922 году эмигрировал в Афганистан.

А. Арифов — коммунист, член Всебухарского ревкома, с 1921 года — военный назир; в марте 1922 года перешел к Энвер-паше.

Н. Хусаинов, Х. Алиев, Х. Ибрагимов, М. Ахмедов, С. Юсупов, А. Акчурин — большинство членов ЦК БКП, избранного в августе 1920 года; возглавили группу так называемых «левых коммунистов», а ее разгоне в мае 1922 года в качестве представителя ЦК РКП(б) принимал участие Г. К. Орджоникидзе, который апосле́дствии недоумевал, «почему асех их вообще считали коммунистами».

И. Агдаров — один из первых организаторов БКП; в 1922 году скрылся после подавления попытки переворота, в которой участвовал вместе с другими «левыми коммунистами».

А. Ходжаев — младобухарец, уполномоченный Совета Назиров по Восточной Бухаре, выступал против «советизации» и за вывод Красной Армии; отстранен от государственной деятельности в 1923 году.

А. Фитрат — идеолог младобухарцев, затем член ЦК БКП, назир просвещения; обвинен в злоупотреблениях и отстранен от государственной деятельности в 1923 году.

Неоднократные «чистки» БКП и, следовательно, государственного аппарата республики (операции эти велись с участием представителя ГПУ Г. Агабекова, о чем он поведал в своих «Записках чекиста») разрушали с трудом создававшиеся центральные и местные административные структуры республики.

До конца своего существования Бухарская республика так и не смогла добиться серьезных успехов в решении стоявших перед ней проблем экономического, государственного и культурного строительства. Усугубились давние противоречия между центральной (узбекской) Бухарой и ее восточными и северными районами (с соответственно таджикским и туркменским населением), где не утихала гражданская война.

19 сентября 1924 года БНСР вошла в состав СССР, 27 октября перестала существовать: ее территорию поделили вновь созданные Узбекская, Туркменская и тогда еще автономная Таджикская республики. Нерешенные проблемы поделить было нельзя: они остались общими.

Осознание невозможности решить эти проблемы военно-коммунистической атакой, несомненно, сыграло свою роль при выборе путей последующего развития Советской Средней Азии. Но в ином, более широком значении уроки «бухарского эксперимента» были, видимо, прочно забыты.

ОНИ О НАС

Мы предлагаем нашим читателям срез советской действительности, какой она предстает на страницах зарубежной периодики. Наша жизнь, увиденная их глазами, равно говорит и о нас, и о них. Здесь вы найдете и дайджесты серьезных аналитических статей, и маленькие курьезные заметки. Отбор материала — дело редакции. Ответственность же за правдивость, точность и тон ложится на зарубежные источники.

«КАТАСТРОЙКА»

В исторические дни заседаний Съезда, на этом показательном сеансе работы коллективного разума, пробуждение народа, который за семьдесят лет потерял привычку открыто и свободно обсуждать свои проблемы, сценарий дебатов словно был списан из классических пьес: с одной стороны — новый парламент, изолированный и защищенный от публики закрытыми подъездами и подходами к Кремлю, с другой — беспокойный партер, народная галерка, со страстным желанием не пропустить ни одного слова нв сцене.

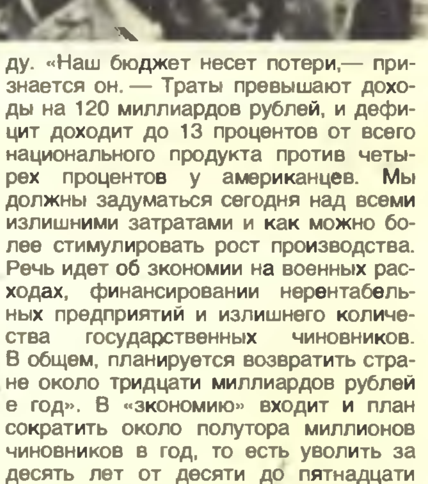
Перед микрофонами и телекамерами под суровым взглядом мраморного Ленина и более мягким — Горбачева говорили все и обо всем. Одно разоблачение следовало за другим, не успев оправиться от одного шока, аудитория тут же бывала поражена вторым. Обсуждались зффективность военных расходов, в два или три раза превышавших, как оказалось, официальные цифры, положение в южных республиках, секретные протоколы, связанные с прибалтийскими территориями. В пылу дискуссии депутаты поинтересовались и дачей Горбачева. Наконец доспорили до того, что предложили вынести из Мавзолея тело В. И. Ленина.

А в это время в своем кабинете в Институте зкономики, что на окраине Москвы, зкономический «советник генерального» изучал ситуацию в стране и искал средства для ее оздоровления. Это Абел Аганбегян, истинный теоретик перестройки, обладатель великолепных брежневских бровей. Несмотря на зто сходство, он в совершенстве владеет английским, одет в модную рубашку «Боттон даун», купленную, пожалуй, у «Брукс бразерс», и к тому же известен как либерал. Говоря о радикалах, Аганбегян полон скепсиса в отношении наличия у них конструктивной программы вывода страны из кризиса, при том что многие их лозунги и нравятся народу. «Наш бюджет несет потери,— признается он. — Траты превышают доходы на 120 миллиардов рублей, и дефицит доходит до 13 процентов от всего национального продукта против четырех процентов у американцев. Мы должны задуматься сегодня над всеми излишними затратами и как можно более стимулировать рост производства. Речь идет об зкономии на военных расходах, финансировании нерентабельных предприятий и излишнего количества государственных чиновников. В общем, планируется возвратить стране около тридцати миллиардов рублей е год». В «зкономию» входит и план сократить около полутора миллионов чиновников в год, то есть уволить за десять лет от десяти до пятнадцати миллионов челоеек.

Работая больше, чтобы зарабатывать меньше, советские граждане должны привыкать к необходимости менять свои представления и свой образ жизни; поэтому и в шутку и всерьез перестройка все чаще называется ими «катастройкой». В сущности, ведь то, что предлагает новый курс,— зто обмен между спокойной жизнью и демократией: немного меньше одного, немного больше другого под громкие призывы «перестроить страну».

«Ситуация тяжелейшая»,— заключает Аганбегян. И с заметной любовью к парадоксам добавляет: «Пессимисты говорят, что хуже некуда. Оптимисты, напротив, возражают, что может быть и еще хуже».

«Эспрессо», Италия

ЛЕНИНГРАД — ФАТАЛЬНЫЙ ГОРОД?

Пост главы Ленинградской партийной организации (второго по значению города Советского Союза) может быть фатальным для любого, кто его займет. Юрий Соловьев — последнее свидетельство.

Но бывает хуже. Григорий Зиновьев, один из его предшественников на этом посту, в 20-х годах был расстрелян по приказу Сталина. Сергей Киров был убит, и покушение на него спустило курок террора 30-х годов. Григорий Романов, который рассматривался как соперник М. Горбачева, в 1985 году быстро канул в политическое небытие.

Отставка Соловьева едва ли разрешит проблемы Лвнинграда. Различные неформальные группы создали единый Народный фронт, подобный тем, что изменили политический климат за прошедший год в Прибалтийских республиках.

Руководители этого движения, оставляя на будущее оценку Б. Гидаспова, нового секретаря обкома, подтвердили свою решимость продолжать кампанию за развитие демократии и улучшение условий проживания в городе.

«Санди таймс», Великобритания

БИЗНЕС НАСТРОЕН ОПТИМИСТИЧНО

Журнал для деловых людей США «Форчун» провел опрос среди глав 183 крупнейших промышленных, торговых и сервисных фирм Америки об их отношении к СССР как коммерческому партнеру.

1. В свете последних событий в стране думаете ли вы, что СССР будет более привлекательным рынком?

Более привлекательным	— 89%
менее привлекательным	—
без перемен	— 10%
не знаю	— 1%

2. Думаете ли вы, что через пять лет зкономика СССР будет в большей степени ориентирована на рынок?

Более рыночной	— 93%
менее рыночной	—
без перемен	— 3%
не знаю	— 4%

3. Какие перемены в СССР в наибольшей степени привлекли бы вас к экономическому сотрудничеству с советскими партнерами?

Ослабление бюрократии	— 8%
укрепление политической стабильности	— 5%
конвертируемость рубля	— 25%
более демократическое правительство	—
более открытое общество	— 17%

«Форчун», США

А. СОЛЖЕНИЦЫН: ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Поразительная ирония истории заключена в том, что наиболее разящие страницы Солженицына оказали влияние на нынешних лидеров в Кремле. Разрушение окружающей среды, предложение передать землю крестьянам, умирание культуры и духовной жизни, призыв к переоценке истории и идеологии, перенос внимания с авантюр за рубежом на разруху дома — обо всем этом можно читать сегодня в «Правде» и «Известиях». Когда отмечалось 70-летие Октябрьской революции, М. Горбачев выступил с самой важной речью, если иметь в виду отношение к советской истории. Поначалу многие были разочарованы, что он не пошел достаточно далеко: сказав о репрессиях против многих тысяч людей, он не затронул таких вопросов, как аннексия Прибалтийских государсте или политическая карьера Троцкого. Но они упускали из виду главное: г-н Горбачев открыл калитку памяти, а когда она оказалась открыта, стало неизбежным в том числе и возвращение книги «Архипелаг ГУЛАГ». Теперь свидетель еернулся к своему народу. Это одна из немногих вещей, которые он не мог предвидеть.

«Геральд трибюн интернэшнл», Париж

Какое место занимает только что вышедший в Лондоне новый вариант романа «Август 1914-го» по отношению к написанному Солженицыным ранее? Является ли он в действительности величайшим русским романистом двадцатого столетия? О том, что Солженицын крупнейший писатель и величайшая личность века в России, без сомнения, можно спорить. Но как романист Солженицын не выдерживает сравнения даже с Шолоховым (при всей предосудительности поведения Шолохова) или с Леоновым (при всех промахах и отходах от правды), не говоря уже о других русских писателях, чьи произведения пока мало знают на Западе.

«Санди таймс», Великобритания

ВЗГЛЯД НА РОССИЮ ЧЕРЕЗ „ПАРИЖСКИЕ ОЧКИ"

150 лет назад, жарким летом 1839 года, Астольф Луи Леонор маркиз де Кюстин ступил на невский берег — отсюда началось его недолгое путешествие по России. Всего за два с половиной месяца он посетил, кроме Петербурга, Москву, Ярославль, Нижний Новгород. «Действительно, я мало видел, но многое угадал»,— гордо заявлял маркиз. К тому времени 49-летний французский путешественник уже побывал во многих странах, щедро одаривая читателей своими путевыми наблюдениями. Кюстин известен также как драматург, публицист, завсегдатай литературно-философских салонов. По существу он не был историком и не оставил нам исторических трудов, но его книги — своеобразный памятник эпохи и ценный источник для ее изучения.

Публика благосклонно принимала эти сочинения, но знаменитым его сделала книга «Россия в 1839 году». Она написана в распространенной тогда форме писем к другу. Эти письма — как бы дневник путешествия. Всего их 36, и почти все они не были отправлены, а тщательно прятались осторожным автором, не без оснований опасавшимся преждевременной огласки. Радушно принятый в России и обласканный Николаем I французский аристократ, отца и деда которого казнили во времена Великой французской революции, был ослеплен блеском русского двора лишь на мгновение. Тем ужаснее было прозрение. Кюстин отправился в Россию монархистом, знакомство с ней заставило маркиза изменить свои взгляды. Он испытал влияние А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, В. Ф. Одоевского, П. Я. Чаадаева, А. Мицкевича и других, но самым сильным аргументом стала сама российская действительность. Его книга проникнута неприятием авторитарного правления. Беззаконие, произвол, приниженное положение церкви, засилье бюрократии, немота и бесправие народа, отсутствие гражданских свобод — вот темы, к которым вновь и вновь возвращается мысль Кюстина.

Его больно поразило крепостничество — закрепощенность не только крестьян, но и всего народа. Ужас вызывали скрытые до поры силы этого дремлющего великана. Предрекая его грядущее пробуждение, Кюстин писал о неизбежности, размахе и небывалой жестокости предстоящей русской революции. Его страх усиливался при мысли об экспансии России, откуда полудикие орды хлынут на Запад, угрожая смести европейскую цивилизацию. Безуспешно пытаясь разгадать причину рабского подчинения деспотизму, Кюстин объяснял его стремлением к мировому господству, для достижения которого нужны покорность и жесточайшая военная дисциплина. Невольный вздох облегчения вырывался у него при виде слабости этого гиганта. Кюстин выразил представления, сложившиеся в Европе под влиянием политики Российской империи, которой как нельзя лучше подходили широко известные классические определения — «жандарм Европы» и «тюрьма народов». Поддержка реакционных прогнивших режимов, борьба за расширение своих границ, гонения против униатов, а особенно угроза военного вмешательства России во время революций во Франции и Бельгии и кровавое подавление польского восстания в 1830—1831 годах подготовили европейское общественное мнение к появлению самого резкого памфлета против николаевского деспотического правления, которое справедливо считается «апогеем самодержавия» и, без всякой потачки современному восприятию, «годами застоя». Понимая, на что идет, Кюстин выжидал, колебался. Только в 1843 году он решился издать отредактированные «письма», которые составили четыре увесистых томика по четыреста страниц каждый. Книга имела ошеломляющий успех, ее многократно переиздавали, переводили на другие языки — недаром в современной зарубежной печати ее называют «бестселлером XIX века». Выход сочинения Кюстина стал важным политическим событием.

Можно представить, какой безудержный гнев вызвала она у Николая I. Утверждали, что, ознакомившись с книгой, царь швырнул ее на пол и назвал автора негодяем. Русское правительство инспирировало появление за границей «рефутаций» — опровержений, среди авторов которых был небезызвестный Н. И. Греч. Над «рефутациями» только посмеивались. Издатель книги Кюстина саркастически замечал, что «лишь истина может внушить такой гнев: если бы все путешественники мира объединились для того, чтобы написать, что Франция — страна, населенная дураками, то их книги вызвали бы в Париже только смех; удар должен быть точен, чтобы ранить». Сам автор хладнокровно отвечал своим оппонентам: «Если излагаемые мною факты ложны, пусть их отрицают; если сделанные мною выводы ошибочны, пусть их опровергают, нет ничего проще; но **если правда преобладает в моем сочинении, позвольте мне считать, что я достиг своей цели, которая состояла в том, чтобы, показывая недуг, побудить здравые умы искать лекарство**» (подчеркнуто нами.— **Ред.**).

Разумеется, в России книга Кюстина была запрещена, но вопреки запрету имелась чуть ли не в каждом образованном семействе. Русских читателей привлекала прежде всего ее острая критическая направленность. Впрочем, оценка этого произведения не могла быть однозначной даже у либерально настроенных читателей. Были задеты национальные чувства, не остались незамеченными высокомерный тон, поспешные выводы чужестранца. А. И. Герцен записал в своем дневнике: «**Без сомнения, это самая занимательная и умная книга, писанная о России иностранцем. Есть ошибки, много поверхностного, но есть истинный талант путешественника, наблюдателя, глубокий взгляд, умеющий по нескольким образчикам догадаться о массе».** Да что там Герцен! Грозный шеф жандармов, начальник III отделения А. Х. Бенкендорф в разговоре с императором откровенно признал: «...месье Кюстин лишь сформулировал то, что все уже давно думают о нас и что мы сами о себе думаем».

К концу века, когда страсти вокруг Кюстина поутихли, была сделана попытка издать краткие извлечения из его нашумевшего сочинения. Позднее, дважды — в 1910 и 1930 годах — у нас выходила книга Кюстина, хотя и в значительно урезанном виде. Причем последнее ее издание было предпринято Всесоюзным обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев незадолго до его роспуска и, конечно, давно уже стало библиографической редкостью. В отечественной литературе интерес к Кюстину приобрел подчеркнуто «академический» характер. О нем и его обличительном сочинении не любили вспоминать, потому что оно сохраняло современное звучание.

Бывший посол США в Советском Союзе Джордж Кеннан прямо утверждал, что «если это не очень хорошая книга о России 1839 года, то наверняка превосходная, вероятно лучшая из всех книга о России Сталина и еще совсем неплохая книга о России Брежнева и Косыгина». И все-таки Кюстин писал о царской России. Однако она не какое-то тридевятое царство тридесятое государство, а наша родина. Дело прошлое, но в ней наши истоки, наша история, которая живет в нас самих, в нашем настоящем. Стоит повнимательнее приглядеться к этому сочинению, хотя оно содержит подчас горькие и обидные для русского человека наблюдения. Бальзак не без оснований относил Кюстина к тем путешественникам, которые видят Россию «через английские или парижские очки». Конечно, Кюстин многого не заметил и не понял, его книга не свободна от преувеличений и искажений, она не только характеризует Россию, но и отражает ее восприятие европейским общественным сознанием, выразителем которого был автор. А всегда ли мы объективны в самооценках?

Говорят, что человек никогда не может увидеть себя таким, какой он есть. Даже глядя в зеркало, мы невольно застываем, становимся неестественными. Небесполезно иногда посмотреть на себя чужими глазами, хоть бы и сквозь «парижские очки» господина де Кюстина. Давайте перелистаем страницы этой удивительной книги.

Людмила БУЛГАКОВА

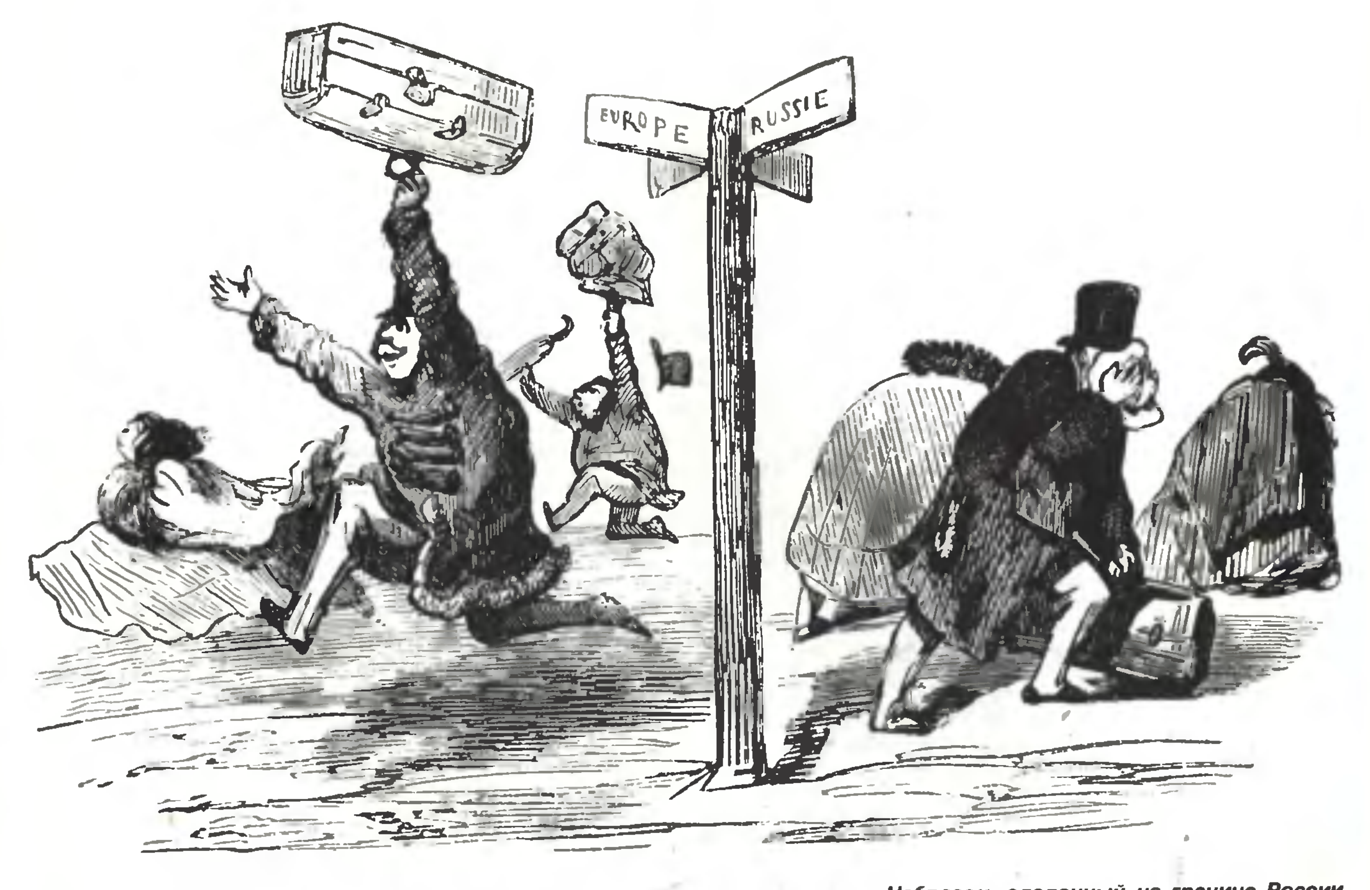
После этого остается только позволить тщательно исследовать свои воззрения

...Самым любопытным для мира государством Россию делает существование там чрезвычайного варварства, которому благоприятствует порабощение церкви, и чрезвычайной цивилизованности, которую правительство без разбору заимствует из других стран. Чтобы понять, как из столкновения столь разных стихий может родиться застой или по крайней мере неподвижность, нужно последовать за путешественником в самое сердце этой страны.

РОССИЯ В 1839

Рисунки и подписи Гюстава Доре

Набросок, сделанный на границе России

Астольф де КЮСТИН

Вчера я начал свое путешествие в Россию. Вслед за десятью или двенадцатью каретами в Эмс прибыл великий князь — наследник престола в сопровождении многочисленного двора (будущий царь Александр II со свитой.— **Ред.**).

С первого взгляда меня поразило в русских придворных то, что они выполняют дело с чрезвычайной покорностью; это своего рода высокопоставленные рабы. Но едва князь удалился, тон их стал развязен, манеры уверенны, вид независим, что создавало малоприятный контраст с полной безликостью, которую они выказывали мгновением прежде; одним словом, всей свите наследника императорского трона присуще лакейство, от которого господа свободны не более, чем слуги. Это не просто этикет, как при других дворах, где официальное почитание, преобладание должности над личностью, короче говоря, вынужденная роль вызывает скуку и подчас усмешку; это нечто большее — бездумное и невольное раболепство, не исключающее высокомерия; мне казалось, что они словно говорят себе в оправдание: «Раз иначе не может быть, пусть так оно и будет». Эта смесь надменности и унижения мне неприятна и отнюдь не расположила меня в пользу той страны, которую я намереваюсь посетить.

...Сегодня утром в Любеке хозяин постоялого двора, узнав, что я собираюсь отправиться в Россию, вошел в мою комнату с сочувственным видом, который рассмешил меня: этот человек проницательнее, а его ум живее и насмешливее, чем можно было предположить при первой встрече по плаксивому тону его голоса и манере говорить по-французски.

Узнав, что я путешествую ради своего удовольствия, он с немецким добродушием принялся уговаривать меня отказаться от моего намерения.

— Вы знаете Россию? — спросил я его.

— Нет, сударь, но я знаю русских. Их много проезжает через Любек, и я сужу о стране по лицам ее жителей.

— Что же вы находите в выражении их лиц такого, что должно помешать мне поехать к ним?

— Сударь, у них два лица. Я говорю не о слугах, у которых нет ни одного, а о господах. Когда они прибывают сюда, чтобы ехать в Европу, вид у них веселый, свободный, довольный. Это кони, вырвавшиеся на волю; птицы, которым открыли клетку. Мужчины, женщины, молодые, старые, все счастливы, как школьники на каникулах. И у тех же самых особ при возвращении лица вытянутые, мрачные, обеспокоенные. Их речь кратка и отрывиста, лоб нахмурен. Поэтому я заключил, что страна, которую покидают с такой радостью и куда возвращаются с таким сожалением,— плохая страна.

— Возможно, вы и правы,— сказал я,— но ваши замечания доказывают, что русские не так скрытны, как их нам изображают. Я считал их более непроницаемыми.

— Они такие у себя дома, но не остерегаются нас, добрых немцев,— отвечал, хитро улыбаясь, хозяин постоялого двора.

...Перед отплытием из Травемюнде на корабль, куда я приехал заранее, прибыл очень полный, пожилой человек; он едва держался на огромных распухших ногах. Его хорошо посаженная на широких плечах голова показалась мне благородной — вылитый Людовик XVI. Вскоре я узнал, что он русский, потомок варяжских завоевателей и, следовательно, человек, принадлежавший к одному из древнейших дворянских родов; его звали князь K***[1].

...Несмотря на сдержанность моих ответов князю, бывший дипломат вскоре был поражен направлением моих мыслей:

...— Не судите о ней <России> по мне и другим русским путешественникам; с нашей природной гибкостью мы становимся космополитами, как только покидаем свою родину, и эта предрасположенность ума уже есть сатира на наше правление!!! ...В России едва минуло четыре столетия со времени нашествия варваров, тогда как Запад пережил то же самое четырнадцать веков назад. Цивилизация на тысячу лет древнее создает несоизмеримое расстояние между нравами народов. ...Полный деспотизм, какой царит у нас, возник, когда в остальной Европе упразднялось крепостничество. Со времени монгольского вторжения славяне, прежде один из самых свободных народов мира, стали рабами сначала своих победителей, а затем своих собственных князей. Крепостничество установилось у нас не только фактически, но и как основной закон общества. Оно привело человеческое слово в России в такой упадок, что его теперь рассматривают только как ловушку: наше правительство живет ложью, ибо правда пугает тирана, как и раба. Таким образом, как бы мало ни говорили в России, там всегда говорят еще слишком много, поскольку в этой стране любая речь есть выражение религиозного и политического лицемерия.

Самодержавие, которое, по сути, всего лишь идолопоклонническая демократия, уравнивает нас так же, как полная демократия в обычных республиках.

Наши самодержцы обучились некогда тирании на собственном опыте. Великие князья, вынужденные обирать своих людей в пользу татар, часто сами уводимые в рабство в глубь Азии или вызывавшиеся в Орду, правили только при том условии, что будут служить послушным орудием для угнетения. Их свергали, как только они переставали повиноваться. Обученные деспотизму таким порабощением, они приучили свой народ к гнету завоевания, которому сами подвергались:[2] вот так с течением времени князья и народ взаимно развращали друг друга.

...— Князь,— сказал я, внимательно выслушав этот длинный ряд умозаключений,— я вам не верю. Благодаря вашему изысканному уму вы стоите выше национальных предрассудков и представляете иностранцу вашу страну в таком виде.

...— Через три месяца вы будете более справедливы... А пока мы еще одни,— он говорил это, озираясь по сторонам,— я хочу обратить ваше внимание на главное. Я дам вам ключ к пониманию всего в стране, куда вы вступаете. Думайте на каждом шагу среди этого азиатского народа, что русским недостает рыцарского и католического влияния.

...Такие признания заставили меня призадуматься, а размышления просто испугали.

У этой страны, которую наши современные мыслители из-за ее отсталости долго ни во что не ставили, такая же, если не большая, будущность, как у английских обществ, укоренившихся на американской почве[3] и слишком расхваленных философами, чьи системы породили нашу современную демократию со всеми ее злоупотреблениями.

По моему мнению, отныне мир будет принадлежать не беспокойным, а терпеливым народам. Нынешняя просвещенная Европа может подчиниться только реальной силе, а реальная сила народов заключается в повиновении власти, повелевающей ими, подобно тому как сила армии — в дисциплине.

...Когда наша космополитическая демократия, приносящая свои последние плоды, сделает войну ненавистной целым народам, когда так называемые наиболее цивилизованные народы окончательно истощатся в своем политическом разгуле, когда они от падения к падению дойдут до спячки и вызовут презрение других народов, будет признан невозможным всякий союз с этими обществами, погрязшими в эгоизме, шлюзы Севера вновь поднимутся. Тогда мы подвергнемся последнему вторжению уже не невежественных варваров, но хитрых, более предусмотрительных, чем мы, господ, ибо наша собственная неумеренность научит их тому, как можно и должно нами управлять.

Недаром Провидение накапливает столько бездеятельных сил на востоке Европы. Однажды спящий великан проснется, и насилие положит конец царству слова. Напрасно тогда равенство в смятении будет призывать старую аристократию на помощь свободе: взятое слишком поздно оружие окажется бессильным в руках, слишком долго пребывавших в бездействии. Общество погибнет, потому что доверилось словам пустым или противоречивым...

Господство России, даже ограничивающееся дипломатическими притязаниями, не переходя в завоевание, кажется мне самым страшным для мира. Неверно судят о роли, которую это государство играет в Европе: в соответствии с его основным принципом оно должно представлять порядок, но в соответствии с характером его людей оно скорее склонно распространять тиранию под предлогом устранения анархии; как будто произвол предотвращает какое бы то ни было зло!

...Я поражен чрезвычайной обеспокоенностью русских относительно того, какое суждение может вынести о них иностранец и какое впечатление производит их страна... Что стало бы с немцами, англичанами, французами, другими народами Европы, если бы они позволяли себе такое ребячество? Насмешки князя K*** возмущают его соотечественников не столько потому, что задевают в них серьезное чувство, сколько из-за влияния, которое могут оказать на меня, человека в их глазах важного, ибо я описываю свои путешествия. Вероятно, они согласились бы действительно быть хуже и в большей степени варварами, чем есть на самом деле, лишь бы их считали лучше и цивилизованнее. Мне не нравятся умы, так мало расположенные ценить истину. Цивилизованность — отнюдь не мода, не хитрость, это сила, действие которой дает результат, это корень, который пускает росток, рождает цветок и приносит плод.

Перевод с французского Л. Булгаковой и Л. Краинской выполнен по изданию «La Russie en 1839» par le marquis de Custine. Paris, 1846. Публикуется с сокращениями.

[1] На корабле «Николай I», доставившем Кюстина в Кронштадт, он познакомился с князем П. Б. Козловским — старым дипломатом либеральных убеждений, католиком, одним из тех, кого можно назвать «русским европейцем». Беседы с ним во многом предварили впечатление Кюстина от России.

[2] Продолжительное оцепенение славян есть следствие векового рабства, своего рода политической пытки, которая одновременно развращает народы и царей, одних с помощью других. (Прим. автора.)

[3] Имеются в виду Соединенные Штаты Америки.

— По крайней мере, вы не будете нас называть северными варварами, как это делают ваши соотечественники...— вот что они говорят всякий раз, когда видят, что меня забавляют или трогают какой-нибудь интересный рассказ, национальная мелодия, прекрасное проявление патриотизма или благородное поэтическое чувство, приписываемое русскому.

Я отвечаю им ничего не значащими комплиментами, но про себя думаю, что предпочел бы северных варваров южным обезьянам.

...Только Господу Богу и русским известно, какое удовольствие парад!.. Пристрастие к смотрам доходит в России до мании. Прежде чем я вступил в эту империю военных маневров, мне довелось увидеть смотр на воде! [4]. Это не смешно — ребячество в больших размерах кажется мне ужасным; это уродство возможно только при тирании, и оно самое страшное ее откровение!.. Всюду, где нет неограниченного деспотизма, великие усилия прилагаются людьми для достижения великой цели; лишь у слепо повинующихся народов по приказу властелина возможны громадные жертвы ради пустяков.

...Россия — словно человек, задыхающийся от избытка сил; ей недостает выходов. Петр I пообещал их и открыл ей Финский залив, не приняв во внимание, что море, несудоходное восемь месяцев в году,— совсем не то, что другие моря. Но для русских слова — это все. Как ни поразительны усилия Петра I, его подданных и преемников, они привели лишь к созданию города, где жить трудно, у которого Нева при всяком порыве ветра с залива оспаривает каждую пядь земли и откуда люди стремятся бежать к югу, насколько это позволяет война. Для бивуака гранитные набережные излишни.

...Во Франции, как и в России, я встретил два типа русских светских людей: одни из осторожности в сочетании с тщеславием преувеличенно расхваливают свою страну, а другие, желая казаться более изысканными и цивилизованными, высказывают всякий раз, когда говорят о России, либо глубокое презрение, либо чрезмерную скромность. До сего времени я не был обманут ни теми, ни другими, но желал бы найти третий тип русских — совершенно чистосердечных; их-то я и ищу.

Мы прибыли в Кронштадт перед рассветом в один из тех дней без начала и конца, которые я устаю описывать, но которыми не устаю восхищаться, то есть в половине первого ночи.

...Обилие мелких, излишних предосторожностей предполагает здесь множество чиновников. Каждый из этих людей выполняет свои обязанности с педантичностью, строгостью, важным видом, преследуя единственную цель — выпятить самую ничтожную должность. Чиновник не позволяет себе проронить ни слова, но, видно, думает примерно так: «Дорогу мне, части великой государственной машины».

Действующий не по своей воле, он подобен часовому колесику, но в России его называют человеком!.. Вид таких добровольных автоматов вызывает у меня страх: есть нечто сверхъестественное в человеческом существе, превращенном в настоящую машину... Становится не по себе, когда подумаешь о силе, которую понадобилось применить к разумным существам, чтобы превратить их в вещи; в России я жалел людей, подобно тому, как в Англии боялся машин, ибо там творениям человека недостает только слова, здесь слово излишне для созданий государства.

Впрочем, эти обремененные душой машины страшно вежливы; видно, их с колыбели обучили учтивости, как владению оружием, но чего стоит эта учтивость, когда уважение притворно? Что бы ни делал деспотизм, свободная воля человека всегда будет необходимым освящением всякого человеческого поступка, если хотят, чтобы поступок имел значение... В России подчиненный ничего не выбирает, все, что он делает и говорит, не имеет никакого смысла и никакой цены.

При виде этих всевозможных шпионов, которые нас осматривали и опрашивали, меня охватило желание зевать и плакать — не о себе, а об этом народе. Столько необходимых предосторожностей, без которых прекрасно обходятся в других местах, предупреждали меня о том, что я на пороге империи страха...

[4] При подходе к Кронштадту Кюстин стал невольным свидетелем учений воспитанников Морского кадетского корпуса.

Меня пригласили спуститься в большой зал нашего корабля, где я предстал перед ареопагом чиновников, собравшихся для опроса пассажиров. Все члены этого скорее грозного, чем внушительного трибунала сидели за большим столом, некоторые из них со зловещим вниманием перелистывали реестры; казалось, они выполняют какое-то секретное поручение...

Одни с пером в руке выслушивали ответы путешественников или, лучше сказать, подсудимых, ибо всякий приезжающий на русскую границу иностранец рассматривается как преступник. Другие громким голосом передавали писарям слова, которым мы не придавали никакого значения, эти слова переводились с французского языка на немецкий, наконец, на русский, и писец заносил их в свою книгу. Переписывались означенные в паспортах имена, каждая дата, каждая виза рассматривалась с мелочной тщательностью. Вопросы, которые задавали пассажиру, терзаемому этой нравственной пыткой, неизменно были безупречно вежливы, что, как мне представлялось, должно было служить ему утешением на скамье подсудимых.

...Казалось, соблюдены все полицейские формальности, вещи, люди были уже на другом судне, но в течение четырех часов мы томились перед Кронштадтом, и все еще не было речи об отправлении.

...Скука, на которую обрекла нас русская тщательность, дала мне возможность заметить, что вельможи этой страны плохо переносят неудобства общественного порядка, когда он их обременяет.

«Россия — страна ненужных формальностей»,— перешептывались они между собой, но по-французски, из страха быть услышанными мелкими чиновниками. Я запомнил это замечание, справедливость которого не раз потом подтверждалась.

...Наконец нам стала известна причина задержки. Появился начальник над начальниками, главный из главных, директор над таможенными директорами: то было последним явлением, которого мы долгое время ожидали. Не обременяя себя ношением мундира, этот высший чиновник явился во фраке, как частное лицо. Казалось, его задача состоит в том, чтобы разыгрывать светского человека. Сначала он любезничает с русскими дамами: напоминает княгине Д*** об их встрече в доме, где она никогда не бывала, говорит ей о придворных балах, где она его никогда не видала, и, наконец, он ломает комедию перед нами, особенно передо мной, который и не догадывался, что в стране, где жизнь расписана, где ранг каждого отмечен на его шляпе или эполетах, можно притворяться более значительным, чем ты есть на самом деле; но в сущности человек одинаков... Наш светский таможенник, сохраняя придворный вид, вежливо конфискует зонтик, задерживает дорожный сундук, забирает несессер и с невозмутимым хладнокровием возобновляет поиски, уже добросовестно проделанные его подчиненными.

У русской администрации тщательность не исключает беспорядка. Затрачивают огромный труд для достижения незначительной цели, вовсю стараясь показать свое усердие. В результате такого соревнования чиновников одна формальность не избавляет иностранца от другой. Это похоже на грабеж: хотя путешественник вырвался из рук первой шайки, не исключено, что он встретит вторую, третью...— и все эти отряды на его пути наперебой донимают его.

Участь чужеземца решает большая или меньшая совестливость чиновников всяких рангов, с которыми ему приходится иметь дело. Что бы он ни говорил, если к нему придираются, то всегда что-нибудь да найдется. И страна, управляемая таким образом, хочет сойти за цивилизованную на манер государств Запада!

...Когда мы снимались с якоря, я подошел к князю К***.

— Вы русский,— сказал я ему.— Возлюбите же вашу страну настолько, чтобы склонить министра внутренних дел или полиции изменить все это: пусть он однажды переоденется обычным иностранцем и приедет в Кронштадт, чтобы увидеть своими глазами, каково въезжать в Россию.

— К чему это? — ответил князь.— Император тут не поможет.

— Император — нет, но министр!

Окончание следует.

ПЬЕР КАРДЕН? НЕТ, КАТЯ ФИЛИППОВА!

ПЬЕР КАРДЕН? НЕТ, КАТЯ ФИЛИППОВА!

Модели Кати Филипповой на улице не встретишь. Да и можно ли назвать ее модельером — ведь за ней не стоят ни Дом моделей, ни фабрика «Большевичка»...

По профессии Катя — художник-график и работы свои воспринимает как движущиеся живописно-графические символы, которые от начала и до конца она делает своими руками и сама же их демонстрирует. Коллекцию, представленную на снимках, я бы назвал свободными импровизациями на военную тему в стиле авангарда — в ее основе лежит внутренний протест творческой личности против шаблона.

Не знаю, можно ли тиражировать работы Филипповой промышленным способом, но уверен: в стране нарождается поколение художников-модельеров (Лена Худякова, Катя Микульская, Катя Филиппова), активно ищущих новые идеи и направления.

Виктор ГРИЦЮК (фото автора)

ПЕРЕСТРОЙКА

Фото Юрия КОЗЫРЕВА

на площади Дзержинского

О том, как процесс перестройки влияет на работу органов государственной безопасности, рассказывает корреспонденту «Родины» первый заместитель председателя КГБ Ф. Д. БОБКОВ

— Филипп Денисович, возможно, вы с этим не согласитесь, но, по-моему, первое чувство, которое у многих людей вызывает до сих пор аббревиатура КГБ,— это страх. И причина кроется не только в страшных событиях более чем полувековой давности, но и в методах, применявшихся органами государственной безопасности совсем недавно,— еще в начале 80-х годов в борьбе с так называемым инакомыслием.

— Безусловно, груз прошлого не легко снять. Это сказывается на отношении к органам госбезопасности. Страх был, конечно, но насчет 80-х годов столь определенно я бы не высказался. В эти годы связи с населением весьма расширились. Люди шли в КГБ не только с вопросами, относящимися к нашей компетенции, но и за правдой, за восстановлением социальной справедливости.

Осмелюсь сказать, что многие благодарны чекистам за то, что не стали на преступный путь, стали активными членами советского общества.

Вы говорите о борьбе с инакомыслием. Закон применялся не за мысли, а за действия, и только за действия. Трудно согласиться, что в эти годы над обществом довлел страх, скорее это была инерция страха — память о беззакониях и порочных методах прошлого, помноженная на незнание органов КГБ в современных условиях.

После XX съезда КПСС органы госбезопасности твердо стали на путь строжайшего соблюдения социалистической законности. И даже если говорить о статье 70 УК РСФСР (и о ее аналогах в уголовных кодексах союзных республик), которую чаще всего ассоциируют с преследованием за мысли, то применение ее год от года сокращалось. В 1956—1960 гг., например, по ней было осуждено 4676 человек, в 1961—1965 гг. — 1072, в 1966—1970 гг.— 295, а в 1981—1985 гг. — 150 человек.

Хотелось бы подчеркнуть, что уголовная ответственность всегда была сопряжена с действием подрывного характера, но нестрогость диспозиции статьи «антисоветская агитация и пропаганда» требовали всякий раз дополнительных разъяснений сути уголовного преступления.

К приведенным цифрам не может быть однозначного отношения. Тем более оценивая их с позиции сегодняшнего дня. Легко говорить тому, кто не пострадал даже справедливо. Наверное, что-то можно было оценивать и поиному. Закон тоже должен применяться не формально. Но закон не может не применяться, иначе он перестает быть законом, а если говорить об уголовном законе, то его неприменение ведет к безнаказанности.

Думаю, что многое в работе органов понималось превратно, да и сейчас так понимается ввиду их прежней закрытости, недостатка гласности или гласности односторонней.

— Что сегодняшний Комитет государственной безопасности предполагает сделать, чтобы поставить себя в строгие рамки закона и под контроль выборных представителей народа? Идет ли перестройка в органах КГБ?

— В этом смысле Комитет госбезопасности делает все. Он способствует тому, чтобы органы контроля за деятельностью КГБ имели полную возможность осуществлять свои полномочия.

Перестройка в органах госбезопасности — объективный процесс. Она нам крайне необходима. Согласитесь, что кое-что в направлении нынешних перестроечных процессов мы начинали делать еще в бытность председателем КГБ Юрия Владимировича Андропова.

Считаю принципиально важным делом создание в рамках КГБ нового Управления по защите советского конституционного строя. Может показаться странным, но органам госбезопасности действительно впервые за всю историю страны гласно и ясно поручена задача защиты конституционного строя.

ЧК в самом своем названии отражала чрезвычайный характер задачи. С созданием ОГПУ даже в названии был сделан акцент прежде всего на политический характер работы органов безопасности. В дальнейшем существовали секретно-политические отделы и управления, задачей которых была, безусловно, охрана государственного строя, но открыто такая функция не обозначалась.

В 1967 году в КГБ создано 5-е управление по борьбе с идеологическими диверсиями. Оно занималось теми государственными преступлениями, которые по действовавшему тогда уголовному законодательству составляли преступления против государства. Но опять-таки впрямую защита власти в задачу не вменялась.

Упразднение этого подразделения и создание Управления по защите советского конституционного строя не игра словами, не механическая смена названий: здесь четко обозначена задача и одновременно разделена сфера идеологии и область преступлений против государства. Это означает также окончательный уход КГБ от чрезвычайности. Раньше проблемы безопасности страны даже не затрагивались Конституцией. Теперь строго разделены: действия, направленные на насильственное свержение существующего строя,— одно, выражение отношения к нашему строю, пусть и самое негативное,— это другое.

— Вы рассказали о структурных переменах внутри ведомства. Они, очевидно, важны, но, думается, важнее гарантии законопослушания, которые дает контроль со стороны общества и законодателей?

— Нельзя не признать, что КГБ еще не умеет пользоваться возможностями гласности, чтобы в каждом случае внятно представить общественности свою позицию. Так, осталось непонятым, что мы не меньше других заинтересованы в таких гарантиях. На самой ранней стадии КГБ выступал с инициативой создания в Верховном Совете органа, занимающегося вопросами государственной безопасности, и поддержал появление Комитета Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности.

Требование законопослушности — одно из основных, предъявляемых сегодня в КГБ к работе и сотрудникам. Понятно, что гласный законодательный контроль не только требует от нас большей ответственности, но и придает больше уверенности.

— Гласность, о которой вы заговорили, тоже ведь можно считать средством контроля. Вы считаете целесообразным, чтобы больше информации о работе КГБ поступало для общества?

— Обязательно. И это уже, как вы знаете, делается. Но надо обозначить и естественные ограничения. Например, методика и техника операций остаются секретом. Скажем, операция по захвату самолета, ранее похищенного угонщиками. Если описать действия группы захвата, то в следующий раз в аналогичных обстоятельствах эту акцию повторить не удастся.

Есть еще одна сторона дела, которую нужно учитывать журналистам. Существует, бесспорно, подтверждаемая статистикой закономерность: подробное живописное описание деталей негативных событий, явлений или процессов увлекает и вызывает желание подражать. Это нужно иметь в виду. Но это частность, а в принципе, мы в КГБ — за максимальную гласность.

— Выступая на сессии Верховного Совета СССР при утверждении в должности, председатель КГБ В. А. Крючков счел возможным раскрыть численность погранвойск КГБ. Не настало ли время сказать о численности аппарата КГБ внутри страны? Если все еще нет, то расскажите, пожалуйста, кто ваши сотрудники: выпускники университетов, бывшие военнослужащие, молодые рабочие, подготовленные в ваших школах? Словом, как КГБ решает кадровые проблемы?

— Мы приближаемся к тому, чтобы открыть такие данные, как и цифры бюджета КГБ, несмотря на то, что в других странах они, как правило, закрыты, и общественность оперирует лишь оценочными цифрами. Во всяком случае, здесь, в КГБ, считают, что назвать их можно. Но окончательное решение о целесообразности такого шага должен принимать Верховный Совет СССР.

Люди у нас работают разные, действуют все перечисленные вами источники пополнения. Главное требование, предъявляемое ко всем без исключе-

ния — будь то оперативный работник или офицер погранвойск, связи,— высокий профессионализм. Они должны быть высококлассными специалистами. Многие офицеры КГБ знают иностранный язык, часто два. И откуда бы они ни пришли, все проходят подготовку, оканчивают наши учебные заведения, в том числе высшие.

— *Я никогда не видел в газетах объявлений о приеме в учебные заведения КГБ...*

— Такие объявления и не даются. Мы отбираем кандидатов, желающих работать в КГБ, их рекомендуют трудовые коллективы, партийные организации, комсомол. Требование к нравственной стороне личности у нас высокие. Мы бережем свой состав. Кропотливо работаем с ним. В одном случае безапелляционны — нарушение закона, использование служебного положения в личных целях несовместимы с пребыванием на работе в органах госбезопасности.

— *Насколько часты такие случви?*

— Ответ зависит от того, что брать за точку отсчета. Случаи такие у нас бывают, но коррупция и другие аппаратные пороки застойных лет коснулись офицеров государственной безопасности в гораздо меньшей степени.

— *И все-таки вернемся еще раз к численности сотрудников Комитета государственной безопасности. На Съезде народных депутатов и на первой сессии Верховного Совета СССР выступавшие говорили о непонятно большом числе сотрудников КГБ в отдельных регионах. Говорили и о числе, и о размере принадлежвщих КГБ зданий...*

— Не могу утверждать, что в каждом месте число сотрудников строго соответствует объему работы. Но смотрите, сейчас органы госбезопасности включаются в борьбу с организованной преступностью — это новая задача, а справляться с ней мы будем наличными силами. Далее, контрабанда. Ни для кого не секрет, что контрабандистов нужно считать не на десятки, а на тысячи. И борьба с контрабандой — тоже часть нашей работы. Несколько лет назад КГБ была поручена охрана советской экономической зоны на море, а это почти девять миллионов квадратных километров акватории.

Еще одно обстоятельство. Наша работа требует объемного технического обеспечения. Технические средства разведки требуют применения таких же сложных контрразведывательных технических средств. Вспомним контейнер с электроникой, который путешествовал по железной дороге страны, чтобы транзитом собирать разведывательные сведения. Если мы хотим только выявить (не говоря уж о противодействии) подобные средства, то нужна собственная, иногда достаточно сложная объемная техника. Для нее требуются здания. Хотя, конечно, я не утверждаю, что нигде не допускалось излишеств. В Уфе, например, мы поделились помещениями с органами народного образования.

— *Во всех, вернее, почти во всех демократических западных странах функции разведки и контрразведки организационно разделены, они находятся в ведении разных учреждений, как, скажем, ЦРУ и ФБР в Соединенных Штатах. Не кажется ли ввм, что такое разделение лучше обеспечивает контроль со стороны законодательной власти над органами безопасности и вернее гарантирует неприкосновенность прав граждан?*

— Нет, не кажется. Этот вопрос возникает время от времени. Но думается, что нынешнее положение дел дает определенные преимущества. Они заключаются в основном в том, что и в разведке, и в контрразведке есть элементы и того и другого, и вот когда эти два вида государственной деятельности разводятся по разным квартирам, начинается почти неизбежная и абсолютно ненужная здесь конкуренция.

За недостатком времени не могу остановиться на, так сказать, «третьей» разведывательно-контрразведывательной силе во многих западных странах — на частном сыске. А это серьезная сила и в частных руках, и в руках корпораций. Ввести его в рамки законопослушания в отношении прав граждан совсем уж непросто. Поэтому выглядят по меньшей мере легкомысленными встречающиеся у нас иногда восторги по поводу организации чего-то вроде кооперативных сыскных бюро.

— *Существуют ли квкие-либо привилегии для работников КГБ в области снабжения, отдыхв, здравоохранения? Если существуют, то как рукоаодство комитета думает распорядиться ими в будущем?*

— Я очень понимаю трудности определения понятия «привилегия». Зарплата? Для подавляющего большинства офицеров государственной безопасности она меньше зарплаты квалифицированного рабочего. Отдых? У КГБ есть ведомственные дома отдыха и санатории. Неплохие. Но не каждый сотрудник может отдыхать там каждый год (нет мест), тем более с семьей. А по условиям работы, иногда надолго разлучающей с семьей, такая возможность была бы крайне желательной.

Жилье? Мы много строим для сотрудников. Где-то, может быть, им проще поэтому получить квартиру. Но вот недавно я вернулся из командировки в Иркутск. В этом городе 30 наших работников не имеют квартир и 140 стоят на очереди. Привилегий особых нет. Есть много трудной работы. КГБ так и не освоил пятидневную рабочую неделю, почти все наши сотрудники работают и по субботам, да нередко и по воскресеньям.

— *Один из самых заметных результвтов перестройки — улучшение наших межгосудврственных отношений с западными странами. Тайная сторона активности этих стран — область вашего профессионального интереса. Что происходит в ней: снижение активности спецслужб, ее рост или на «тайном фронте» без перемен?*

— Говорить о том, что забот здесь у нас становится меньше, я бы не стал. Интерес к нашей стране сейчас очень велик. И не уменьшаются попытки удовлетворить его нелегальными средствами. За последние годы раскрыто несколько десятков агентов западных спецслужб. Общее впечатление такое, что вербовка агентуры усиливается. Нарастают и попытки использования растущих экономических связей, чтобы с помощью коррумпированных работников некоторых ведомств поставить в страну устаревшее оборудование, продать товары по заведомо завышенным ценам. Борьба с такого рода явлениями — дело относительно для нас новое, но приходится осваивать и его.

— *КГБ уже участвует в чрезвычайной программе по борьбе с организованной преступностью, выросшей настолько, что действительно представляет собой угрозу государственной безопасности. Но есть и опасения, что соединение сил МВД и КГБ создает тотальный аппарат контроля над всеми, в том числе и вполне законопослушными гражданами. Можете вы рассеять эти опасения?*

— Прежде всего за наше участие в борьбе с организованной преступностью настойчиво высказывалась общественность, и принятое решение прямо учитывает мнение народа. Кроме того, такая работа не новость для КГБ. В 70-х и 80-х годах органы государственной безопасности принимали участие в раскрытии крупных хозяйственных преступлений. Многие из них и сегодня на слуху.

Сейчас еще рано говорить о результатах нашего участия на новом этапе. Мы ведем следствие по нескольким крупным делам. Взята серьезная группа, связанная с убийствами по заказу. В Иркутске раскрыта опасная банда рэкетиров. В этих делах мы прочно взаимодействуем с органами МВД и прокуратуры.

Тут главное — не размениваться, а нанести удар по действительным организаторам, а как только мы пытаемся это сделать, немедленно встречаем мощное сопротивление и уголовного, и коррумпированного мирое. Группы рэкетиров, как бы ни была опасна эта публика, не главные в этом деле, они управляются скрытыми силами, переплетенными с коррумпированными элементами аппарата.

Очень важно, удастся ли в необходимой мере мобилизовать силы общественности. Нечего скрывать: дисциплина и гражданская ответственность упали у нас до опасно низкого уровня. Нельзя не вспомнить мудрые слова: «Дисциплина — высшее благо, рожденное человечеством». Поверьте, что сегодня у нас борьба за дисциплину должна стоять по значению рядом с борьбой с преступностью.

Что касается опасений, будто временный комитет станет большим братом, чтобы присматривать за всеми — знаю даже, что подбрасывается идея, что комитет, мол, означает конец перестройке, демократии...— все это, конечно, от лукавого. Объединенные усилия в борьбе с преступностью — требование масс. Это объединение усилий, а не структур.

— *Последний вопрос отражает интерес нвшего журнала к истории страны. Среди ведомственных архивов архивы КГБ представляют, вероятно, наибольший интерес для историков. Когда они, в с ними и читатели получат доступ к документам ЧК, ОГПУ, НКВД и КГБ?*

— Беда в том, что у нас нет государственного закона об архивах. Пока мы рассматриваем каждое обращение в отдельности и во многих случаях помогаем в розыске нужных документов. На основе таких изысканий были сделаны и готовятся сейчас к печати несколько очень интересных публикаций.

Беседовел Сергей ВОЛОВЕЦ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

КОГО СЧИТАТЬ ПАТРИОТОМ

Поэль КАРП, публицист

Слово «патриот» пришло к нам при Петре. Оно восходит к греческому «патриотес», означающему «земляк». Но прекрасное русское слово «земляк» не обрело того же значения. Даль предлагал говорить «отчизнолюб», «отечественник», «отчизник», но и это не привилось. Для обозначения человека, любящего Родину, радеющего о ее благе и чести, у нас нет родного словв, и мы пользуемся иностранным, инородным.

Нам все еще трудно уяснить, что такое любовь к Родине и что составляет ее благо и честь. Об этом беспрестанно спорят. Между тем эти понятия у нас оговорены юридически, и если, упаси господь, любишь Родину не как положено и честь ее видишь не там, где велено, можно дорого поплатиться. Особенная часть Уголоеного кодекса открывается статьей 64 «Измена Родине». Там перечислены, конечно, и кое-какие бесспорные преступления, но уголовными деяниями объявлены также «бегство зв границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР». Дажв ничем более не отягченные, сами по себе, они караются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет или смертной казнью. Можно ли при этом считать патриотизм любовью? Ведь любовь тем и прекрасна, что живет и умирает, не считаясь ни с чьей, даже и нвшей собственной волей. Если за то, что разлюбишь жену или Родину, предусмотрена суровая кара, в любовь трудно верить. А у нас ведь не только бежавших за границу объявляли не любящими Родину, но и никуда не собиравшихся, но любивших «неправильно», выставляли за рубеж и лишали гражданства.

Противоестественность такой практики проясняет, что патриотом мы зовем не того, кто любит Родину, а того, кто любит государство, то есть ту власть, которая в данный момент Родиной правит. Двадцать пет назад мне выпала удача не только переввсти, но и тогда же опубликовать по-русски замечательную комвдию Ф. Дюрренматта «Ромул Великий», где сказано: «Когда государство начинает убивать людей, оно всегда называет себя Родиной». И все становится на свои места: Аракчеев был патриот, а Рылеев — нет, Уваров — патриот, а Герцен — нет, полицмейстер Трепов — патриот, а Плеханов — нет, Ежов — патриот, а Раскольников — нет, Брежнвв, Суслов, Романое, конечно,— патриоты, а Сахаров, Солженицын, Бродский, разумеется,— нет. Все просто: смотри программу «Время», читай газеты и будешь знать, кто нынче патриот.

Одно мешает: у нас все же немалыми тиражами изданы сочинения Ленина, а в его устах слово «патриот» — чаще бранное, чем похвальное. В «Коммунистическом манифеств» Маркс и Энгельс писали: «Рабочие не имеют отечества» и отсюда делали прямой вывод: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» И мы по их примеру говорим: сторонники мира, соединяйтесь! Защитники природы, соединяйтесы Борцы зв права людей, соединяйтесь! А нвм отвечают: нельзя вмешиваться в чужие внутренние дела. И мир не вмешивается, когда в одной стране убивают нежелательных инородцев, в другой — опять надевают на женщин чадру, в третьей — на главной площади расстреливают студентов.

Важно, однако, разобраться, кого в этих странах считать патриотами — тех ли, кто перечисленное делает, или тех, кто против этого там протестует. Конечно, неприятно, когда твою страну называют «жандармом Европы» или «тюрьмой народов», когда твердят, что она способна дать человечеству «только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство». Но патриот, любящий государство, спешит заткнуть рты говорящим подобное, а патриот, любящий Родину, сам об этом говорит, чтобы изменить жизнь.

Увы, не сразу бывает понятно, что Родине на пользу, что во вред. Лишь позднее станоеится ясно, кому страна обязана больше других. Но многие, ничего доброго для Родины не сделав, свми провозглашают себя патриотами. Однажды в троллейбусе я попросил женщину, сидевшую около компостера, пробить мой талон, и она ответила: «Убирайтесь на Запад, пока на Восток не погнали!» Оторопев, я спросил: «Вы что, фашистка?» и услышал гордое: «Я — патриотка!» Нынче таких «патриотов» немало, и удивляет не так уродливость их понятий о благе и достоинстве Родины, как самая эта уверенность, что уж они-то несут Родине благо и делают ей честь.

Виктор Астафьев недоволен, что не сдали голодающий Ленинград. Это, по мнению писателя-патриота, от нвдостатка у нас человеколюбия. Отстраняя другие соображения, я все недоумеваю: с чего Астафьев взял, что фашисты оказались бы человеколюбивее и стали бы кормить ленинградцев? Стойкость в те немыслимые дни поддерживалась чувством достоинства, не в последнюю очередь внушенным стоящими окрест великими сооружениями, которые для Астафьева просто «коробки». А в Ленинграде не столько люди защищали «коробки», сколько эти «коробки» побуждали людей не сдаваться желавшему их унизить врагу.

Детям у нас положено военно-патриотическое воспитание. Но патриотизм приходит не от военных тренировок, в из мирной жизни. Если на войне его недостает, значит, что-то было неладно в мирные годы. Патриотизм, строго говоря, противоположен войне, ибо тот, кто любит свою Родину, понимает, что другой любит свою. Настоящий патриот не лезет в чужую страну с оружием, ему там нечвго делать, а оквзавшись там по частным обстоятельствам, он с уважением отнесется к ее обычаям и языку и не ствнет навязывать свои. Если сегодня мы наблюдаем кровавые столкновения на национальной почве, не последнюю роль в них играет установка на военное понимание патриотизма и то, что проявлением патриотизма и воинского долга объявлялось введение войск в Венгрию, в Чехословакию, в Афганистан. А нам-то всего бы нужней мирно-патриотическое воспитание подрастающих поколений!

Пушкин назвал два чувства, особо питающие сердце: «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Мой отец похоронен в Москве, неподалеку от кольцевой дороги; там же могила его отца, моего деда, перенесенная после войны с кладбища, оказавшегося в центре города. И хоть я уже сорок пет живу в Ленинграде, я твврдо помню, где мое Отечество, и знаю, что оно **мое** ничуть нв в меньшей степвни, чем той «патриотки» из троллейбуса. И что бы она и ее дружки, чувствующие себя все уверенней, со мной еще ни проделели, даже если придется спасаться бегством от все возрастающей угрозы, чувствв мои не смогут измениться.

Слово «патриотизм» означвет «любовь к Родине», но у нас в патриотизме слишком много ненаеисти к отличному от нашего в иных краях и еще больше к тому, что внутри страны перечит желанию «патриотов» держать ее многочисленные народы в единообразной покорности. А нам бы поскорее перейти к мирному сосуществованию не только с иными странами, но и внутри своей, принять за норму наличие инакомыслящих и инакочувствующих, навсвгда вычеркнуть ни с каким марксизмом ничего общего не имеющий ярлык «идеологическая диверсия» и заменить лагеря и казни дискуссиями и состязаниями. Бурно реагируя на вводимый в Эстонии ценз оседлости, не позволяющий едва вселившимся в республику избирать местные органы власти, «Патриоты» считают себя вправе туда вселяться навсегда, и за долгие годы не осваивают местного языка, лишь требуя от эстонцев, чтобы они знали по-русски. Это называется равенством. Любопытно, что бы они сказали, если бы двести миллионов из соседней социалистической страны точно так же перебрались в Россию и потребовали перевести делопроизводство на китайский язык, поскольку русский трудно выучить?

Патриотизм принесет пользу Родине лишь тогда, когда избавится от чувствв превосходства, от ненависти, и в нем останется одна любовь! До этого еще далеко, но когда Сахвров сквозь вопли генералов и истеричек, сквозь топот большинства и понурое молчание меньшинства говорил с трибуны Съезда горькую правду об Афганистане, я был счастлив, что миллионы людей у нас и в мире могли видеть, что и у нас есть настоящий, бесстрашно любящий Родину патриот.

И я надеюсь на силу положительного примера.

НА ПРИЗЫ ЖУРНАЛА «РОДИНА»

В ОТКРЫТОЕ МОРЕ!

Эта ажурная ладья — главный приз журнала — стала украшением парусной регаты. А сделана она, как и другие призы, мастерами-кудесниками из поселка Красное-на-Волге, что в Костромской области.

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕГАТЫ НА ПРИЗЫ ЖУРНАЛА «РОДИНА»

Главный приз:
группа яхт типа «Конрад-25»
1 место —
яхта «Наяда» (капитан Я. Кливер)
2 место —
яхта «Фаворит» (капитан Н. Клейман)
3 место —
яхта «Омега» (капитан М. Петрига)
Тип «Цетус»:
1 место —
яхта «Адмирал Невельской» (капитан В. Попов)
Тип «Алькор» и «Лэс-35»:
1 место —
яхта «Заря» (капитан А. Смольянинов)
Тип «Л-6»:
1 место —
яхта «Легенда» (капитан Ю. Куич)

До сих пор у берегов СССР зто море было закрытым. По понятным соображениям. И любой коренной приморец немедленно вам зти соображения выложит безо всякого уважения к государственной безопасности.

Так и хочется написать: а старожилы вспоминают, что в 1911 году... Но нет, пожалуй, и старожилы не вспомнят, как девяносто лет назад, используя уникальный микроклимат и прекрасную акваторию залива, знтузиасты создали во Владивостоке первый кружок любителей морского спорта, а чуть позже и яхт-клуб. Скажете, ничего особенного? Для окраинного города проходившие здесь с 1911 года регаты были целым событием! На берегу строились специальные трибуны для зрителей, приезжали сюда и многочисленные иностранные гости. Да, зто был настоящий большой праздник, события которого еще долго обсуждались с таким азартом, с каким, пожалуй, не спорят и нынешние болельщики футбола. Увы, не только во Владивостоке, но и во всей стране после революции парусный спорт особенно популярным не был. Уровень отечественных регат трудно сравнивать с наиболее известными в мире, как, впрочем, и уровень отечественных яхт.

Срок, который жизнь отмерила регатам до возвращения во Владивосток, затянулся на долгие десятилетия. И вот в прошлом году, как-то не особенно прогремев, прошла тут первая Всесоюзная регатв на кубок залива Петра Великого, отметив 90-летие создания того самого кружка любителей. А через год, нынешней осенью, вторая — и уже на призы журнала «Родина». Приехали на нее яхтсмены из четырнадцати городов, оказав тем самым особое уважение особенным условиям — воде, ветру, красотам берега, которые предоставляет здесь любителям паруса природа. Они, собстеенно, и создавали тот, почти восьмидесятилетней давности, морской праздник. И теперь вот робко он снова пытается появиться на свет. А почему бы и нет? Если море снова становится открытым? Если начавшаяся конверсия заставляет и дает возможность искать в «особых зонах» новые источники дохода и процветания?

В деле стимуляции процветания, как показывает практика, нет лучшего лекарства, нежели твердая валюта. А она — дело простое — появится, если регата станет международной. Честное слово, Приморье достойно принять любых гостей.

Так мало для зтого нужно. Просто чтобы яхты выходили в открытое море...

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Цифры демографии — это отражение пути страны в самом дорогом измерении — в человеческих жизнях. И сегодня, когда мы пересматриваем многие страницы истории тридцатых годов, настало время разобраться с итогами переписей тех лет.

Физкультурники фабрики искусственного шелка совершают в окрестностях Клина агитпробег, посвященный переписи 1939 года

РЕПРЕССИРОВАННАЯ ПЕРЕПИСЬ

Марк ТОЛЬЦ,
кандидат экономических наук

Олимпий Аристархович КВИТКИН

Лазарь Соломонович БРАНДГЕНДЛЕР

Михаил Вениаминович КУРМАН

«Виновниками срыва переписи 1937 г. явились враги народа, подлые троцкистско-бухаринские агенты фашизма, пробравшиеся в то время к руководству ЦУНХУ...

Враги народа, сорвавшие перепись, жестоко поплатились. Славные наркомвнудельцы разгромили змеиные гнезда вредителей, засевших в аппарате советской статистики».

(Из брошюры А. Ваганова «Перепись населения — всенвродное дело». Москва, 1939)

Олимпий Аристархович КВИТКИН, начальник Бюро переписи населения ЦУНХУ. Арестован в марте 1937 года. Погиб в 1939-м.

ИЗ ЛИЧНОГО ЛИСТКА ПО УЧЕТУ КАДРОВ
(заполнен 3 марта 1932 г.):

«1. *Родился в 1874 году*

5. Социальное происхождение...— *Сын полковника в отставке*

6. Основная профессия...— *Статистика*

7. Сколько лет работал в этой профессии...— *17 л.**

10. Партийность...— *Беспартийный*

13. Состоял ли в других партиях (каких, когда, как долго и где) — *РСДРП (фракция большевиков) с 1904—1908, Орел, Кострома, Москва*

18. Был ли за границей (где, когда, как долго и цель поездки)

1905 г.— Лондон — III парт. съезд;

1906 г.— Стокгольм — IV парт. съезд;

1907 г.— Лондон — V парт. съезд;

1911—1913 гг.— Париж — учился [окончил математическое отделение Сорбонны; в 1894—1896 гг. учился на медицинском факультете Московского университета];

1925 г.— Берлин — командировка для изучения вопросов переписи населения.

21. Знание иностранных языков...— *Немецкий, французский, английский*

22. Участие в революционном движении до 1917 года — *Член Орловско-Брянского, Костромского комитетов, Бюро Центрального района РСДРП.*

23. Подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции (за что, когда, каким)...— *Высылка под адм. надзор (1896—1898) по студенч. делу; в промежутке 1898— 1901 гг. 4 раза арестован — по Брянской рабочей организации, 1901—1904 гг.— в ссылке в Вологодской губернии по делу Брянской организации*».

Это был всесторонне образованный ученый. В начале тридцатых годов директор Демографического института АН СССР И. М. Виноградов назвал Квиткина среди пяти крупнейших советских специалистов в области демографии.

И сегодня в любом учебнике Квиткин упоминается в ряду классиков советской демографии. И только его последнее дело — перепись 1937 года — остается нереабилитированным.

В характеристике 1932 года, хранящейся в личном деле Квиткина, записано: «Большой ценный работник. (В настоящее время не заменим), но большой консерватор. Всякие новшества признает после долгого убеждения, и если он убежден, то работу выполнит точно».

Любопытна и многозначительна оговорка: **«В настоящее время** не заменим». Вскоре чуть ли не каждый пункт анкеты обернется против Квиткина: сын дворянина, учился за границей, бывший революционер, отошедший от партийной работы... Согласно приказу по ЦУНХУ от 26 марта 1937 года, Квиткин был освобожден от занимаемой должности уже задним числом — после ареста.

Лазарь Соломонович БРАНДГЕНДЛЕР, заместитель начальника Бюро лереписи населения ЦУНХУ.

Арестован в марте 1937 года. Датой смерти условно считается 1942 год.

Свои печатные работы он подписывал кратко — Бранд. Его полная фамилия мало кому что скажет сегодня. Лазарь Соломонович прожил краткую, но деятельную жизнь. Родился в 1908 году. Несмотря на молодость, стал заметной фигурой в отечественной статистике: уже в 1929 году — ученый секретарь редакции журнала «Вестник статистики». Участвовал в создании учебников по этому предмету, выходивших в 30-х годах, успел получить звание доцента, преподавал в вузах. В ЦУНХУ был заместителем секретаря комитета ВЛКСМ по марксистско-ленинскому воспитанию. Когда молодого «комиссара» направили помощником к Квиткину, они быстро нашли общий язык. Со временем Брандгендлер мог стать достойным преемником старого статистика. Но судьба распорядилась иначе...

Михаил Вениаминович КУРМАН, заместитель начальника отдела учета населения и здравоохранения ЦУНХУ, член Комиссии по Всесоюзной переписи населения 1937 года.

Родился в 1905 году. Работал в ЦУНХУ с 1932 года. Много сделал для пропаганды задач переписи 1937 года среди населения: был автором и ответственным редактором информационных материалов, посвященных этой переписи.

Арестован в марте 1937 года. Единственный из троих избежал гибели в тюремных застенках.

После реабилитации в середине 50-х годов вернулся к работе в области статистики населения, жил в Харькове. Внес заметный вклад в возрождение демографической науки в стране в 60—70-е годы. Опубликовал три монографии, значительное число статей.

Курман пытался, как мог, рассказать о репрессированной переписи, но это оказалось не ко времени. Умер в 1980 году. Его воспоминания еще ждут своего издателя.

* До революции работал в земской статистике — **Авт.**

«НЕ ОСТАЛОСЬ НИ ОДНОЙ ОФИЦИАЛЬНОЙ ЦИФРЫ...»

Постановление Совнаркома СССР от 25 сентября 1937 г. о Всесоюзной переписи населения

Ввиду того, что Всесоюзная перепись населения 6 января 1937 года была произведена Центральным Управлением Народно-Хозяйственного Учета Госплана СССР[1] с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки, а также с нарушением утвержденных правительством инструкций, Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Признать организацию переписи неудовлетворительной и самые материалы переписи дефектными.

2. Обязать Центральное Управление Народно-Хозяйственного Учета Госплана СССР провести Всесоюзную перепись населения в январе месяце 1939 года.

Председатель СНК Союза ССР В. Молотов
Управляющий делами СНК Союза ССР Н. Петруничев.

С тех пор прошло много лет. Но даже широкая волна реабилитаций, поднявшаяся в последние годы, не затронула репрессированную перепись. На ее цифры по сей день сохраняется табу. В начале прошлого года начальник Управления статистики населения Госкомстата СССР А. А. Исупов утверждал в печати: «...Все данные этой переписи аннулированы... Не осталось ни одной официальной цифры...» Через некоторое время в интервью журналисту «Известий» начальник отдела массово-разъяснительной работы по переписи населения Госкомстата СССР В. Т. Алферов заявил: «Сейчас мы не располагаем точными доказательствами того, что перепись 1937 года была верной... Мы не можем также ответить точно, за что были репрессированы люди, организовывавшие перепись. **Может быть, за спекуляцию картошкой...** (Подчеркнуто мною.— **Авт.**) ...Мы просмотрели подшивку «Правды» за 1937—1938 годы. Ни слова о результатах переписи и репрессиях в отношении ее организаторов мы там не нашли».

Досадно, но при «тщательнейшем» изучении газет в руки Алферову, видимо, не попал номер «Правды» от 7 апреля 1938 года, где тогдашний начальник ЦУНХУ И. В. Саутин недвусмысленно писал: «Враги народа при переписи 1937 года извратили цифру населения...»

В двадцатые годы, казалось, ничто не предвещало тех бед, которые вскоре обрушатся на отечественную демографию. На европейской части страны постепенно налаживался нарушенный во время мировой и гражданской войн текущий учет населения. Данные широко публиковались: первый советский демографический сборник содержал сведения за 1923—1925 гг., второй — за 1926 г. В статистике тех лет не было тайн. К примеру, печатались подробные данные об абортах и самоубийствах, о продолжительности жизни.

Конечно, не все поддавалось точной фиксации. На окраинах, прежде всего в Средней Азии, на Кавказе, во многих районах Сибири и Дальнего Востока, например, не было налаженного учета смертей и рождений. Зато демографические исследования на Украине, где статистика естественного движения населения велась по особой программе, давали обширную картину жизни и быта людей. (Как не вспомнить, что в 1919 (!) году в Киеве начал работать демографический институт, едва ли не первый в мире. Второй такой институт появился в 1930 году в Ленинграде.)

За очень короткое время — в 1920 и 1926 годах — в СССР были проведены две общие переписи населения, а в 1923 году — специальная городская перепись. Во всех принял активное участие О. А. Квиткин. Именно разработка, публикация и анализ материалов переписи 1926 года стали его главным трудом. Три выпуска «Предварительных итогов». Десять выпусков «Кратких сводок». И, наконец, окончательные итоги переписи, составившие 56 томов. Такая полнота гласности уже никогда не повторится в отечественной демографии.

Приступая к исследованию, я задался вопросом: какие же результаты дала перепись 1937 года, что повлекла за собой не только мощный вал репрессий, но и табу на многие-многие годы?

«ПЕРЕПИСНОЙ ЛИСТ ТЩАТЕЛЬНО РЕДАКТИРОВАЛСЯ ЛИЧНО тов. СТАЛИНЫМ...»

Готовиться к переписи начали еще в 1932 году. Срок ее неоднократно переносился: с 1933 года — на 1935-й, затем на декабрь 1936-го, наконец, остановились на январе 1937-го.

[1] Далее в тексте используется общепринятое сокращение ЦУНХУ.— **Авт.**

Газеты и журналы извещали читателей: «**Скоро выступит в поход всесоюзная армия переписчиков. Эта армия даже количественно весьма велика: она будет состоять из 912 726 счетчиков, руководимых 131 847 инструкторами-контролерами, и большого числа участковых и районных уполномоченных по переписи**».

Организаторы переписи связывали ее успех с сознательным, активным отношением к ней населения. Было задумано выпустить 30 миллионов спичечных коробков с наклейкой: «6 января 1937 года Всесоюзная перепись населения. Если вас не переписали, сообщите в переписной пункт». (Это был один из основных лозунгов переписи.) Появился специальный плакат, изображавший переписной лист с инструкцией к нему. Было выпущено 1350 тысяч экземпляров популярной брошюры, рассказывавшей о переписи. До сего времени ее тираж остается рекордным и не превзойден при проведении всех последующих переписей.

Начальник ЦУНХУ И. А. Краваль писал в «Правде»: «**Порядок переписи следующий. С 1 по 5 января счетчики должны обойти все жилища и предварительно заполнить переписные листы на всех граждан своего участка. 6 января — день переписи. В этот день счетчики обходят весь свой участок, уточняют и проверяют сведения. 7—11 января инструктор-контролер вместе со счетчиком (а в сельских местностях с представителем сельсовета) еще раз обходит все жилища и проверяет правильность заполнения переписных листов**».

Значит, каждый счетчик должен был три раза обойти свой участок.

Контрольный обход впервые вводился именно в переписи 1937 года.

Переписной лист включал 14 вопросов.

1. Пол (мужской, женский).
2. Сколько лет или месяцев от роду?
3. Национальность.
4. Родной язык.
5. Религия.
6. Состоит ли в браке?
7. Гражданин какого государства?
8. Грамотен ли?
9. В какой школе учится — в начальной, средней или высшей?
10. В каком классе или на каком курсе учится?
11. Окончил ли среднюю или высшую школу?
12. Род занятия (службы) в настоящее время.
13. Место работы (название предприятия, колхоза, учреждения).
14. К какой общественной группе принадлежит: к группе рабочих, служащих, колхозников, единоличников, кустарей, людей свободных профессий или служителей культа и нетрудящихся элементов?

Михаил Зощенко, оставивший нам интересный очерк о переписи 1937 года, заметил: «Многие... были недовольны, что в бланке мало вопросов... Иные из опрашиваемых просили счетчиков добавочно указать в бланке количество метров жилплощади на человека для того, чтобы энергичнее развернулось жилстроительство». (Вопрос о жилье появился только в переписи 1989 года. Долго же пришлось ждать!) «Некоторым хотелось бы,— продолжает Зощенко,— чтобы в бланке была графа «Какие имеете награды?».

Многое из предложенного ЦУНХУ в проекте переписи было отвергнуто руководством страны. Зато в переписной лист единственный раз за советский период оказался включен вопрос о религии. Как он попал туда? Вряд ли это могло произойти без ведома Сталина. В передовой статье журнала «План» (1936, № 10) говорится: «**Переписной лист тщательно редактировался лично тов. Сталиным...**»

Что должен был думать тот, кому задавали вопрос «Верующий ли?» в начале 37-го, когда усиленно выполнялась задача создания безрелигиозного общества? Вот что можно было прочитать в первом томе «Малой советской энциклопедии» (1933 г.): «Борьба за атеизм становится задачей миллионов трудящихся, проникает в повседневную практику классовой борьбы». А советские люди уже хорошо знали, как поступают с классовыми врагами. Страх перед вопросом о религии, несомненно, осложнил проведение переписи. Газеты того времени наполнены многочисленными сообщениями о возникших трудностях. У счетчиков добивались ответа: «А правда ли, что у тех, кто запишется верующим, отнимут паспорта?» Некоторые граждане, по-своему поняв вопрос, отвечали: «Верю в Советскую власть». А каково было тем, кто просто искренне верил в Бога?

В переписной лист не попали намечавшиеся в проекте вопросы о месте рождения и продолжительности проживания в пункте переписи. Отвергнуто было и предложение собрать данные о семьях.

При «разборе» итогов переписи отсутствие учета семей поставят уже в вину переписчикам. Вообще о том, что предлагали организаторы переписи, со временем как будто забыли. В ходе проверки ее итогов им инкриминировалось отсутствие тех или иных мероприятий и вопросов, в действительности отмененных сверху.

«НАСЕЛЕНИЕ СТАЛО РАЗМНОЖАТЬСЯ ГОРАЗДО БЫСТРЕЕ...»

Что же показала перепись? Почему на ее результаты было наложено табу, а организаторы вскоре взяты под арест?

«**...Каждая колонка статистических таблиц итогов переписи, каждая цифра этой колонки имеет крупное политическое значение... *Перепись 6/1.1937 года исчисляет население в 162 млн.*** (подчеркнуто мной.— **Авт.**). **Итоги переписи находятся в резком противоречии с исчислениями:**

а) Госплана СССР для 1936 г.[1]	**177,7 млн.**
б) ЦУНХУ для 1932 года[1]	**165,7 "**
То же для 1933 года[1]	**166 "**
в) Данными, сообщенными ЦУНХУ мандатной комиссии VIII Съезда Советов, согласно которым без механического прироста населения исчисляется для 1936 года	**170,5 "**
г) Исчислениями ежегодника Лиги наций, основанными на данных ЦУНХУ для 1934 года	**170,5 "**

...Если предположить, что перепись точно учла население, и предположить также, что исчисление населения Госплана и ЦУНХУ также точно, то с логической необходимостью придется прийти к чудовищному выводу, что 15—17 млн. населения Страны Советов за 10 лет вымерло. Ясно, что мы имеем дело с данными, явно порочными как по линии переписи, так и по линии исчислений ЦУНХУ и проектировок Гос[плана]...»

Документ, который мы процитировали, хранится в **открытом для исследования фонде** П. И. Попова (первого управляющего ЦСУ) в Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР. Да, нелегко заставить архивы молчать.

Если бы даже все результаты переписи тридцать седьмого были уничтожены, они не канули бы в Лету. Их относительно полно отразили материалы комиссии, образованной в том же 1937-м для проверки точности переписи, а фактически — для ее дискредитации. Руководил комиссией заместитель председателя Комитета партийного контроля Я. А. Яковлев.

Совсем недавно цифра населения, названная в отчете комиссии, получила подтверждение. В апреле нынешнего года директор ЦГАНХ СССР В. В. Цаплин писал в журнале «Вопросы истории»: «**Документы, необходимые для освещения трагических событий 30—40-х годов, все еще закрыты для исследования. В силу своего служебного положения я имел возможность познакомиться с такими документами Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ СССР) и Госплана СССР**». Цаплин стал первым официальным лицом, признавшим, что основные итоги переписи тридцать седьмого «**сохранились и заслуживают пристального внимания**». К сожалению, он привел из них только цифру общей численности населения СССР — 162 003 225 человек.

Кто же был привлечен для разбора итогов переписи? Приведем перечень этих людей, имеющийся в материалах комиссии Яковлева: «тт. Гегечкори, Гросман, Петер[с], Козлов из с/х отдела и КПК... тт. Цагурия — нач. учетного отдела НКТП, Барбе — нач. учетного отдела НКЗема, Гайстер, Верменичев, Попов П. И., профессор Целищев, Немчинов, академик Струмилин...». Как видно из списка, среди «судей» явное большинство составляли люди, весьма далекие от демографии. Верменичев, Гайстер, Немчинов и другие, чье место работы не названо, были прежде всего специалистами в области статистики сельского хозяйства. Привлечение их к разбору переписи населения объяснялось, вероятно, лишь связями самого Яковлева, который долгое время работал «на сельскохозяйственном фронте».

[1] На конец указанного года, что совпадает с данными на 1 января следующего за ним.— **Авт.**

Специальные бригады проверяющих уже через 20 дней пошли следом за переписчиками. В отчете комиссии Яковлева читаем: «**Большинство бригад, определявших размер недоучета, исчисляют... поправку [к переписанному количеству населения] в пределах от 3-х до 5%, т. е. от 4,8 до 8,1 млн. человек...**»

Получены эти показатели были просто — отдельные пропуски умножались пропорционально числу жителей сельсовета, района, области... И так вырастали до приведенных цифр.

«Судьи» намеренно искажали инструктивные материалы переписи. Например, в указаниях инструктору-контролеру говорилось, что он «**путем непосредственного опроса в каждом помещении проверяет, действительно ли ни один человек не пропущен счетчиком и нет ли в переписных листах лиц, излишне записанных**». Комиссия цитировала только вторую часть указания: «**Инструкция ЦУНХУ прежде всего предостерегала контролеров о том, «нет ли в переписных листах лиц, излишне записанных»**».

Особое место среди предъявленных переписчикам обвинений занимал **отказ от предварительного счета населения перед переписью.** В документе читаем: «**Этот предварительный, весьма быстро производимый счет населения необходим был для ориентации... и тех неожиданностей, которые теперь имеют место, не было бы**». Предположим, что такой счет был бы проведен. Естественно, его результат разошелся бы с ожидаемой и, по существу, директивной цифрой. В условиях тех лет это означало только одно — немедленную подгонку итогов будущей переписи под заданный показатель. Именно так и произошло, как еще увидит читатель, в 1939 году. И с тех пор предварительный счет стал неотъемлемым атрибутом советских переписей. Как раз его отсутствие и позволило переписи 1937 года отразить действительное положение. Можно поэтому только положительно оценить особо не понравившиеся комиссии действия переписчиков: «**... ЦУНХУ не снабдило счетчиков контрольными данными о населении. Наоборот, оно 1-го ноября 1936 г. предостерегало местные органы от использования контрольных материалов**».

Основные предложения комиссии были такими:

«**2. Признать необходимым внести поправку в данные переписи в размере 3—4%, т. е. исчислить население в 168 млн. человек на 6.1.[1937 года].**

3. Поручить тов. Яковлеву с его группой экспертов и участников бригады уточнить поправки по каждой союзной республике, области и краю в зависимости от особенностей производства переписи в этих районах, но с тем, чтобы общая по Союзу поправка не превысила 3,7%.

4. Поручить тов. Яковлеву проработать и внести свои предложения в ЦК о том, в каких республиках, краях и областях не подлежат опубликованию данные переписи, как дефектные».

Но постановление Совнаркома СССР от 25 сентября 1937 года, с которого мы начали свой рассказ, возвестило о еще более решительной расправе — все итоги переписи объявили дефектными. Существовало даже мнение, что переписные листы немедленно сожгли. Но это не так: после ареста «вредителей» в ЦУНХУ продолжалась разработка итогов переписи.

...Для демографии наступили поистине черные времена. Были репрессированы не только специалисты, причастные к переписи 1937 года. В 1938 году прекратил существование демографический институт в Киеве, его директор М. В. Птуха на короткое время оказался в тюрьме. Был арестован и на долгие годы оторван от работы и другой лидер украинской демографии, Ю. А. Корчак-Чепурковский. В 1939-м в заключении погиб возглавлявший в двадцатые годы украинскую статистику населения А. П. Хоменко. И это, конечно, не полный перечень жертв. Страна осталась без специального научного демографического учреждения. Демографический институт АН СССР в Ленинграде был закрыт еще в 1934 году. В день, когда это произошло, внезапно умер, потрясенный гибелью любимого детища, выдающийся демограф В. В. Паевский. А материалы, отражавшие демографическое развитие страны с начала тридцатых, стало невозможно получить даже в служебном порядке.

Почему же руководство страны не устраивала итоговая цифра — 162 миллиона? Почему население страны должно было составлять никак не менее 170 миллионов?

«Великий перелом» принес коренной переворот и в стати-

стику[1]. В 1930 году, выступая на XVI съезде ВКП(б), Сталин, пожалуй, впервые коснулся демографической темы: «**Ежегодный прирост населения составляет у нас более 3 миллионов душ**». На следующем, XVII съезде в докладе Сталина утверждалось, что численность населения страны достигла «**168 миллионов в конце 1933 года**». Потом эта цифра перекочевала, но уже со ссылкой на ЦУНХУ (по воспоминаниям Курмана, ЦУНХУ не давало Сталину таких данных), в доклад Молотова на VII съезде Советов СССР.

1 декабря 1935 года Сталин выступил на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок с членами ЦК ВКП(б) и правительства, где порадовался невиданному росту населения процветающей державы: «**У нас теперь... население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертности стало меньше, рождаемости больше, и чистого прироста получается несравненно больше. Это, конечно, хорошо, и мы это приветствуем. (Веселое оживление в зале.) Сейчас у нас каждый год чистого прироста населения получается около трех миллионов душ. Это значит, что каждый год мы получаем приращение на целую Финляндию (общий смех)**».

Незадолго до переписи Краваль в журнале «Большевик» (1936 г., № 21) писал: «... **Необходимо собрать полные и точные данные о 170 с лишком миллионах...**»

Как мы теперь знаем, получили на восемь миллионов меньше. Цифра 162 миллиона упрямо противоречила всем утверждениям о быстром росте населения страны. Если принять ее, получалось, что со времени декабрьской переписи 1926 года (за десять лет!) население увеличилось только на 15 миллионов человек. Более того — на селе оно **уменьшилось** со 120,7 до 110,1 миллиона. Перепись 1937 года зафиксировала **снижение общей численности жителей некоторых территорий**. Например:

«... **Население за 10 лет уменьшилось:**

Воронежская область	**на 2,1%**
Курская —"—	**" 14,3%**
Азово-Черноморск[ий] край	**" 0,7%**
Северо-Кавказский —"—	**" 4,1%**
АССР Н[емцев] Поволжья	**" 15%**
Саратовская область	**" 23%**
Куйбышевская —"—	**" 7,8%**
УССР	**" 1,9%»**

(Данные из материалов комиссии Яковлева).

Так в цифрах отразились катастрофические последствия раскулачивания и голода 1932—1933 годов[2]. В Казахстане численность жителей за этот же период, по данным только что процитированного документа, упала даже на 16%, поскольку его население стало жертвой насильственной коллективизации в самых варварских формах.

«СЧЕТЧИКИ ВИДЕЛИ ЗАЖИТОЧНУЮ, КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ, ПОЛНУЮ РАДОСТИ И ДОВОЛЬСТВА...»

В январе 1939 года состоялась новая перепись. Ее подготовка превратилась в огромную пропагандистскую кампанию, причем в масштабах просто фантастических. Если верить авторам журнала «Плановое хозяйство» (1939, № 6) Д. Бозину и Л. Дубровицкому, «**около 70 млн. человек слушали лекции, доклады и беседы о переписи**». В книге П. Г. Подъячих «Всесоюзная перепись населения 1939 г.», дважды издававшейся в 50-х годах, читаем: «**По неполным данным, только до 10 января собрания, лекции и беседы посетило около 100 млн. населения**». 100 миллионов — цифра, сопоставимая тогда по величине со всем взрослым населением страны!

Бозин и Дубровицкий писали: «**Не просмотр кинофильма «Великий счет» колхозники приезжали в районные центры целыми селениями**». Подъячих сообщает, в свою очередь: «**Рабочие многих предприятий в период переписи брали обязательства по повышению производительности труда и улучшению качества продукции**». Агитэскадрилья имени М. Горького направила самолеты с агитаторами во все союзные республики.

Каждый должен был знать о новой переписи. А в постановление Совнаркома СССР о переписи от 26 июля 1938 года был внесен грозный пункт: «**Граждан, уклоняющихся от дачи сведений или дающих заведомо неверные сведения — привлекать к судебной ответственности**».

Почти каждая публикация о новой переписи призывала помнить: «... **Враги народа проявили немало усердия, чтобы сорвать перепись населения 1937 года... Необходимо усилить бдительность во время подготовки к предстоящей переписи...**» (из статьи начальника ЦУНХУ Саутина «Великий счет» в «Правде»).

Впервые была поставлена задача в целом по стране учесть две категории населения — наличное и постоянное. «**...Это обеспечит контроль переписных данных, послужит гарантией того, что гражданин, не встретившийся со счетчиком в одном месте, будет переписан в другом**» (из той же статьи Саутина).

«**В точном учете населения счетчикам большую помощь окажут дополнительные документы — справка и контрольный бланк. Справка выдается временно проживающим и переписанным в поездах, на пароходах, на вокзалах и т. д. Она должна храниться до 15 февраля. Если счетчик в дни переписи встретит на своем участке человека, который по правилам должен быть переписан в числе наличного населения в другом месте, там, где он находился в ночь с 16 на 17 января, счетчик должен потребовать у него справку. Если такой справки не окажется, счетчик обязан записать этого человека на контрольный бланк. По окончании переписи эти бланки будут проверяться областными управлениями народнохозяйственного учета по месту предполагаемого прохождения переписи данным человеком**» (из статьи Бозина «Порядок проведения переписи» в «Правде»).

Как раз эти бланки и подвели предусмотрительных организаторов новой переписи. Подъячих в своей книге проговорился, что работа по проверке контрольных бланков закончилась только к исходу марта. Значит, до ее завершения просто нельзя было знать точную численность населения. Однако Сталин, не дожидаясь итогов, цифру 170 миллионов назвал уже 10 марта 1939 года, на XVIII съезде ВКП(б).

К сожалению, раньше этот аргумент был единственным в споре с теми, кто настаивал на правдивости переписи 1939 года. Теперь же сведения, приведенные Цаплиным, определенно подтверждают факт фальсификации. Оказывается, переписные листы были собраны только на 161,5 миллиона человек (без военнослужащих и заключенных). А 5,8 миллиона человек были переписаны «в особом порядке». Всего, значит, 167,3 миллиона. Официальный же итог, объявленный 2 июня 1939 года, был заметно больше: «**Население Союза ССР на 17 января 1939 года составляет по полным данным переписи, полученным Центральным Управлением Народнохозяйственного Учета,— 170.467.186 человек**».

Прирост населения по сравнению с 1926 годом был определен в 15,9% и объявлен «небывало быстрым». (Отмечу, что за те же 12 лет после первой всеобщей переписи населения России 1897 года его численность возросла почти на 22%).

Знать реальную численность населения на начало 1939 года сегодня необходимо прежде всего для расчета военных потерь. Опираться в этом на перепись 1937 года нельзя: за два года огромное число жизней унес «большой террор». Потому одна из актуальных задач демографов — очистить данные переписи 39-го от наростов фальсификации. Сделать это трудно. Но подходы к решению проблемы можно найти.

Какое-то число людей действительно могло быть по справедливости добавлено к 167,3 миллиона на основе контрольных бланков. Известно, что при переписи 1959 года, которую проводили методически сходно с переписью 1939-го, это было сделано в отношении 789 тысяч человек. Вряд ли до войны подвижность населения была выше, чем в конце пятидесятых (а именно с этим связано заполнение контрольных бланков). При таком допущении получаем цифру 168,1 миллиона, а опубликовано было — 170,5 миллиона. Поэтому очевидно, что **свыше двух миллионов** человек из официальных итогов переписи существовали только на бумаге.

А разве погоня за количеством не могла отразиться и на числе переписанных в обычном порядке? И нельзя не задаться, наконец, вопросом: а не было ли «мертвых душ» и среди заключенных?

---

[1] В январе 1930 г. ЦСУ было «органически» (как об этом писали) слито с Госпланом. Вскоре нелепость нововведения стала очевидной, и было образовано ЦУНХУ. Оставаясь учреждением при Госплане, оно не обладало самостоятельностью ЦСУ.

[2] Картину роста смертности вследствие голода можно уточнить и с помощью данных, опубликованных Цаплиным. В 1927—1931 годах в стране в среднем ежегодно регистрировалось 2,8 миллиона смертных случаев. А в 1933 году число только зарегистрированных смертей составило 5,7 миллиона. Из них 2,9 миллиона, то есть больше половины, пришлось на УССР. Писатель Ю. Щербак, говоря о самом страшном — людоедстве, пишет: «Почти в каждом селе оно было, судя по рассказам жителей. Люди теряли человеческий облик, буквально охотились друг за другом». В отчеты, безусловно, тогда попадали далеко не все смертные случаи. Но и без того ясно, что масштабы катастрофы ужасающи.

О некоторых приемах, которые применялись для подгонки под нужный результат, можно догадаться уже сейчас. В журнале «История СССР» (1989, № 2) В. И. Козлов справедливо заметил, что при большом числе заключенных, по публикациям переписи 1939 года, «в местах сосредоточения лагерей (например, в Магаданской области) данные о них не просматриваются». Видимо, многомиллионная армия переписанных «в особом порядке» была на бумаге перераспределена по тем территориям, где перепись 1937 года обнаружила падение численности населения. Ведь даже жителей Казахстана, по опубликованным итогам переписи 1939 года, стало якобы на один процент больше, чем в 1926 году. «Обнаружился» и немалый рост численности населения Украины...

Сталинское руководство на сей раз одобрило итоги переписи. Большая ложь «большого счета» позволила манипулировать общественным сознанием.

Журнал «Плановое хозяйство» (1939, № 6) писал: «**Показатели роста численности населения... являются замечательным подтверждением невиданного в мире подъема материального и культурного благосостояния страны**». Раз об этом не говорили сами показатели благосостояния, то помочь призваны были цифры переписи. В том же журнале утверждалось: «**В квартире каждого городского жителя, в избах колхозников счетчики видели зажиточную культурную жизнь, полную радости и довольства**».

И наконец, в теоретическом органе партии — журнале «Большевик» (1939, № 15—16) по итогам переписи провозглашалось: «**Законом социализма является непрерывный и все более быстрый рост населения**». Понадобится не одно десятилетие, чтобы избавиться от удушающего воздействия этой догмы.

Объявленные итоги переписи, правда, были все-таки маловаты по сравнению с сообщавшимися прежде статистическими данными. Но и этому нашлось объяснение. Саутин писал: «**Враги народа, пробравшиеся к руководству Центральным управлением народнохозяйственного учета, злостно запутывали текущий учет населения. Ежегодно, начиная с 1927 года, ЦУНХУ вносило в цифры о движении населения необоснованные «поправки», ведшие к преувеличению темпов его роста**».

Перепись тридцать девятого не обманула ожиданий высшего руководства страны. 26 июля 1939 года, несмотря на то, что еще предстояла большая счетная работа, был издан Указ о награждениях.

Владимир Никоноаич Старовский, награжденный орденом Ленина, уже в ноябре 1939 года был назначен заместителем начальника, а менее чем через год оказался во главе ЦУНХУ. Пост руководителя статистики страны он сохранит за собой в течение трех с половиной десятилетий — до 1975 года. Был награжден медалью и П. Г. Подъячих, ему Старовский доверит переписи населения в послевоенные годы.

Разве эти люди были заинтересованы в раскрытии тайн статистики тридцатых? Если снять клеймо «дефектности» с результатов переписи тридцать седьмого и обнародовать их, то сразу станет ясно: канонические цифры переписи 1939 года — фальсификация. И тогда рухнет тщательно культивируемое мнение: «Перепись 1939 г.— высокое достижение статистической науки и практики».

Так возник непреодолимый барьер на пути к реабилитации переписи 1937 года: существовала весьма влиятельная в статистике группа людей, лично заинтересованных в сокрытии ее результатов. Эпоха сменилась, но они продолжали лгать.

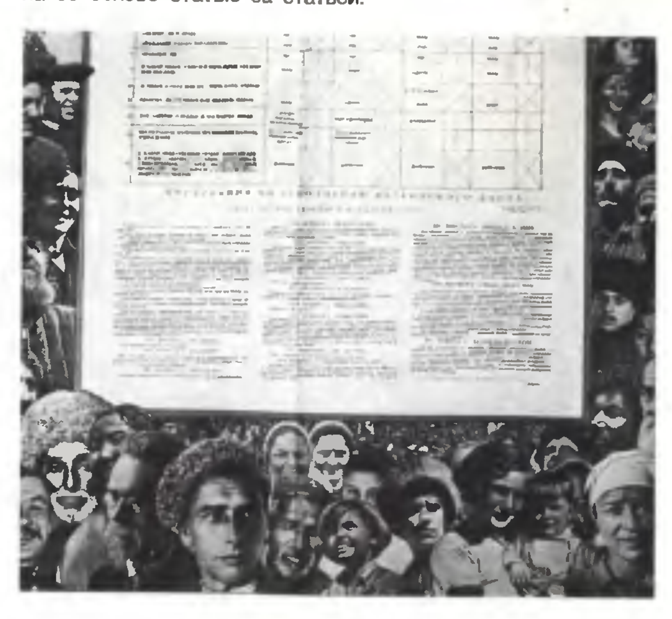
Через 17 лет «по просьбе ряда читателей» в журнале «Вестник статистики» (1956, № 6) появилось сообщение: «**Наличное население Союза ССР на 17 января 1939 г. составляет по окончательным данным переписи 170557093 человека**». На этот раз Старовский и К° пустили в оборот еще большую цифру.

Напрасно Курман после XXII съезда партии обращался к Старовскому с просьбой о реабилитации результатов переписи 1937 года. Владимир Никонович лично позаботился о том, чтобы скрыть их. А в «Вестнике статистики» (1964, № 11) заявил, что «на самом деле к началу 1937 г. население СССР составило даже с учетом поправок на неточность переписи лишь 164 млн. чел.». В действительности это всего лишь цифра, «увязанная» с итогами переписи 1939 года. Позднее, в 1975 году, в статистическом сборнике «Население СССР» этот показатель «расшифруют» — 163 772 тысячи человек. К сожалению, потом многие станут принимать его за подлинный результат переписи тридцать седьмого.

До каких пор репрессированной переписи лежать за семью печатями? Давайте, наконец, потребуем снять ограничительные грифы со всей статистики тридцатых годов! Погребенная в архивах, она постепенно обрастает мифами и вымыслами.

В изданных справочниках ЦУНХУ публиковали завышенные показатели численности населения. Так, на начало 1933 года дается цифра — 165,7 миллиона человек. К сожалению, эта цифра до сих пор нередко воспринимается некритически. Например, Р. А. Медведев, говоря о последствиях голода 1932—1933 годов («Знамя», 1989, № 2), сопоставляет именно ее с официальными данными переписи 1939 года. Иногда эти 165,7 миллиона сравнивают с оценкой известного советского демографа Б. Ц. Урланиса[1] на 1 апреля 1933 года в 158 миллионов и таким, тоже неверным путем пытаются дать представление о масштабах снижения численности населения в стране в результате голода. Именно так поступил В. В. Кожинов в статье «Правда и истина», напечатанной в журнале «Наш современник» (1988, № 4). А совсем недавно эту несложную операцию повторил И. Е. Зеленин («История СССР», 1989, № 2).

В 1980 году в Нью-Йорке была напечатана книга А. Антонова-Овсеенко «Портрет тирана». Там можно почерпнуть еще один мифический итог переписи 1937 года — 156 миллионов. Мне искренне жаль американского коллегу С. Розфилда, который, доверившись этой цифре, долгое время публиковал на ее основе статью за статьей.

Летом этого года Антонов-Овсеенко в журнале «Смена» (1989, № 11) повторил свою версию относительно переписи. Читатели журнала (тираж которого 2,5 миллиона!) могли узнать не только о 156 миллионах. Статья просто полна нелепых ошибок: неправильно названа известная численность населения по переписи 1926 года — 148,8 вместо 147,0 миллиона, имя Квиткина перепутано с отчеством и т. п. Одновременно в киевском журнале «Философская и социологическая мысль» (1989, № 6) появился такой «итог» переписи 1937 года — 168, 5 миллиона.

До каких же пор легенды будут подменять истину?

Редакция благодарит Центральный государственный архив кинофотодокументов СССР и Музей статистики Госкомстата СССР за помощь в подготовке материала. В публикации использованы фотографии из личных архивов Е. М. Ворониной и В. Н. Максимовой.

---

[1] Конечно, Урланису в семидесятые годы было трудно говорить открыто о голоде. Но он все-таки сделал оценку его масштабов, которую «зашифровал» в книге «Проблемы динамики населения СССР», вышедшей в 1974 году. В ней он привел цифру населения на 1 апреля 1933 года — 158 миллионов. Причем, по расчетам, если бы смертность и рождаемость сохранились неизменными на уровне середины двадцатых годов, население достигло бы к январю 1933-го 167,7 миллиона. По мнению Урланиса, «отклонение расчетных данных от действительности составляло примерно 7 млн. человек». Значит, он оценивал численность населения СССР на 1 января 1933 года примерно в 160,7 миллиона, то есть на пять миллионов меньше пресловутой цифры 165,7, которая все еще в ходу. Отсюда видно и то, какой считал Урланис величину падения численности населения в разгар голода. Разница между его «январской» и «апрельской» оценками составляет 2,7 миллиона человек.

Жители окрестных сел и деревень считают Затишье обиталищем черных колдунов, которые раньше собирались по ночам у старого корявого дуба, что стоял на месте березок. И никто не возмутился, когда ветвистый великан, единственный потомок когда-то бушевавших здесь дубовых лесов, повалился под безжалостным топором предприимчивого колхозника Виктора Кузолики.

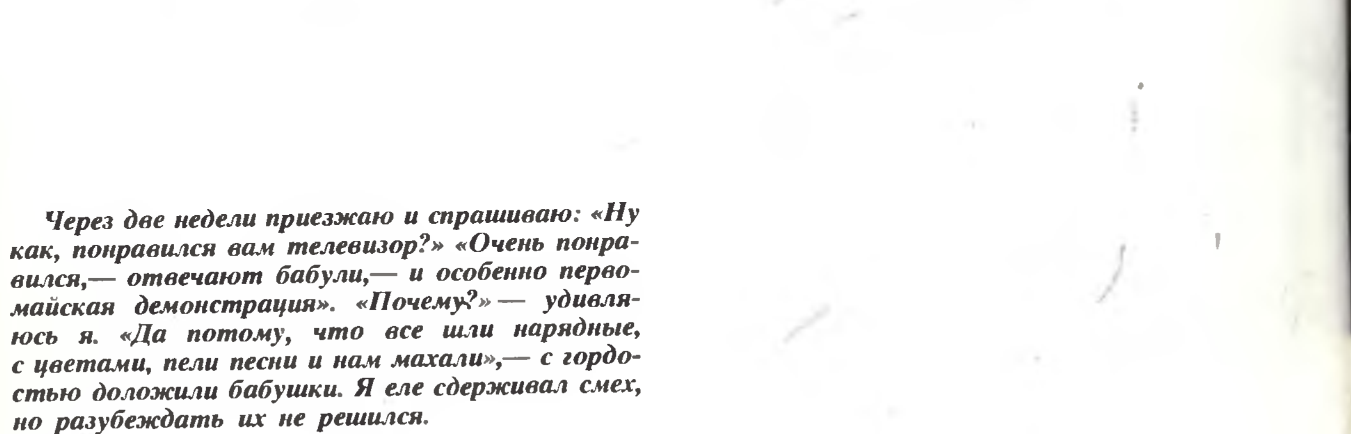
«Бабушки, а не купить ли вам телевизор,— предложил я им однажды,— будет веселее».

Бабушка Фрося сразу откликнулась: «Мне этот сатана не нужен»,— сказала она сердито. А бабушка Клава задумалась и промолчала. Ее я и стал уговаривать, рассказывая, что по телевизору можно увидеть фильмы про старину и даже как венчали в церквах. Последнее очень подействовало, и она тихо спросила: «Сколько стоит самый дешевый аппарат?» Решили так: Купить телевизор за двести рублей, а бабушке Фросе сказать, что стоит двадцать.

И вот, наладив новый «Рекорд-340» и показав бабушкам, как он включается в сеть, я оставил их наедине с голубым экраном.

Через две недели приезжаю и спрашиваю: «Ну как, понравился вам телевизор?» «Очень понравился,— отвечают бабули,— и особенно первомайская демонстрация». «Почему?» — удивляюсь я. «Да потому, что все шли нарядные, с цветами, пели песни и нам махали»,— с гордостью доложили бабушки. Я еле сдерживал смех, но разубеждать их не решился.

Не правда ли, что-то колдовское появлялось и в облике бабушки Фроси, когда она, распустив густые пепельные волосы, причесывалась старинным деревянным гребнем?

Только грустно вспоминать, что причесывалась бабушка той весной последний раз. Последний раз она готовилась к своему празднику — светлой Пасхе.

Еще с вечера бабушки зажигали тонкие восковые свечи и разноцветные лампады перед иконами. До глубокой ночи они молились и пели церковные песни, а потом венчиком из трав окропляли святой водой кулич и выложенный красивой пирамидой ванильный творог. Рано утром, благословив друг друга крестом, бабушки стали разговляться, пробуя теперь уже освященную еду.

Доживут ли колхозы до 2000 года?

Двадцать минут от Бреста, пять километров до грузовой таможни на границе с Польшей и остальной Европой. Остров трудолюбия и спокойствия в бушующем море народных фронтов, национальных и националистических движений, забастовок, массовых экологических протестов. Свои консервы, клубника ягодка к ягодке, в чистых стеклянных банках, в таких же — светлые огурчики, что на вилку по пять штук, антоновка, налитая, как добрый поросенок, натуральный кумыс собственной выделки, скаковая конюшня, картинг, гоночные автомобили, чистенькая церковь, коттеджи тридцати стилей на двух уровнях, деревянные скульптуры, кучно и россыпью на улицах Остромечево,— фантастические образы белорусских сказок, рукодельная люстра-гигант под потолком Дома животноводов.

Все это колхоз-комбинат «Память Ильича».

За эту люстру председатель Алексей Скакун поплатился месячным окладом: явился народный контроль из Бреста. Из города по-прежнему лучше видать, как жить колхознику, что ему делать в промежутках между раздачей кормов крупному рогатому скоту. Не менее 30 разнообразных контор, находящихся невдалеке от колхоза, сегодня располагают бесспорным правом вмешиваться в дела хозяйства, не являющегося, если верить закону, государственной организацией.

Впрочем, цену нашему законодательству мы знаем.

Алексей Скакун горюет, что ему частенько выкручивают руки за предприимчивость, но не обижается. Привычка — *первая* натура. Так давно повелось у нас — чем больше человек берет на себя, тем больше у него неприятностей. Народ мы такой, что ли, не любим, когда другие высовываются? Не наша ли это скороговорка — «господи Иисусе, вперед не суйся, сзади не оставайся, в середке не мешайся»?

Невиданное жилищное строительство в колхозе приводит в восторг гостей, отечественных и зарубежных, и вызывает острое неудовольствие у соседа — знаменитого белорусского председателя В. Бедули. В чем суть претензий? Много денег тратят, набрали кредитов в банке (20 миллионов рублей).

Два года прошло после выступления Бедули на пленуме Брестского обкома партии, но Алексей все еще держит газету на столе под руками, как только что доставленную, приезжим показывает, если разговор становится неофициальным, словно у них пытается узнать и понять, чем это он провинился.

Гости недоумевают: только что видели чудо-поселок, но имя Бедули авторитетно для многих.

Кто как пытается гадать, а чаще всего гадание сводится к обычному, житейскому: «Перешел ты где-то дорогу, Алексей Степанович...»

От таких слов мало утешения, а понимания и того меньше. И тогда забирает Скакун номер газеты, осторожно складывает, чтобы не повредить уже пожелтевшие сгибы, тяжело вздыхает, но тут же накатывается волна дел, звонков, стуков в дверь кабинета с просительным: «только на минутку...», гудков за окнами; а ему мчаться сразу в пять мест, а ждут его еще в двадцати, и по дороге надо обязательно заскочить на животноводческий комплекс, есть разговор на вокзале в Бресте, в облисполкоме, приезжает польская делегация, а следом казахстанская...

Скакун везде успевает — редкий случай соответствия манеры жизни и фамилии. Впрочем, это Белоруссия, где по деревням еще живы первородные фамилии, которые давались за поведение и внешний вид, за поступки и характер — Бегуны, Молчуны, Скакуны, Бедули. Не успевает Скакун только в дому своем, чаще приезжает в полночь, когда сил остается только на пару телефонных звонков, а с зорькой опять начинается круговерть.

Экономист со степенью кандидата, Скакун понимает, что 18 часов в сутки на ногах — это не дело, его дело думать, как расставить специалистов, а не подменять их. Завидует знаменитому ставропольцу В. Постникову, который сумел заставить себя уходить с работы ровно в 18. У него, Скакуна, никак не получается.

Знает ли об этом Бедуля — патриарх белорусских председателей? Или вправду присосался колхоз Скакуна к государственным финансам — 20 тысяч таких хозяйств сегодня в стране, живущих за чужой счет? 20 миллионов взято Скакуном из банка — по стоимости половина всего нынешнего имущества колхоза.

Взято в долг — но нет задолженности. Скакун ученый наученный. Он знает природу и роль кредита, знает, что вся мировая экономика держится на кредитах. Да, к кредитам, ссудам охочи наши хозяйственники (все равно спишут!). Только такие кредиты чаще идут на проедание, а если это зарубежный кредит, то и на процентную кабалу (туда, в частности, нас зовет экономист Н. Шмелев). А за рубежом кредиты стараются использовать для развития науки, производства, собственно — финансируют будущее.

Такие кредиты берет Скакун в банке. И возвращает что положено и когда положено.

Долг есть, задолженности нет.

Скакун и Бедуля — соседи, одним делом заняты. Сегодня в стране пустые прилавки оттого, что многие другие с этим делом не справляются. Но Бедуля по копейкам собирал нынешнее состояние колхоза, и все до копейки стремился вкладывать в производство, в землю, в коров, и ради этого, ради хлеба и привесов, ради обязательств, которые из него выжимали обстоятельства, откладывал на потом многие заботы колхозных людей, и себя не щадил: работа — до пота, до кровавых мозолей. Молодой председатель из другой эпохи взялся за жилье, да так, как ни один брестский колхоз не строил, да все по новомодным проектам. Раньше-то как было: не течет крыша над головой — и то радость, сухо в хате.

Семь лет назад объединил Скакун четыре мякинных колхоза — глядеть не на что было. Ради этого ушел из чиновных, с должности начальника местной райсельхозуправы. Жалеет ли о том сегодня, когда жмут на него район и область, и рвущийся к монополии агрокомбинат «Западный Буг»?

Об этом не рассказывает Скакун, но, как может, отстаивает свою самостоятельность. Наверное, он и сам был бы таким, останься в чинах управляющих. Человек придумал систему, а система придумала себе человека. И если Скакун ушел в председатели, то не из-за того ли, что отторгла его, моторного, способного брать ответственность на себя, районная административная диктатура.

Все отношения, от управления агропромом любого калибра до способа их материального снабжения, вышли, нет, не из гоголевской шинели, а из косоворотки комбедов. Легенда об общем одеяле не столько как символ вселенской справедливости, равенства и братства, сколько как первый раз перераспределенное и единственное чужое одеяло — символ социальной победы щукарей.

Такое у нас наследие — идеология порток на вырост, опорок с запасом, с ноской и передачей от старших к младшим, до тленья и просвета в местах сиденья и ползанья.

Это оттуда и по сию пору не только принцип снабжения, не только «господи Иисусе, вперед не суйся...», но и способ финансового обирания лучших колхозов в пользу неспособных и нежелающих. Это весь унаследованный строй сельской жизни, это конструкция гигантского комбеда, вобравшего в себя всю страну.

Раздевай и властвуй.

На другой стороне нашей части Европы вот также десятилетиями бьется и горюет горьковский председатель Михаил Вагин. Ему все еще не удается отстроить свою центральную усадьбу Сухоноску, как это удалось Скакуну со своим Остромечево. Но белорусский колхоз совершил прорыв не только по жилью, он мощно развил свои производительные силы, здесь редко что теряется и гибнет, а у Вагина лен уходит под

снег, потому что в районе убогая переработка. Вагин бы хотел купить льнозавод, а для этой цели создать акционерное общество «Хохлома», но секретарь райкома Лаврентий Воронов не одобряет...

Вагин из поколения Бедули, он тащит воз и не играет на банковских процентах. Но Вагин, как мало кто из своего поколения, впрочем, из поколения Скакуна тоже, понимает, что цель колхоза вовсе не в гектарах пахоты, надоях и привесах, а в получении прибыли. И в этом они одинаково современны — Вагин, которому за 60, и Скакун, которому чуть за 40. Так проявляют себя постепенно осознаваемые ценности рыночной экономики. Но кем? Вагин, Вепрев, Постников, Скакун... Кто еще?

Прибыль образуется при торговых операциях.

Сдача продукции государству прибыли не дает — это самообман. Весь агропром убыточный.

Прибыль дает переработка продуктов и их свободная продажа. Семья при зерновых себя не прокормит. Семья, выпекающая лепешки из чужой пшеницы, прокормит себя и семью при зерновых. На мясе доходы больше (загляните в шашлычную к добрым молодцам — «мы не сеем, мы не пашем...»). Финансовый ресурс, созданный деревней в виде сырых продуктов, перехватывается перекупщиками, кооператорами общепита и даже в таком сыром виде расходится с двойной наценкой в мясных отделах. А государство, вместо того, чтобы дать возможность колхознику самому продавать то же мясо и получать прибыли за счет разумного возвышения его стоимости после переработки, почему-то предпочитает давать селу субсидии в виде голых, не обеспеченных материальными ресурсами денег. Да такие субсидии, что портки госбюджета спадают.

Раздевай и властвуй?

Семь лет назад, выводя уравнение своей экономической идеи, Скакун через дефиску написал «колхоз-комбинат». Но колхоз — это эфемерное отношение к собственности, а комбинат — это отношение к прибыли, это существование ради прибыли. Так скромная дефиска соединила две экономики — одна бестоварная, придаточная, комбедовская, простуженная на ветрах Куропат, другая — объективно безразличная к тому, что производит, но совершенно не безразличная к тому, как производит.

Скакун дал команду обломать зрелую кукурузу, отвезти к брестскому вокзалу и сварить на виду у пассажиров. И оказалось, что пассажиры ужасно довольны, что полтинник за крутобедрый початок — это просто счастье для вечно обездоленного нашего путешественника, а колхозной казне прибыток. Так работает комбинатовское мышление — свой продукт — своя переработка, и, разумеется, свой прибыток. Колхозное мышление другое: «Лишь бы начальство не клевало, день прошел и ладно, вали кулем...»

Две экономики в одном уравнении, два принципа жизни, две разные человеческие ответственности. Вымирающая колхозная держава и комбинат — начала товарной экономики, первые признаки еще неизвестной у нас аграрной цивилизации. Разлом идет не только через дефиску, через людей. В гостях у Скакуна можно встретить начальников скромных районных контор, которые явно любят бывать здесь, но без стеснения в подобном случае поставят подножку новой экономике. Здесь бывают и те, кто понял — история сделала свой выбор в пользу комбинатов.

Колхоз «Память Ильича» не существует как экономическая организация. Существует комбинат «Память Ильича». Левая часть уравнения «колхоз-комбинат» столь же архаична, как соха.

Как материальная общность людей колхозы прекратили свое существование в тот самый момент, когда крестьянин выяснил, что его личный пай навеки обобществлен.

Как социальная общность колхозы прекратили свое существование в тот день, когда крестьянам было разрешено (!) получать паспорта и наличные деньги. Обзаведясь «всеобщим эквивалентом» и «всеобщим паспортом», крестьянин начал массами бежать с чужой ему земли.

Как политический символ колхозы продолжают существовать, вокруг них накаляются страсти: «Распустить колхозы — посягнуть на социализм!» Такое тоже можно часто сегодня услышать. «Распускать колхозы» — не навязывается ли тем самым еще одна игра с человеческими судьбами?

Доживут ли колхозы до 2000 года? Пусть они сами это решат. Реформа предлагает конкуренцию экономических форм.

Мария СОЛОВЬЕВА,
Брестская область

Виктор АКОВЕЦКИЙ,
доктор технических наук

Виктор КАЗАКОВ,
публицист

ПРЕСТИЖ ЧЕСТНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В. Казаков. Виктор Иванович, на первом Съезде народных депутатов экологическая тема получила особое звучание: и в докладах, и в выступлениях подчеркивалась крайне тревожная ситуация в стране. В печати все чаще стали появляться статьи на экологические темы...

В то же время нельзя не заметить, что касаются они региональных проблем (Байкал, Арал, Ладога, Волга). И очень мало публикуется информации, которая бы позволяла судить о состоянии природы в целом. Что за этим? Все еще играем в секретность? Вы, начальник Главного управления научно-технического прогресса и экологических нормативов Госкомприроды СССР, как бы ответили на эти вопросы?

В. Аковецкий. Дело в том, что профессионалы-экологи у нас, можно сказать, только сейчас стали появляться — с образованием Госкомприроды СССР и его научных подразделений. Так что в какой-то мере «секретность», о которой вы упомянули,— результат не чьих-то пропагандистских игр, а следствие печальной истины: об экологической ситуации в стране даже мы, специалисты, знаем еще далеко не всё. Сейчас стремимся как можно быстрее ликвидировать этот пробел, ибо без полной и правдивой информации ни о какой экологической программе — ни теоретической, ни тем более практической — не может быть и речи.

В. К. Не приведете ли несколько примеров из тех цифр и фактов, что удалось установить за последнее время?

В. А. Сейчас контролируется большое количество створов, через которые вода, использовавшаяся в промышленности или сельском хозяйстве, спускается в реки и озера. Так вот, в 40 процентах этих створов она загрязнена в 10 раз сильнее, чем допускается по предельным нормам. В результате вода в 70 процентах источников не соответствует санитарным и экологическим нормам, и превышения этих норм составляют от двух до пятидесяти раз. Высокие концентрации пестицидов обнаруживаются, в частности, в воде (а через нее и в почве) Молдавии, Узбекистана, Татарии, Тюменской, Омской, Читинской областей.

Чтобы использовать такую воду (для питья и технологических нужд), ее надо доочищать; чтобы удовлетворить потребность страны в чистой воде, надо строить специальные сооружения для защиты воды от загрязнения; наконец, надо строить новые системы водоснабжения. Уже сейчас ежегодно загрязнение воды нам обходится в 15 миллиардов рублей. Сюда же входят все возрастающие выплаты по больничным листам людям, чьи болезни были вызваны плохим качеством воды.

12 миллиардов рублей «стоит» государству загрязнение воздуха — я имею в виду опять же выплату по больничным листам, разрушение зданий, коррозию механизмов и так далее.

Многое предстоит улучшить в землепользовании. 180 миллионов гектаров пашни сейчас подвержены эрозии.

В. К. А всего пашни у нас немногим более 225 миллионов гектаров...

В. А. 64 миллиона гектаров пашни уже в значительной степени разрушены водой и ветром; 20 миллионов гектаров засолены, 68 миллионов гектаров имеют повышенную кислотность. Наши отечественные овраги, если их свести вместе, заняли бы площадь 2,7 миллиона гектаров, их нынешняя протяженность — миллион километров. К нему ежегодно добавляется около 26 тысяч километров.

Эрозия забирает до 16 миллиардов рублей в год.

В. К. До сих пор мы главным образом говорили о *затратах* на природоохранные дела: строительство очистных сооружений, сооружений дымоулавливателей, создание безотходных технологий и т. д., то есть борьба за здоровье окружающей среды рисовалась как дело нужное, но заведомо убыточное. Названные вами миллиарды убеждают в противоположном: небрежение к природе приводит к колоссальным убыткам — неизмеримо большим, чем те деньги, которые тратятся на охрану природы. Выходит, забота о природе — дело высокорентабельное.

В. А. Но есть, к сожалению, потери катастрофические, не поддающиеся денежному выражению: за последние 25 лет в СССР исчезли девять видов млекопитающих и птиц, свыше 10 видов сейчас насчитывают не более 300 особей.

В. К. И вы говорите, что еще мало знаете об экологической ситуации в стране! По-моему, рассказанного вами уже достаточно, чтобы мы наконец покончили с благодушием и взялись наводить порядок в доме, где живем... Впрочем, благодушествуют только министерства и ведомства — главные расхитители природных ресурсов и загрязнители природы, общественность давно уже бьет тревогу. Союз писателей, например, недавно провел пленум «Земля. экология. перестройка» — очень острый был разговор.

В. А. Спасибо писателям за поддержку... Нисколько не умаляя роли многочисленных экологических комиссий, обществ, хочу, однако, подчеркнуть: в нашем деле мало одного лишь желания спасти природу, мало одних эмоций, как бы пылки они ни были. Борьба за выживание на планете требует научной обоснованности, четкой программы, хорошо продуманной методики. Тут важны высококвалифицированные специалисты.

А начинаться все должно с информации. Нужно создавать информационный банк, который бы действительно давал возможность судить об экологическом состоянии не только отдельных регионов, а и страны в целом. Причем, поскольку речь идет о динамической системе, состояние природы переживает постоянные изменения,— подвижным, то есть постоянно пополняемым, должен быть и банк информации.

В. К. Такой банк, я знаю, создается Госкомгидрометом СССР, вашим Комитетом.

В. А. Мы сейчас формируем так называемую Единую информационную систему экологического контроля. Для этого совместными усилиями Госкомгидромета, Мингео, Академии наук, Главного управления геодезии и картографии и других заинтересованных министерств и ведомств по всей стране сейчас раскидывается сеть приемных пунктов. Нас будут интересовать данные об атмосфере, гидросфере, литосфере, биосфере, техносфере; земельные, лесные, рыбные и другие ресурсы; данные по изменению климата, хозяйственной деятельности, использовании природных ресурсов.

В. К. Как же будет использоваться информация Единой системы?

В. А. С приемных пунктов она автоматически станет передаваться в сеть Всесоюзного научно-исследовательского и информационного центра — ВНИИЦ «Экология» Госкомприроды СССР и в наши головные научно-исследовательские институты, каждый из которых изучает ту или иную область природы — атмосферу, гидросферу, биосферу, литосферу и так далее. Центр «Экология» вместе с институтами будет координировать экологические исследования в стране, разрабатывает нормы и правила охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, определит плату за ресурсы и штрафы за загрязнение.

В. К. Как в Единой системе будет использоваться космос?

В. А. Возможность работать в космосе, создание весьма совершенной съемочной аппаратуры не просто расширили наши возможности по сбору экологической информации, это позволило поднять работу на качественно новый уровень. Сейчас есть возможность получать из космоса при любой погоде экологическую информацию с любой территории страны.

Насколько это важно, поясню вот этим, например, снимком. На нем запечатлено Тенгизское месторождение нефти в Прикаспии. Специалист-дешифровщик сразу видит: нефть спрятана в зоне повышенной трещиноватости пород, этого нельзя не учитывать при бурении скважин — они не должны проходить вблизи трещин, иначе, случись неприятность с обсадной трубой, нефть по трещине вырвется на поверхность, возможен пожар.

В. К. Он и был на Тенгизском месторождении. Каждый день уносил миллион рублей, а тушили 400 дней. Выходит, не помогли ваши снимки нефтяникам.

В. А. Не помогли потому, что к нашим рекомендациям (тогда еще не было Госкомприроды, я работал в системе Академии наук СССР) никто в то время не прислушался. Как не прислушались при строительстве Астраханского газоконденсатного комплекса, Карачаганакского или Жанажольского прикаспийских нефтепромыслов. Там, между прочим, закамуфлировано много неприятностей, но это тема особого разговора. А сейчас я хочу еще раз обратить внимание на важнейшую особенность аэрокосмических снимков: они дают уникальную информацию о ландшафтах. На основе этой информации можно выбрать экологически безопасное место для крупной промышленной стройки, выбрать экологически безопасную трассу нефте- или газопровода, одним словом, дать научно обоснованные рекомендации по экологически безопасному крупномасштабному вмешательству в природу.

В. К. Виктор Иванович, рассказанное вами вселяет, конечно, гордость за наши успехи в аэрокосмических съемках. Но в космос съемочные аппараты забрасывают и другие страны, тоже осваивающие околоземные орбиты для природоохранных целей. Как мы выглядим на их фоне?

В. А. За рубежом созданы и функционируют тысячи (я не оговорился — тысячи!) экоинформационных систем. Это автоматизированные комплексы, базирующиеся на суше, морских платформах, самолетах и, конечно, в космосе. Созданы банки информации, которые позволяют держать под постоянным контролем состояние окружающей среды, разрабатывать и осуществлять программы «лечения» природы, создавать математические экологические модели, то есть прогнозировать природные явления, чтобы избежать грубых ошибок в природопользовании. Созданы международные экологические организации, работающие по общим программам. Программа по окружающей среде (так она называется) есть у Организации Объединенных Наций; в ее рамках создана Глобальная база данных о ресурсах — ГРИД. Центры базы сейчас расположены в Найроби, Бангкоке, Женеве, планируется открыть еще центры на территории США и Латинской Америки. Мы, к сожалению, пока не участвуем в работе по Программе ООН...

В целом надо признать, что в области экологии мы авангардной ролью похвастаться не можем. Этому, конечно, есть свои объяснения...

В. К. Одно из объяснений было недавно опубликовано в центральных газетах: «В СССР на природоохранные мероприятия отпускается всего 10 миллиардов рублей в год, тогда как в США — 80 миллиардов долларов». Соотношение, конечно, само по себе малоутешительное, но тут, как говорится, выше самих себя не прыгнешь, мало ли где американцы могут позволить себе тратить средств больше, чем мы. Трудно объяснить другое: почему эти 10 миллиардов рублей выделяются не природоохранному ведомству — Госкомприроде СССР, а министерствам? Есть ли надежда, что именно хозяйственники сейчас станут спасать природу? Да с какой стати? Выделенные им деньги они потратят в основном на штрафы... Да построят кое-какие природоохранные сооружения, но сделают это без большого старания. В «Аргументах и фактах» (№ 14, 1989) можно прочитать такую статистику: в 1988 году план строительства сооружений для очистки сточных вод был выполнен лишь на 59 процентов, систем оборотного водоснабжения — на 53 процента, установок для улавливания и обезвреживания вредных веществ из отходящих газов — на 66 процентов.

В. А. Это печально, но факт. Думаю, траты на охрану природы в стране в ближайшее время возрастут. Тут уж, как говорится, мы никуда не денемся. Да и как может быть иначе? Одно из важнейших направлений в работе по оздоровлению природы заключается, например, в создании экологически чистых технологий и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Вы представляете, что это значит? Сколько это потребует средств?

В. К. Виктор Иванович, думается, что, кроме финансовых трудностей, у Госкомприроды СССР есть еще и проблемы, связанные с недостаточно отлаженной организацией дела, в частности с несовершенством статуса этого Комитета. Поясню, что я имею в виду.

Создано ведомство, призванное охранять природу и наладить рациональное использование природных ресурсов. От кого охранять? В первую очередь от хозяйственников. Кого заставить рационально использовать? Опять же хозяйственников. Значит, Комитет должен занимать положение над экономическими ведомствами, его решения по экологическим вопросам должны быть обязательны для ведомств. Комитету как крайняя мера необходимо право вето — право запрещать крупномасштабные вмешательства в природу, если эти вмешательства по заключению специалистов-экологов принесут вред окружающей среде. Но ведь ничего этого у Комитета нет! Природоохранный Комитет сейчас — одно из многих подразделений исполнительной власти, его права уравнены с правами министерств. Что он может — без денег и без прав?

А может быть, надо подчинить Комитет не Совету Министров, а законодательной власти — Верховному Совету СССР?

В. А. Я согласен с вами в принципе: Госкомприрода СССР должна быть в непосредственном подчинении Верховного Совета СССР.

Юрий НАГИБИН:

«ОН ПРИНЯЛ МЕНЯ В БРАТСТВО БОЛИ»

— Юрий Маркович, вам посчастливилось близко знать Андрея Платонова. Традиционный вопрос: как, где вы познакомились?

— Андрей Платонов был дружен с моим отчимом писателем Рыкачевым и моей матерью. Ближе их и жившего в нашем же доме писателя Льва Гумилевского друзей у него не было. Поэтому он часто бывал у нас, нередко оставался ночевать, словом, был для нас родным человеком. По этой причине я о его жизни знаю многое. Он сын железнодорожника, сам работал в паровозных мастерских, страстно любил технику. И недаром паровоз в произведениях Платонова — одно из главных действующих «лиц». Достаточно вспомнить хотя бы великолепный рассказ «В прекрасном и яростном мире». А богатство жизненных впечатлений, которые он приобрел, когда работал инженером по электрификации и мелиоратором, послужили основой замечательных произведений «Епифанские шлюзы» и «Родина электричества»...

Как большинство наших да и зарубежных писателей, Платонов начал свой творческий путь с журналистики. Шесть лет он был корреспондентом в Воронеже, где для разных газет писал самые обычные заметки, статьи, информации. Но эта, казалось бы, рядовая репортерская работа сделала свое дело — Платонов оказался вовлеченным в жизнь, приучился жить интересами всей страны, всего народа, а не просто писать на отвлеченные, порой никому не нужные темы, привлекательные лишь для литераторов-затворников.

Благодаря журналистике он приобрел еще один, очень ценный для литератора навык: научился работать постоянно, профессионально, а не тогда, когда придет вдохновение.

Но если брать собственно литературную деятельность, то начинал Платонов как поэт. Правда, стихи из его первой книжки, как совершенно справедливо считал Пастернак, были довольно неуклюжи. Вторая книжка, «Епифанские шлюзы», которую он выпустил в 1927 году, состояла из стихов уже только наполовину — проза все более и более захватывала Платонова. И хотя для своих рассказов он иногда сочинял какие-то странные, дикие стихи, песни и даже частушки, было видно, что с поэзией он уже свел счеты. Что не мешало ему впоследствии написать замечательную статью о Пушкине, но сделал это он уже не как поэт, а как исследователь.

Жизнь Андрея Платонова была горестной. А все потому, что и в творчестве, и в быту он отличался предельной искренностью. Платонов не умел ни лгать, ни приспосабливаться, ни делать что-либо в угоду власти — такое было несвойственно и противно его чистому, благородному естеству. Он написал целый ряд вещей, в которых изобразил бедственное положение страны. И сделал это вовсе не для того, чтобы поглумиться над нищетой и разрухой, а для того, чтобы помочь найти выход из аварийного состояния, привлечь к решению назревших проблем весь народ. Иначе взглянул на усилия писателя Сталин. Когда в 1931 году в журнале «Красная Новь» вышла повесть Платонова «Впрок», где главный герой кочует по стране, пытаясь понять, что же все-таки происходит с коллективизацией, и картина у него, прямо скажем, получается отнюдь не радужная,— тогда же появился еще и рассказ «Усомнившийся Макар»,— Сталин разразился в адрес автора смачным: «Подонок!» И Фадееву пришлось выступить с очень жестокой статьей, обвиняя Платонова во всех смертных грехах.

Это сразу решило судьбу Платонова. Он оказался на положении изгоя. Более десяти лет его почти не печатали. Хотя здесь я должен оговориться: талант Платонова оказался настолько силен, что некоторые его вещи каким-то чудом все же пробивались к читателю. Так, в журнале «Литературный критик», где работали мужественные люди, были напечатаны два его рассказа. Помимо этого, у него вышла небольшая книжечка «Река Потудань». Но самое замечательное из всего, что он написал — роман «Чевенгур», повести «Котлован», «Ювенильное море» и «Джан»,— так при его жизни и не появилось. Такая же судьба постигла его пьесы, которые не были ни поставлены, ни напечатаны.

Война внесла в судьбу Платонова большие изменения. Он вдруг понадобился. Почему? До войны у нас повсюду звенели искусственные, механические соловьи, способные петь на любую заказанную мелодию. Но поднять людей на смертельный бой, достучаться до живого сердца, заставить работать душу им было не под силу. Для этого требовались настоящие соловьи, те самые, что поют в рощах, поют по ночам. Платонов стал корреспондентом «Красной Звезды». Собирая материал, он много ездил, встречался с бойцами и офицерами, писал свои замечательные военные рассказы о саперах, пехотинцах, краснофлотцах. Работал много и плодотворно. За время войны выпустил едва ли не больше, чем за всю свою предшествующую жизнь. Но когда кончилась война, все опять встало на свои места. Платонова начали потихоньку затирать, а потом и откровенно травить. Все, что он писал, подвергалось чудовищным разносам. Изумительный рассказ «Возвращение», который назывался еще «Семья Иванова», критик Ермилов счел злонамеренным искажением нашей прекрасной действительности. Когда же Платонов ради куска хлеба занялся обработкой русских народных сказок — а делал он это удивительно изящно, как настоящий художник,— то и в этом усмотрели клевету на русский народ и русскую культуру.

Тут добавилось еще одно несчастье... В 1937 году сына Платонова, Антона, арестовали и осудили по статье 58/10 — за «антисоветскую агитацию». Тогда это был красивый пятнадцатилетний мальчик, которого Платонов безумно любил. И вот он вернулся. Вернулся с тяжелой чахоткой. Михаил Шолохов содействовал его устройству в Москве, помог прописаться. Талантливый человек, Антон начал что-то сочинять, но был уже обречен. Похоронили его на Ваганьковском кладбище. С Тошкой я приятельствовал до самого его ареста. Несмотря на разницу в возрасте (я на два с половиной года старше), держались мы на равных. Тошка был рослый, стройный, по всем статьям — и физически, и душевно — старше своих лет. Для Платонова эта потеря была невосполнима, он очень горевал и ненамного пережил сына. Мы похоронили его в той же могиле, рядом с Тошкой.

Платонов — писатель, ни на кого не похожий. Долгое время вообще считалось, что в литературе у него нет не то чтобы учителя, но даже смутно угадываемого предшественника. Потому что он совершенно не знал периода ученичества. Я, конечно, вовсе не хочу сказать, что он сразу же вошел в необходимую литературную и творческую форму. Разумеется, нет! Та же «Родина электричества» значительно уступает его более поздним вещам. Но здесь я говорю о другом — о том, что он стал писать, как Платонов, с первых шагов. Он сразу обрел свой магический, ни с чем не сравнимый язык. Это настоящий коренной русский язык, но до Платонова мы его не знали. С первых же его работ определилась и его философия, заключающая в себе равное уважение и к венцу творения — хомо сапиенсу, и к любой живой твари. Это было его органическое мировосприятие. Жука он описывает с таким же уважением, что и человека. И с тою же нежностью: «Лицо жука было серьезно, задумчиво». Своеобразие его состоит в том, что самым обычным, привычным словам Платонов возвращал первозданную свежесть. У него никогда не найдешь замысловатых, закодированных речений, диалектизмов. Но сопряжение слов было необычное, и в результате он добивался какой-то гипнотической интонации. Платонов никогда не покорялся вольному полету пера. Поэтому он в высшей мере осуществил то, о чем с такой серьезностью говорил Пушкин, а именно, что проза требует мысли, мысли и еще раз мысли. О чем бы ни писал Платонов, у него все время самым активным образом действует разум. Он никогда не описывает дерево как таковое, он думает о дереве! Бессмысленная красота описаний его не увлекает. Платонов не станет просто так живописать весну, хотя у него был огромный изобразительский дар. Он будет думать о весне — и пейзаж у него углубится, наполнится высшим смыслом, сольется с человеческим сердцем в какой-то важной тайне.

Платонов не отвлеченный, а очень социальный, к тому же злободневный писатель. Он всегда писал о том, что глубоко волновало его современников. Но при этом он обладал редким качеством, присущим только самым большим художникам: даром предвидения. Ленин в свое время предупреждал, что наш строй может погубить только бюрократизм. Но мало кто прислушался к этому предостережению с должным вниманием. А вот Платонов положил эту фразу в основу повести-памфлета «Город Градов», показав в ней, как губителен бюрократизм, как топятся в пустой болтовне, в никому не нужных бумагах живое дело революции, все наши лучшие завоевания. Проницательный, хорошо знавший жизнь Платонов видел то, что мы деликатно называем сейчас «культом личности», видел все это крововодство, которое царило при Сталине. Все это есть у него в повести «Котлован», когда ни с того ни с сего там начинают множиться трупы.

Но голос Платонова, заглушаемый на родине, порой был слышен вдали от нее. Как только был напечатан небольшой кусок повести «Джан», его сразу перевели на английский язык — мир всегда был жаден до всего настоящего. И вот что интересно: когда читаешь повесть Хемингуэя «Старик и море», за которую тот получил Нобелевскую премию, то видишь, что бой Сантьяго с гигантской рыбой — это, в сущности, не что иное, как бой главного героя «Джана» Чагатаева с орлами. Хемингуэй и сам прекрасно знал это. С присущей ему прямотой он признавался, что очень часто его привязывают совсем не к тем писателям, у которых он учился, к Стендалю, например, хотя Стендаля он быстро преодолел и одолел,— так, во всяком случае, казалось Хемингуэю. А вот то, что он многое взял у советского писателя Андрея Платонова, это почему-то никому неизвестно. Хемингуэй сказал об этом в своей Нобелевской речи.

А Платонова уже давно не было в живых.

Умирал он тяжело, долго, в непризнании и бедности. Шолохов и Фадеев помогали ему материально: Шолохов — потому что был влюблен в его прозу и личность, Фадеев — потому что чувствовал свою вину перед ним. Работать он не переставал до конца. Уже умирающий, в сущности, совсем без сил, он писал сатирическую пьесу о том, как американцы ищут Ноев ковчег на Арарате, преследуя отнюдь не познавательные цели.

— Чем лично вам дорог Платонов?

— Всем. Гением. Чистотой великой души. Громадным озаряющим умом. Тем, что, не заблуждаясь в природе человека, он все равно любил людей. Добротой, идущей от огромности сердца, от ясного понимания слабости и хрупкости всего этого мира. Своим мужеством... На всю жизнь остался в памяти страшный день 16 декабря 1941 года, когда толпы москвичей устремились к шоссе Энтузиастов и Казанскому вокзалу — многим показалось, что немцев уже не удержать. И вот в самый разгар этой невообразимой паники, которую сейчас называют прекрасно организованной эвакуацией, к нам зашел Андрей Платонович. Он был совершенно спокоен. Испуганная мама бросилась к нему со словами:

«Андрей Платонович, что же будет?»

Он посмотрел так удивленно:

«А что?.. Россия победит».

«Но как?! — воскликнула мама.— Немцы уже в предместьях Москвы!»

Платонов пожал плечами:

«Как? Я не знаю, как. Пузом!»

Помню, мы все рассмеялись, но его уверенность передалась нам, мы сразу же поверили в победу, и смятение ушло.

А вот другой эпизод из послевоенного времени.

Я столкнулся с Андреем Платоновичем на автобусной остановке возле Никитских ворот:

«Вы куда?»

Он улыбнулся странной застенчивой улыбкой, она относилась не ко мне, а к чему-то внутри него.

«К сыну. На кладбище».

«Можно я с вами?»

Серебристые глаза потеплели и вдруг озаботились.

«У меня только одна четвертинка».

«Я возьму».

А на кладбище он сказал:

«Нате мою, а я буду из вашей».

Он принял меня в братство боли.

«За Тошу»,— сказал он и улыбнулся, и такое у него стало лицо, что и сейчас, по прошествии стольких лет, слезы текут по моей старой морде. Ни слова больше о покойном сказано не было. Мы долго и хорошо молчали о нем.

— Юрий Маркович, признаюсь вам, меня всегда поражало лицо Платонова. Увидев впервые его фотографию, мне вспомнилось то, что говорили про Чюрлениса современники: когда он входил в комнату, в ней становилось светлее. Становилось ли светлее там, куда входил Платонов?

— Я бы не сказал, что светлее. Потому что человек он был довольно грустный. Становилось не светлее, а значительнее. С его появлением обыденность отступала, и ты начинал жить на совершенно ином уровне. Ты начинал всей своей сутью ощущать напряжение жизни, как будто вместе с Платоновым в комнату входило что-то мировое, хотя говорил он обо всем очень просто. Что касается его внешности, то и впрямь она у него была замечательной! Нижняя часть лица казалась маловатой из-за могучего свода черепа — редко встретишь столь высокое чело. Если Платонов хмурился, лицо у него становилось колючее, он казался неприступным. Но стоило его печальным серебристым глазам засветиться улыбкой, как все сосредоточенное лицо озарялось такой добротой, что ты влюблялся в него на всю жизнь.

В хорошей статье Евтушенко («Советская культура») Платонов назван «низкорослым». Так, конечно, жалостливее. Но Андрей Платонович был очень высокого роста, а худоба делала его еще выше. Стиль Дон Кихота, но никак не Башмачкина. Когда в Коктебеле все выбирались на пляж, он страшно стыдился своей худобы и не любил, чтобы на него глазели. И разговора на эту тему не выносил.

Да, замечательная была у него внешность: исполненный достоинства рыцарь, благородно костлявый и несгибаемо прямой. По современным эстетическим меркам, устремленным к легкости, изяществу и простоте, он был физически совершенным.

Вообще находиться рядом с Платоновым было настоящее счастье, потому что он был человеком не только богатейшей духовной культуры, но и необыкновенной, широчайшей образованности. С ним всегда было гипнотически интересно. Он прекрасно знал все, что делается в мире литературы, в мире искусства, в мире точных наук. Неудивительно, что он все знал про паровозы да и про технику вообще, но он был «у себя дома», когда речь заходила о фрейдизме, о разных космогонических теориях или о нашумевшей книге Шпенглера «Закат Европы». Помню его спор с моим отчимом о знаменитом и несчастном Вейнингере, пришедшем к самоубийству теоретическим путем. Я слушал его с открытым ртом... В области литературы у него тоже не было белых пятен. Он чувствовал себя одинаково легко в мире Луция Аннея Сенеки и Федора Достоевского, в мире Вольтера и Пушкина, в мире Ларошфуко и Стендаля, Вергилия и Лоренса Стерна, Грина и Хемингуэя. Его нельзя было обескуражить каким-то именем или теорией, новым учением или модным течением в живописи. Он знал все на свете! И все это, как у большинства настоящих людей, было золотыми плодами самообразования.

Единственное, о чем он всегда очень сожалел, так это о том, что не знал иностранных языков и не мог читать любимые книги в подлиннике.

Но несмотря на свою необычайную образованность, Платонов был человеком неразговорчивым. И основная причина этого заключалась как раз в том, что интеллектуально он был намного выше своего окружения. Заниматься же беспредметными, пустыми разговорами, попросту говоря, трепаться, было ему вовсе неинтересно. «Светских бесед» он всячески избегал. Но если уж его вынуждали к разговору, а такое бывало, то он всегда разговаривал очень серьезно, искренне, непременно вглубь. И при этом старался быть как можно немногословнее. Но иногда — и я был этому свидетелем — его доканывала тупость окружающих, их мелкость, настырность, безудержный эгоизм, и тогда он взрывался, говорил жестокие и совсем не свойственные ему слова. Помню, как-то раз его допек Леонид Соловьев, хороший писатель, да и человек славный, но он все время приставал к Андрею Платоновичу, пытаясь убедить того, что и сам он пишет не хуже, если не лучше Платонова, и с увлечением объяснял — почему. Этот натиск стал настолько невыносим, что ангельское терпение Платонова лопнуло, он воскликнул: «Давайте условимся раз и навсегда: «вы пишете лучше. Лучше. Но только чернилами. А я пишу кровью».

Такое случалось редко — он не любил обижать людей. Даже тогда, когда его к этому вынуждали. Если же он бывал резок, то это причиняло ему гораздо большую боль, чем собеседнику. Но, повторяю, он крайне редко выходил из себя.

Он никогда не говорил о своих литературных, тем более издательских делах, точно их и не существовало. Говорить об этом значило бы жаловаться, а этого Платонов себе не позволял. Внутренняя стыдливость, врожденное благородство и деликатность мешали ему делиться своим горем даже с самыми близкими людьми. Впрочем, бывали исключения. Помню, он рассказывал, как однажды ему вернули из «Нового мира» его рассказы. Во главе журнала стоял тогда Твардовский, это было его первое пребывание на посту главного редактора лучшего «толстого» журнала. Александр Трифонович ставил Платонова очень высоко, считая лучшим советским прозаиком, он пытался отстоять его рассказы, но когда понял, что это безнадежно, пригласил Платонова к себе в кабинет, выставил бутылку коньяка. Они молча выпили под лимончик в сахарной пудре, после чего Александр Трифонович так же молча отдал Платонову его рукопись. Андрею Платоновичу очень понравился и обряд литературных похорон, и мужское, честное поведение Твардовского.

Мне вспоминается один разговор между моим отчимом и Платоновым. Перед этим Андрей Платонович дал ему прочесть «Котлован», разумеется, в рукописи. Отчим спросил, почему так настойчиво обыгрывается, что ноги обрубка Жвачева остались «в капитализме»?

«А где же? — фыркнул Платонов.— Так оно и выходит».

«Но звучит смешно и потому жестоко в отношении калеки».

«Да при чем тут калека? — удивился Платонов.— Это Россию все разорвать хотят: низ в капитализме, верх в социализме. Глупость какая. Все ее — при ней. Россия цельная, а капитализм, социализм...» — И он махнул рукой.

Так вот в чем дело! У Платонова было замечательное умение высмеивать глупость мнимо незыблемых официальных истин. В одной из его неопубликованных пьес появляется датский капиталист — Стервентсен, который приехал в Советский Союз, чтобы выторговать у нас надстройку — уж больно хороша она тут! В Дании же базис, что надо, а вот с надстройкой туго, и посему Стервентсен готов заплатить за нее кругленькую сумму. Он покупает надстройку, этот философский эфемер, как покупают дом, дрова, скотину... Ложь двубытности России, полной разорванности настоящего и прошлого беспощадно обнажена в жутком образе физического разделения туловища калеки между капитализмом и социализмом.

— Юрий Маркович, вы сказали, что у Платонова в литературе не было никаких учителей. Возможно ли такое?

— Я разделяю ваше сомнение, что литератор, да и вообще любой человек может вырасти как личность, ни разу не испытав чьего бы то ни было положительного или отрицательного влияния. Живой человек — не гомункулус, он формируется средой. А в мире литературы взаимовлияния просто неизбежны. Но к Платонову не приложимы обычные мерки. Как не приложимы они к Толстому и Чехову, Джойсу и Кафке, Прусту и Достоевскому. Ну, разве можно всерьез говорить об ученичестве Достоевского? Конечно, нет, хотя сам он и любил повторять, что его можно вывести из Гоголя. Тем не менее Достоевский целиком самостоятельный художник. Если же самым тщательным образом сопоставить прозу Платонова с произведениями наиболее крупных отечественных или зарубежных прозаиков, другими словами, с теми, у кого только и можно учиться, то окажется, что Платонов вообще ниоткуда, что он — сам по себе, он своя, неповторимая и ни на какую другую не похожая Вселенная.

Но в ту пору едва ли кто знал настоящую цену Платонову. Даже Горький, который был превосходным читателем, не до конца понимал Платонова. Горькому казалось, что Платонов ломается, он не ощущал органичности его языка. И философия Платонова его раздражала. Он чувствовал платоновский талант, но масштабов его не представлял. Андрей Платонович не обижался и нежно, преданно любил Горького.

— Как вы полагаете, кто из нынешних писателей продолжает традиции Платонова?

— Продолжает? Скорей, подражает... Я и сам долго ему подражал, вернее, пытался подражать. Целый период моей литературной учебы состоял в том, что отчим вытравлял Платонова из моих фраз. Андрей Платонович знал об этой борьбе и был целиком на стороне отчима. Когда один ленинградский литератор в рецензии на мой сборник написал: «Нагибин, как и его учитель А. Платонов, наивно полагает силу литературы в слове», он даже не улыбнувшись великолепию этой формулировки, сказал с досадой: «Какой я учитель! У меня учиться нельзя. Как стал на меня похож, так и сгинул». Я вовремя оценил этот совет.

Есть писатели, среди них один известный поэт, пишущий прозу, которые, узнав Платонова сравнительно поздно, влюбились в его слово и начали работать под него. Некоторые добились столь виртуозного умения подделываться под Платонова, что иной раз их упражнения можно принять за нечто неопубликованное из Платонова. Конечно, как и всякое прямое подражание, как эпигонство, это ничего не стоит, ибо за наворотом слов «под Платонова» нет его мысли и чувства. Ну а если говорить о глубинном воздействии платоновской прозы, то, надо думать, его испытывают в той или иной мере все наши лучшие прозаики. Я имею в виду людей моего поколения и моложе.

— Несмотря на трагическую судьбу, тяжелую жизнь, в произведениях Платонова очень много света. Чем, по-вашему, это можно объяснить? Тем, что автор был оптимистом?

— Я не очень хорошо понимаю, что это такое: оптимизм. Вера в разумность сущего вопреки всему? Так ведь это может быть и от высокого ума, и от непроходимой дурости, и от эгоистического желания оберечь свое хорошее настроение. Платонов был бесконечно умным и бесконечно печальным человеком. Для печали у него было более чем достаточно оснований. Но свои несчастья и боли он не впускал в литературу. В этом смысле он был похож на Чехова, в рассказах которого сам автор не присутствует. Там, где Платонов пишет от первого лица, у него, как и у Чехова, это «я» условно, оно не совпадает с автором. Не то что у Бунина или Катаева — писателей очень личных. Платоновский герой может совпадать с автором чисто внешне — по профессии, по житейским обстоятельствам,— но Платонов не станет наделять его собственными переживаниями. Известно, как любил Платонов свою жену, но тщетно искать ее среди героинь его рассказов и повестей. И горестная судьба его сына не стала предметом литературы. На трагические события жизни автора нигде нет и намека. Садясь к столу, он освобождал душу от личных обид, неприятностей, мук, забот, неустроенности. В том, что он пишет, чувствуется тревога за все живое, глубинное ощущение трагизма бытия и бесконечная вера в одолевающее душевное могущество человека.

— Юрий Маркович, как вы считаете, не утрачивает ли литературное произведение своей социальной силы, если выходит в свет с большим опозданием, иногда полстолетия спустя со времени его создания?

— В том-то и беда, что под таким тяжеловесным пластом времени очень многое в литературном произведении меркнет, утрачивает свою полнозвучность. Книгу лучше всего могут оценить все-таки ее современники. Ведь пишется она в первую очередь именно для них. Чем дальше книга отступает от дня своего рождения, тем больше она «остывает». Это вполне естественно и закономерно. Было бы куда лучше, если бы произведения Платонова появились вовремя — ведь они обладали тем даром злободневности, который всегда был отличительной особенностью русской литературы. Злободневен был пушкинский «Евгений Онегин», злободневен был «Герой нашего времени» Лермонтова, злободневен весь Гоголь, Тургенев, Гончаров. Злободневен был роман «Анна Каренина» Толстого. Но если бы его напечатали через шестьдесят лет после создания, так бы страстно его читали? Думаю, что нет. Для современников он был «горяч, как сковородка», пользуясь образом известного поэта, но последующим поколениям уже не обжигал рук. И как бы ни аплодировали мы Шекспиру, современникам его пьесы говорили больше, чем нам. Когда произведение появляется с большим опозданием, оно редко завоевывает умы и души. Читать будут с интересом, удовольствием, но взрыва не произойдет. Поезд ушел. Это горько, но это так. Большинство литературных произведений приходит к нам на волне того успеха, который они имели у современников. Сравнительно недавно появилась замечательная повесть Платонова «Ювенильное море», но разве это стало всенародным событием? Нет. Ее прочли люди, нацеленные на литературу, а широкий читатель зачитывался «Фаворитом». Но получи мы «Ювенильное море» в том времени, которому оно было адресовано, картина была бы иной. Эту повесть знали бы не меньше, чем «Разгром», «Железный поток», «Поднятую целину» и другую советскую классику, тем более что художественно платоновское произведение неизмеримо выше.

Нет правил без исключений. «Мастер и Маргарита» Булгакова не прикован так к своему времени, как романы Платонова, он над временем и потому — на все времена. А Платонов писал о самых жгучих проблемах своих дней. Сейчас очень многое изменилось, и можно ли требовать от нынешнего читателя, особенно молодого, чтобы он сильно тревожился заботами двадцатых — тридцатых годов? Но, думаю, что «Чевенгур» с его провидческой остротой и художественной мощью и сейчас будет иметь большой резонанс, хотя популярности «Мастера и Маргариты» не приобретет.

И все же Платонов, хоть медленно, но неуклонно внедряется в наше время. Его читают все больше и больше, на него нацелилось кино. Это объясняется тем, что Платонов при всей своей злободневности работал с большим опережением. Будучи верен своему времени, он неизбежно обгонял его, ибо каждое явление жизни видел в перспективном развитии. И многое в его романах стыкуется с нашим днем.

Сейчас Платонова переводят на все языки мира, за рубежом о его творчестве пишут книги, защищают диссертации, в ГДР вышел двухтомник, многие его произведения печатают в Англии, Франции, Западной Германии... И я невольно вспоминаю январь 1951 года, когда мы хоронили Платонова на Ваганьковском кладбище и горестно думали, что все кончилось, что мы прощаемся с ним навсегда. Нет, ничего не кончилось — в тот скорбный январский холодный день начиналось его бессмертие.

Беседу вел Евгений ГИЛЬМАНОВ

ЛЮДИ И ВРЕМЯ: ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Уважаемый тов. Владимир Дмитриевич.

Считаем необходимым немедленно довести до вашего сведения о печальном случае, имевшем место в вверенном В/гараже «Автобазы Совнаркома».

Нами обнаружены нарукавные повязки в количестве семи штук с орлом (эмблемой самодержавия) на золотом фоне.

Прилагаем при сем один нарукавник для Вашего обозрения.

Мы находим возможным предполагать, что данные нарукавные повязки с царским орлом были припрятаны к приходу белых шофером автобазы, как сочувствующим белым.

Не откажите сообщить нам в срочном порядке о принятых Вами мерах по этому поводу.

Заместитель председтели ВЧК **Ксенофонтов**
29.12.19 **№ 27420**

В Президиум ВЧК

В свое время я получил от Вас письмо за № 27420, к которому был приложен лакейский обшлаг, который носили при старом режиме. Вы сообщаете, что этот обшлаг Вы нашли в Автобазе СНК и придаете этому, как я вижу, особое значение. С моей точки зрения этот обшлаг не имеет ни малейшего значения, несмотря на то, что на нем имеется двухглавый орел, который наверное особенно смутил автора этого письма. По наведенным мною справкам такие обшлага не так давно распродавались в Кремле в Хозяйственной Комиссии, как ненужная ветошь, ибо никому и в голову не приходило, что остатки от лакейских ливрей могут иметь какое-либо значение в контрреволюционном смысле. Что касается двухглавого орла, как вы пишете, этой эмблемы самодержавия, то я должен заметить, что двухглавых орлов еще много в России и Вы их можете видеть и на медных кушаках почти во всей Красной армии и на пуговицах шинелей и разных военных костюмов, которые донашивают в нашей Красной армии. Двухглавые орлы восседают на всех аптечных пузырьках во всех аптеках, двухглавые орлы украшают почти все почтовые марки, а также гербовые марки, точно также двухглавые орлы имеются на гербовых бумагах, напр., по оплате гербового сбора при больших суммах, и что самое главное, на всех деньгах, не только старого Николаевского режима, где красуются великолепные портреты когда-то царствующих императоров, не только на деньгах периода Керенского, но даже на самых последних Советских деньгах мы видим все тот же двухглавый орел. Совершенно ясно, что рисунки этих денег были изготовлены еще до октябрьского переворота. Пушки, пулеметы и многие другие так нужные нам орудия для истребления белых, украшены двухглавым орлом, а не Советским гербом, как бы этого хотелось. Наконец, если вы с Лубянской площади посмотрите по направлению Кремля, то увидите, что на всех воротах Кремля красуются двухглавые орлы, вместе с тем ни Кремль, ни Красная армия, ни аптеки, ни почтовые учреждения ни в коем случае не могут быть заподозрены в контрреволюционном направлении, ибо эти остатки былого, которые уже начинают порастать быльем, решительно никого не трогают и мимо них даже прохожие проходят совершенно равнодушно, ибо новый строй и новая жизнь рабочего класса, несмотря на все трудности, ярко заслоняет все эмблемы старой жизни, иногда лишь напоминая о том тяжелом, мрачном времени, которое мы все пережили и из которого такой тяжелой борьбой вырвались на новый, ясный свет. Вот почему я полагаю, что и эти обшлаги, найденные Вами в Автобазе СНК, которая ранее была придворной автобазой, решительно ни о чем не говорят, это просто старая забытая ветошь, которую можно продать татарину, а он в свою очередь может это обратить в какой-нибудь детский кушак или перешьет на какую-нибудь шапку или даст иное назначение.

Присланный Вами на образец один обшлаг возвращаю вместе с этой бумагой.

Упр. делами СНК **В. Д. Бонч-Бруевич**
26.01.20.

Публикация Михаила ОДИНЦОВА

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

РУСЬ СВЯТАЯ

Лев ЛЕБЕДЕВ, протоиерей

Патриотизм... Чем меньше его становится, тем больше о нем пишут и говорят. В русской древности о патриотизме не говорили, этим чувством жили, и оно проявляло себя с огромной силой во времена вражеских нашествий, смуты и иных общенародных бед. Патриотизм — это любовь к Родине. А что есть Родина? Что есть патриотизм? Любовы Но зта любовь должна включать представление не только о близких, друзьях и соплеменниках, но и о личных недругах, также об иноплеменниках, исконно живущих в пределах Родины. Ибо сказано: любите врагов ваших и благословляйте проклинающих вас, ибо все мы дети Господа.

Как правило, патриотизм сопряжен с национальным (родовым) инстинктом, с чувством привязанности ко всему ареалу земли, на котором распространен народ, с почитанием могил предков и святынь (например, храмов, мест, связанных с особо чтимыми людьми или событиями). Эти основные черты свойственны патриотизму почти всех народов, в том числе и русскому.

Что касается ареала земли, то здесь действует религиозное чувство, уходящее своими корнями в незапамятные времена, когда народ знал и чувствовал, что земли, занятые им (даже если на некоторых из них живут и другие племена),— это отнюдь не случайная географическая территория, это земли, данные народу Богом (или богами) и потому священные, святые. Не защищать их, не драться за них вплоть до пожертвования личной жизнью — значит совершать преступление перед Богом.

Однако у русского патриотизма были (и еще, слава Богу, не совсем исчезли) такие особенные черты, которые делают этот патриотизм уникальным духовно-психологическим явлением мировой истории. Начиная с Крещения Руси в 988 году, верующий православный русский народ увидел в своем земном Отечестве образ, икону Отечества Небесного, Горнвго мира, «Иерусалима нового» (Откр. 21, 1—2). Это видение или восприятие он запечатлел во многих архитектурно-строительных образах крупных городов, начиная с Киева, затем особенно в Москве, где сознательно создавались символы «Небесного града», как он описан в Откровении Иоанна Богослова. Такая святая земля обязательно должна была соответствовать и Святой Земле Палестины, где прошла земная жизнь Спасителя. Начиная с X века на Руси распространяются палестинские образы и символы как в храмо- и градостроительстве, так и в топонимике (не счесть на нашей земле Иорданов, Гефсиманий, Иерусалимских долин и т. п. в самых неожиданных, иногда глухих сельских местах).

Обе «линии» идейно-духовного восприятия Русской земли соединяются в сознании Патриарха Никона. Он догадывается (или получает о том особое откровение?), что историческая Палестина, точнее, ее святые места должны быть преломленным (в соответствии с пространственно-еременным образом бытия) отображением «обетованной земли» Царства Небесного, Горнего мира. В середине XVII века он создает подмосковную Палестину с центром в Ново-Иерусалимском монастыре: собором, построенным по образцу храма Гроба Господня в Иерусалиме историческом, он мыслится одновременно как образ, икона и земной Палестины, и Иерусалима нового, Царства Небесного. Тем самым народное сознание призывается через еещественный образ к созерцанию невещественной цели всего православного христианского жительства — Горнему миру вечной жизни с Богом. С другой стороны, великое творение Патриарха Никона в самом отчетливом, ярком и откровенном виде сеидетельствует об исконном восприятии русскими своего земного Отечества как образа «вожделенного Отечества» — Рая Небесного. Ни один христианский народ не имел такого восприятия своей земной Родины.

Для русских Родина — прежде всего святая Русь! Потому что здесь, во множестве храмов, посвященных Троице, Господу Иисусу Христу, Его Пречистой Матери, многим святым, в том числе русским святым, все они таинственно пребывают, живут. Русь — святая также потому, что в ней подвизаются в молитве многие святые люди, потому, что общественным идеалом для всех, от царя до нищего, является православная святость, в наибольшей мере проявляющаяся в образе жизни истинных монахов и юродивых Христа ради. Русь — святая потому, что после окончательного падения Византии в 1453 году она остается единственной в мире могучей православной державой, духовный смысл существования которой — в хранении Святого Православия. Русь является святой, ибо она сразу же и очень точно увидела в Богоматери Матерь каждого верующего и Матерь Церкви и назвала Ее так, как в семьях называют родную по крови мать — Матушкой. Кафедральные соборы всех столиц Руси — Богородичные.

С рождением Великороссии с центром в Москве Пресвятая Богородица — Матушка русского народа пребывает, живет для всей России в Успенском соборе Кремля. Для каждого верующего, в каждом городе и селе. Она пребывает и в сердце, и в любом храме, но для всей России — в Успенском соборе внутри Кремлевских стен. Этот собор в древности назывался «Соборной апостольской церковью» и «Домом Пресвятой Богородицы», хотя те же понятия имели и иной, широкий смысл — всей Церкви Православной, всей Русской земли. Тогда понятно, почему ради освобождения святыни — Московского Успенского собора нижегородец Косма Минин призывал, если нужно будет, продать жен и детей, продать и заложить все имения... В этом соборе — Дом (Жилище) Матушки всей Русской земли!

Сия вера — русская! Таков источник особого, русского патриотизма. И никогда, за исключением эксцессов, которые были именно исключениями, но не правилами, русский патриотизм не превращался в национализм и шовинизм! Очень верно говорил о Руси академик Д. С. Лихачев: «Не всякому народу досталась на долю такая способность подняться над узостью национализма в своем высоком патриотическом сознании».

Ныне русский патриотизм во многом поколеблен, «размят», изменен. Но именно поэтому нвлишне вспомнить, каким он был и каким, следовательно, должен вновь стать!

Суд в коммуне над нарушителями трудовой дисциплины.

Клавдия МАХОВА

ВСЕСИЛИЕ ДОБРОТЫ

Возвращаясь мыслью в прошлое, теперь уже очень далекое, я часто думаю: что же это была за жизнь? И что за люди были те, с которыми меня в юные годы свела судьба?

Нет, я совсем не хочу сказать, что позже да и в сегодняшнее время я не встречала людей добрых, даже замечательных. И все-таки... То, что сегодня вызывает вопросы, затруднения, тогда порою разрешалось, кажется, без труда. Так неужели это прошло, и только? А может быть, можно, вспоминая, размышляя, вернуть какую-то малую хотя бы часть того, неповторимого, и оно послужит дню сегодняшнему — тому, которому довлеет, как известно, злоба его?

...Поселок Бензолка — там, где сейчас на левом берегу Волги город Заволжск и Анилзавод. В училище я хожу в Бурнайку — поселок вокруг второго завода. В Бурнайке сохранились дворянские дома, и в одном из особнячков — наше женское училище.

Когда возвращаюсь домой, у крыльца меня ждут уже дети рабочих завода. Я работаю в заводском детском саду и хожу с ними в лес, рассказываю сказки. Тогда все мечтали стать инженерами, врачами, а потом — летчиками. Но меня тянуло только к детям.

...И вот я с мамой и сестрой Леной в родном селе Вишенки Суздальского уезда. Оно в семи верстах от уездного города. У меня бумага о том, что я работала практиканткой в заводском детском саду. Помню, что это май. Я прошусь у мамы в Суздаль (мы, конечно, ходим туда пешком) — поискать работу в детском саду.

Прихожу я со своей бумагой в наробраз. В комнате инспектора идет тяжелый разговор. Плачет женщина.

— Ну, чем я провинилась? Почему именно меня в коммуну отправляете? Я такое об этих коммунарах слышала... Не смогу я там.

— Это вы напрасно. Коммунары — это авангард республики, а вы бабьим сплетням верите.

Как же захотелось мне поехвть в коммуну и посмотреть на этих коммунаров! Особенно понравилось мне красивое, прежде мною не слыханное слово «авангард». Я любила все необыкновенное, неизведанное. Не помню уж, кто мне объяснил в тот же день, что авангард — это «передовой отряд». Раз «передовое» — значит замечательное, прекрасное! В этом я тогда не сомневалась.

— Пожалуйста, пошлите меня в коммуну! У меня год работы в детском саду! — Я протягивала заведующей наробраза справку, а она смотрела на мои косички. Мне было пятнадцать лет. Но выхода у нее не было. Коммуне нужен был воспитатель.

— Хорошо, завтра сама отвезу тебя. Давно туда собираюсь.

Коммуна была в семнадцати верстах от Суздаля.

Я поспешила обратно в Вишенки — рассказать маме.

— Что так долго, дочка?

— Дела были. Работу себе нашла, завтра утром уезжаю в Губачево — в коммуну,— ответила я с важным видом.

— В какую такую коммуну? Да ты что, шутишь?

— Зачем мне шутить? Я там руководительницей в детском саду буду. Там живет авангард.

— Кто, кто живет? Да разве не коммунары там?

— Коммунары — это и есть передовой авангард!

Я наслаждалась звучанием этих неясных, но прекрасных слов.

Утром, с петухами, когда в окошке только забрезжил рассвет, а мама и сестра Лена еще спали, я завернула в тряпочку кусок хлеба на дорогу и потихоньку вышла. Вещички, собранные с вечера, уместились в маленький плетеный сундучок.

Сосед, дядя Павел, шел навстречу.

— В Суздаль. Поеду в коммуну работать воспитательницей!

— Неужто и правда в коммуну? Так ты что, коммунаркой будешь?

— Коммунаркой, дядя Павел! Передовой авангард.

— Чего говоришь-то?

— Авангард, говорю, передовой.,— И пошла все быстрее, быстрее, оглянулась назад, а дядя Павел все стоял, все качал головой мне вслед.

Вот уж и село позади. Я шла лугом, блестела роса на траве. Чтоб не намокли туфли, я их сняла и, связав шнурками, перекинула через плечо. На другом плече на отцовском ремне позвякивал маленьким замочком мой сундучок. Счастье переполняло меня до краев. Я шла босиком по траве и пела.

...Пока пили чай с заведующей наробразом, пришла подвода, и мы поехали. По обеим сторонам дороги — луг, море цветов. Я мечтала увидеть неведомых коммунаров.

Проехали Крапивню, Семеновское, а коммуны все не было видно.

— Губачево-то — оно в яме,— сказал возница,— вот его и не видно. Сейчас Гавриловское проедем, а там и коммуна твоя.

Он видел, как я волнуюсь.

И вот справа от дороги показалась усадьба. Деревянный забор с белыми каменными столбцами. За ним — барский дом темно-бордового цвета с белыми красивыми наличниками на окнах. Над воротами — кумачовое полотнище с белыми

буквами: «Коммуна «Зарево». Я въезжала в новую прекрасную жизнь.

Не буду рассказывать о том, как смеялся председатель коммуны Данилов, не веря, что эту девчонку и правда привезли к нему работать, как переговаривались собравшиеся коммунарки: «Кака така учителька? Да ее еще самое-то учить надо!», как протолкнулся вперед парень и заявил: «Ну, чего вы, бабоньки, удивляетесь? Теперь все учительки такие, не больше двенадцати лет! Такой декрет недавно вышел», как приготовилась я, что его насмешки будут теперь мне сопутствовать... Расскажу о главном.

Насколько велика была разница между жизнью в рабочем поселке, где я жила несколько лет, и здешней жизнью! Я попала как будто на другую планету. В поселке были бесконечная пьянка, драки. В гости друг к другу ходили редко. Парни обращались с девушками грубо, стукали по плечу: «А ну, пошли, Машка,— чего испугалась?» — и те принимали это как должное.

Здесь совершенно чужие люди жили как будто одной семьей, были очевидным образом увлечены и объединены общими интересами.

Девушки жили в комнатах с родителями. У парней была большая общая комната — «холостяцкая». Никогда потом и нигде я не видела такого бережного, целомудренного отношения к девушкам, как в моей коммуне. Никому, казалось, и в голову не могло прийти в шутку ударить девушку по плечу или сказать при ней грубое слово. А ведь это были все те же самые парни из ближних мест, из деревень и поселков. Что же перерождало их, что создавало эту особенную, возвышенную, но не выспреннюю, не аскетическую, проникнутую весельем атмосферу ежедневной жизни?..

По воскресеньям проходили собрания — за общим столом. Пили чай и ели пироги. Спиртного не было и в помине. Решали, какие работы делать в ближайшую неделю и кому что купить. Девушки заказывали материю на платье, парни — на брюки и рубашки. Данилов ехал в Суздаль, покупал по списку. Шила своя портниха, Васса, сестра Вани Малова — белокурого кузнеца, который подшучивал надо мной с первого дня.

Данилов работал в Суздале, заведовал земотделом. В коммуну, которой руководил, приезжал только в субботу. Его обступали, рассказывали о делах. Вечерами он сидел у окна своего дома, на скамейке, вел со мной разговоры, как со взрослой. Много позже я поняла: ведь я воспитывала детей коммунаров, и ему важно было передать мне как можно больше того, во что он верил, к чему стремился всем своим существом.

— Знаешь, Клавдя, что будет — изобретут такую штуку: ты будешь сидеть у себя дома и все видеть, что на сцене в театре происходит.

Я внимала, поражаясь.

— Ты молодая — ты эту будущую жизнь еще увидишь. Вот телефон, например,— видела ты?

Телефон я видела в Суздале на столе у заведующей наробразом.

— Вот... Телефон будет у тебя прямо дома стоять. И будешь ты говорить с любым городом! И не только у нас, а и со всем светом! Зайдешь в магазин, захочешь купить себе красивое платье...

Я начинала смеяться:

— Ну, и что будет, Тимофей Андреевич?

— Ну — такой выбор будет, что ты растеряешься. И выберешь себе платье — как у королевы. И посмотришь на себя в зеркало — и опять растеряешься.

Лошадок будет, конечно, меньше...

— Ой, как жалко! А верхом как же?

— Нет, верхом по городу ездить будет нельзя. Будут машины возить...

Открывалось окошко, жена звала Данилова:

— Хватит, Клавдя, уж отпусти его — ему выспаться надо.

«Да неужели это все сбудется?» — думала я.

А налаживать жизнь в коммуне и готовить этим ту жизнь, в которую он свято верил, ему было трудно, в первый год особенно. Коммуну окружало недружелюбие: ночами разрывали поля, выкапывали посаженные коммунарами клубни. Но постепенно что-то менялось, и вот уже к двум коммунаркам посватались из соседних деревень. Данилов венчаться запретил — «коммунарки не венчаются». Девушки вышли замуж в соседние села, но красную свадьбу им справляла коммуна, потом всей коммуной ездили в села женихов и праздновали там. Плясали до утра; Данилов был признанным лучшим плясуном.

Перед Первым мая и годовщиной Октября чисто-чисто выметался двор, длинные столы, сбитые из досок, покрывались кумачом. На воротах вывешивался плакат: «Добро пожаловать в коммуну «Зарево»!»

Этот плакат и сегодня сияет перед моими глазами. В открытые ворота крестьяне из соседних сел шли вереницей. Всех усаживали за стол, потчевали брагой — недопьяна, угощали. Показывали спектакли. Помню поставленную мною драму «Обездоленные». У меня на руках умирал возлюбленный от чахотки. Я рыдала. Приходил поп в рясе и скуфейке или камилавке, с большим крестом. Это был Ваня Малов. Варом он залепил себе зубы, торчал только один зуб. С первых же его слов начинался хохот, моих страданий никто уже не замечал. Это был прирожденный комик.

Веселый, приподнятый, теплый тон жизни. Бережность по отношению друг к другу. По истечении лет мне кажется, что больше всех был «повинен» в этом сам Данилов. Уважали его безгранично. Слово его для каждого коммунара было законом, причем незыблемым. Но почему? Потому что он был все же уездным начальством, работал в Суздале? Нет, это мало кого волновало, да было начальство и поважней. Спустя годы уверенно говорю: все дело было в его личности. Любому, кто знал Данилова, вскоре становилось ясно, что лично «для себя» ему ничего не нужно и что за коммуну, настоящую и будущую, он отдаст все, а если нужно — и саму жизнь!

Но разве мало было тогда таких, преданных идее до конца? И сколько темного было, как мы знаем, связано с деятельностью таких людей... Но у Данилова было еще одно качество, и оно-то, может, и подчиняло людей его авторитету добровольно и радостно. Он готов был действительно отдать идее жизнь, но только *свою*. Он никого не призывал, тем более не принуждал к жертвам — он только сам готов был жертвовать всем. Он не смотрел на тех, кого вел к новой жизни, как на строительный щебень для этой жизни, он думал и о сегодняшней, единственной их жизни. Говоря проще, он жалел людей и в точном смысле слова любил их.

— Есть такое слово, Клавдя,— говорил он мне,— человеколюбие! Может, оно не очень красивое, но это очень важная вещь!

Слово звучало непривычно; наверное, от Данилова я и услышала его впервые. Это и было, может быть, главным из преподанных им у изненных уроков.

После роспуска коммуны (почему распустили и эту, и тысячи других коммун, судить не берусь — пусть об этом напишут экономисты и историки) Данилов был директором небольшого сажевого завода. Жил с семьей в одной комнате в бараке. Я встретилась с ним в Иванове — в 59-м или 60-м году. Это был старый, больной человек. У него было шестеро детей, четверо — семейных, двое жили с ним — девочка лет четырнадцати и десятилетний мальчик. Завод дважды предлагал ему ордер на квартиру, он отдавал его семьям с грудными детьми. Он был тот самый Данилов, каким я восхищалась девчонкой. Я жила тогда с мужем в Сухуми, звала его к себе в гости. «Наверно, приеду — не все ли равно, где умирать». Он умер вскоре после нашей встречи. Только после его смерти жена с детьми получила отдельную квартиру. Вот и все о Данилове.

А что же происходило дальше в моей жизни — после года, проведенного в коммуне?

Летом 1922 года я поехала в Иваново, в гости к своей тете Саше. В соседнем с ней доме жила девушка Настя. Она только что уволилась из колонии малолетних преступников — не выдержала. «Не вздумай идти — живой не останешься!» — ответила она на мои расспросы. Однажды что-то резкое сказала им за едой — и они плеснули ей в лицо щей и привязали к ножкам стола, а сами ушли спать. Так и провела она ночь; только утром начальник колонии отвязал ее.

Скоро я уже стояла в его небольшом кабинете, рассказывая о своей работе в коммуне.

— Здесь — другое дело. Сбежите,— сказал он коротко.

Как все помнится! Черноволосый смуглый вожак Сергей Ященко сказал:

— С нами надо обращаться по-человечески.

И добавил высокопарно:

— А то и вас ждет в этих стенах плохая участь.

Я засмеялась:

— Я и сама люблю, чтоб со мной обращались по-человечески. Я уверена, мы с вами поладим.

— Поживем — увидим,— ответил он сухо.

И вот началась моя с ними жизнь — непростая, но интересная и — поверят ли сегодняшние читатели? — радостная. Я любила их. Улыбаясь, я слушала, как ожесточенно они

спорили друг с другом, слушала молча, пока кто-то из них не обращался ко мне за поддержкой.

Они любили ходить в театр. Обыкновенно их водили с милиционером, заставляли идти парами. Усаживали на галерке, и они начинали лузгать семечки и плевать шелуху сверху на головы зрителей. Шумели, мешали смотреть. Возмущенные люди требовали, чтобы их не пускали в театр.

— Стыдно, Клава, нам ходить парами, да с милиционером. Попроси, чтобы мы просто около тебя шли! Мы не разбежимся!

И мы стали ходить в театр «просто», как вольные. И они вели себя тихо, и даже семечки лузгали в рукав или в карманы.

Они любили и вторую дежурную воспитательницу — Верочку. Помню, она приходила на дежурство с огромным резиновым мячом, и ребята гоняли его по двору. За ворота их не пускали.

Повторю: шел 1922 год. Ребят кормили супом из ржавой селедки, хлебом, в котором было, пожалуй, все что угодно, кроме муки. От этой пищи я заболела. С Сергеем Ященко мы тогда уже были друзьями.

— Ященко, у меня все болит,— сказала я.— Я, наверно, погибну. А начальнику не хочу говорить — не хочу в больницу ложиться. Если бы мама моя приехала, привезла какой-нибудь еды...

У отца моего была моторка, и он из Заволжска ездил по всей Верхней Волге, выменивал что-нибудь на муку, и дома у нас стоял мешок с мукой. А чтоб не заболеть в этих поездках тифом, отец все время ел чеснок.

— Я съезжу за ней,— сказал Ященко,— никто знать не будет.

— Да ты убежишь!

— Нет, я не убегу!

И он привез мою мать! А поезда ходили тогда только товарные. И как он все это сделал — ума не приложу.

— Такая мечта была убежать, но слово дал! — гордо сказал он.— Не хотел тебя подводить.

Его история — это особая тема. Было у нее и продолжение: через тридцать с лишним лет спустя ко мне явился его сын!.. Увидел мое имя в газете — и пришел просить помощи в устройстве на работу.

Но вернусь назад — к следующему, 23-му году.

Я уже в Москве, студентка вуза. Живу в общежитии в Большом Черкасском переулке. Узнаю, что один наш студент идет сегодня ночью на Таганку, к беспризорникам. И, конечно, прошу его взять меня с собой.

Это была поздняя осень. Я была уже в зимнем пальто, в шапке и в валенках с галошами — эти подробности будут дальше важны.

Ночлежка, в которую мы пришли, была в подвале двухэтажного кирпичного дома. У студента был глубоко запрятан наган, у меня, конечно, оружия не было. Нас окружила орава оборванных, грязных ребят разного возраста. Студент прошел под аркой подвала дальше, я осталась в переднем помещении.

— Ребята, здравствуйте! Я пришла вам книжку почитать.

— С приключениями? — выкрикнул кто-то.

— С приключениями. Где бы мне сесть?

Мне пододвинули ящик, я села. Кто-то подтащил стол, сбитый из двух досок, и зажег свечку.

Я стала читать. Читала, кажется, Дюма «Три мушкетера». Большинство книга захватила. Они теснятся ко мне все ближе, ближе — оборванные, худые, грязные. В подвале холодно, сыро. Как же эти дети проводят здесь ночь? Я читаю. Чувствую: осторожно проверяют мои пустые карманы, снимают галоши с валенок. Я читаю — как будто не замечаю ничего. Снимают шапку, очередь доходит до пальто. Это трудно описать, но беспризорники снимают пальто, осторожно стаскивая рукава с моих рук, а я читаю, читаю, чувствуя себя как капитан на тонущем судне, не показывая им своего испуга, хотя душа у меня в пятках. Студент мой неизвестно где. Заканчиваю, захлопываю книгу и говорю:

— Ребята, где-то тут мое пальто — мне уже пора домой. Я еще к вам приду, другую книжку читать.

— Ивашка, дай ей пальто,— говорит повелительно подросток.

Я одеваюсь.

— Ребята, у меня вроде галоши были...

Появляются и галоши, и шапка.

— А книжку оставь нам!

— Конечно, оставлю — я вам ее принесла. У меня еще много книг, я к вам буду ходить.

И двое пошли провожать меня до общежития — чтоб меня «не обидели по дороге»!

Да, я уверена была тогда и уверена в этом сейчас, после долгого жизненного пути, в котором общение с детьми, в том числе со своими пятерыми детьми, было самым важным,— любые, самые, что называется, отъявленные всегда чувствуют, когда их уважают, считают людьми. (Вот почему они не хотят жить в детдоме, где уважения этого, отношения к ним как к людям не видят,— и стремятся жить на воле, хоть полуголодными.) Жизнь многократно подтверждала это мое убеждение, интуитивно родившееся еще в самые юные годы.

Как-то, году в 62-м или немного позже, были в Москве гастроли одного хорошо известного мне театра. Я была на всех его спектаклях и на банкете почувствовала себя уставшей и решила потихоньку отправиться домой. Было поздно, такси я не поймала и едва успела в метро. Вышла в Сокольниках и пошла пешком по Большой Остроумовской, мимо ограды больницы имени Остроумова, хорошо знакомой всем москвичам. Идти страшно: фонари не горят, на улице ни живой души... Это может показаться смешным, но я держу наготове пятерку, припасенную на такси, чтобы сразу отдать ее грабителям. И они появляются. Неожиданно передо мной вырастают два совсем молодых парня.

— Стой! — грубо говорит один из них.

— В чем дело?

— Давай деньги.

Я протягиваю приготовленную пятерку.

— И все?

— Все,— говорю,— ребята, больше нет.

Осмотрели мою сумочку, отдали назад и пошли восвояси. А я кричу:

— Ребята, куда же вы, подождите!

Остановились.

— В чем дело?

— Здесь очень темно,— говорю.— Я боюсь одна идти. Проводите меня, пожалуйста, до парадного — тут недалеко.

— Это за пятерку, что ли? — спрашивает один.

— Нет, что вы, просто так: вы мне понравились.

Один засмеялся, а другой говорит:

— Да ладно, Вовка, давай проводим, раз она боится.

Дошли они со мной до моего подъезда, а там темно и лифт не ходит.

Я опять говорю:

— Ребята, проводите меня до четвертого этажа — посмотрите, как темно.

— Еще чего! — говорит Вовка, а второй опять подал голос:

— Да ладно, Вовка, проводим.

Подошли к дверям.

— Ну, ребята, не знаю, как вас и благодарить. Какие же вы хорошие!

— Вовка, давай отдадим ей пятерку,— сказал вдруг тот, что мне покровительствовал.— Может, она у нее последняя.

— На память,— сказал Вовка и сунул мне пятерку.

...Когда я рассказывала своим детям, они смеялись:

— С тобой все бандиты в дружбе! Может, ты у нас предводительница шайки?

А я уверена, что те ребята о чем-то задумались, о чем раньше не думали.

Мне трудно это объяснить, но я убеждена, что нужно жалеть и уважать детей, какие бы они ни были. Когда я читаю про руководителей детских домов, где живут дети, лишенные главного в жизни человеческой — родительской ласки в детстве,— я все думаю: а смотрят ли эти люди хоть когда-нибудь в глаза детям, отданным на их попечение? А если смотрят — то с гневом и злобой или стремясь понять и чувства, и судьбу другого человека?

И снова я вспоминаю те далекие дни. Все тогда было распахнуто, всё на виду — беспризорники голодали, копались в помойках, и в ком жило сострадание — тот видел тех, кому мог сострадать. А нынешнее, такое многообещающее время застало наше общество как будто разделенным на какие-то совсем разные, закрытые друг от друга высокой стеной помещения. Кто знает сейчас, что творится в детских домах, в колониях, где живут преступившие закон, но дети, дети? Ведь только теперь мы увидели на страницах журналов хотя бы их фотографии, а то ведь как будто бы их не было — так мало мы о них знали.

Ничто не сможет помочь им лучше, чем доброта. Доброта, которую ничем, решительно ничем: ни крупными денежными вложениями, ни методиками и инструкциями, ни красивой мебелью в холодных стенах — нельзя заменить.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Владимиру Алексеевичу Орлову, белорусскому прозаику,— 36 лет.
По образованию он историк, член Союза писателей СССР.
На родном языке изданы две его книги: «Добрый день, моя Шипшина!»
и «День, когда упала стрела».
В них — рассказы и короткие повести, разные по тематике, но прежде всего
и с наибольшим успехом повествующие об историческом прошлом Беларуси.
Здесь автор обнаруживает хорошее знание предмета и завидную способность проникать
в действительность отдаленного минувшего, в души своих героев.

Янка БРЫЛЬ

Владимир ОРЛОВ

МИССИЯ ПАПСКОГО НУНЦИЯ

РАССКАЗ

I

Третий день кто-то невидимый и огромный бешено хлопал ставнями и швырял в узорчатые стекла пригоршни снежных хлопьев. Третий день окна были занавешены белым пологом метели, и папский нунций Кантельми никак не мог отрешиться от ощущения, что его покои не посредине столичной Варшавы, а в каком-то медвежьем углу этой огромной страны.

Кантельми зябко поправил наброшенную на узкие плечи кунью шубу и придвинул тяжелое кресло с грифонами на подлокотниках поближе к камину... В какой европейской стране позволят себе опоздать к представителю папы? Где еще дворяне осмелятся обращаться к королю с просьбой освободить безбожника, устами которого вещает сам дьявол? О, как непросто выполнять здесь поручения его святейшества! Минуло больше года, как в Риме узнали о преступных писаниях брестского судьи Лыщинского, а тот пускай и сквозь решетку, но все еще видит солнце. Мало того, шляхта Великого княжества Литовского требует, чтобы этот человек свободно защищался перед судом всех сословий. Однако для него, Кантельми, не бывает невыполнимых поручений.

Он встал, прошелся по комнате, взял со стола фолиант в голубом переплете.

Книга, с которой нунций снова устроился в кресле, была не совсем обычной. Он задумчиво листал желтоватые, исписанные разными почерками страницы. «Жизнь человека — это сумма его поступков»,— выплыло из памяти древнее изречение. Да, сейчас перед ним вся жизнь этого безбожника, странная и непоследовательная до возмущения. Прекрасное образование, в тридцать лет — проректор Брестского коллегиума, впереди блестящая будущность, которой будет содействовать орден... И вместо ученых занятий — убогая школа в родовом поместье, крестьянские дети, аз и буки, счет и письмо. А орден никогда не прощает отступников.

Нунций пробежал глазами манифест. «Пренебрегая таинством христианского брака, выдал дочь замуж за родича... На богоугодные дела отпускает не более трех флоринов в год... Составил завещание, где просил тело свое после смерти сжечь, а пепел похоронить у дороги, начертав над могилой богохульную надпись...»*.

«После смерти сжечь,— мысленно повторил нунций.— После смерти...» Сумма поступков Лыщинского должна дать в итоге ноль, зеро, ничто, и его, нунция, старанием именно так и случится. День расплаты уже недалек.

Вот он, этот документ, что вместе с удовлетворением неизменно вызывает у него чувство гадливости. Браславский стольник Ян Бжоска оказался для ордена истинным подарком судьбы. Сосед и приятель, похищающий преступный трактат и еще кое-что, необходимое следствию... А каким благородным гневом, какой ненавистью дышат строки его доноса, громко названного манифестом! Не слишком ли простое объяснение те сто тысяч талеров, которые он должен атеисту? Человеческая натура более сложная вещь. Бжоска прекрасно понимает, что Лыщинский не из тех, что способны посадить ближнего в долговую яму. К тому же этот безбожник богат. Нет, каждое слово доноса искренно, каждое рождено душой. Душой благонадежного ничтожества, которую во все времена будет снедать зависть к таланту.

О да, этот Лыщинский — человек незаурядного ума. Дни, посвященные чтению его трактата, он, Кантельми, никогда не назовет прошедшими втуне. Найди брестский судья лучшее приложение своим способностям, они вдвоем могли бы вести вечерами неторопливые беседы за бокалом доброго вина. Но сегодня шляхтич Лыщинский — самый опасный еретик Речи Посполитой, а возможно, и всего христианского мира, а он — нунций его святейшества папы римского, его воля и ум принадлежат богу и ордену самых преданных слуг Христа. Орден требует с корнем выполоть даже самый хилый росток вольнодумства, а здесь, на этой худо возделанной ниве, поднялось настоящее древо с налитыми ядом плодами. Однако ему по душе иметь дело с опасными врагами. Тогда акус победы особенно сладок.

Кантельми подбросил в камин березовых кругляшей и покосился на часы. Всего лишь половина пятого. Нет, он просто становится мнительным. Конечно же, у его сегодняшнего гостя и в мыслях не было намеренно опаздывать. Во всем виновата эта жуткая гиперборейская вьюга.

Он знает, что человек, чьи кони пробиваются сейчас через столичные сугробы, в душе считает себя здешним Цицероном. И не без оснований, иначе их встречи просто бы не было. Следует принять во внимание и его судебный опыт. Сорок пять лет, больше, чем он, Кантельми, прожил на свете. И затем, инстигатор* — особа светская, а для ляхетских послов, как зеницу ока берегущих свои привилегии, это крайне важно.

* В материалах судебного дела над выдающимся белорусским философом Казимиром Лыщинским сохранился текст этой надписи: «Путник! Не проходи мимо этих камней. Ты не споткнешься на них, если не споткнешься на истине. Постигнешь истину возле камней, ибо даже люди, знающие, что это правда, учат, что это ложь. Учение мудрецов — сознательный обман».

* Обвинитель

Чуткое ухо нунция уловило в завывающих вздохах ветра едва слышный перезвон бубенцов. Сложив ладони, Кантельми опустил веки и зашептал слова молитвы.

В комнату бесшумной тенью скользнул и застыл у порога монах-прислужник. Почувствовав его присутствие, нунций вопросительно открыл глаза.

— Инстигатор Великого княжества Литовского бакалавр философии и свободных искусств Курович!

Кантельми не однажды видел инстигатора на сейме, но восставшая в дверях фигура, каким-то чудом втиснутая в лосиный жупан с золотыми петлями, вновь потрясла его своими размерами и дремлющей силой. Этот разменявший седьмой десяток белорусин — сущий медведь. Говорят, еще прошлым летом он один на один одолел на охоте своего лесного сородича.

Курович приник к руке нунция мягкими мокрыми губами, и тот ощутил смешанное чувство омерзения и гордости от своей власти над этим великаном.

В комнате густели сумерки. Монах, под сутаной которого в том месте, где носят короткий меч, что-то подозрительно выступало, приблизился к большому бронзовому канделябру, однако нунций мягким жестом остановил его.

— Нам не нужен свет, брат Джузеппе,— сказал он по-итальянски.

Монах поставил на низкий столик два тонких венецианских бокала и серебряные блюдца с изюмом и цукатами. В бокалы полилось густое и темное, как кровь, вино.

— Оставь нас, Джузеппе, и прикажи, чтобы в дом никого не пускали.

Кантельми несколько поспешно указал гостю на кресло напротив — показалось, будто инстигатор намеревался сесть сам, без приглашения. Они слишком мнят о себе, эти белорусины, подумал он, слушая, как жалобно скрипит под огромным телом Куровича дубовое кресло.

— Многое слышал о господине инстигаторе,— заговорил нунций,— и чрезвычайно рад долгожданному знакомству.

Небольшие, но острые глаза Куровича поблескивали настороженно и хитро.

— И все слышанное,— продолжал нунций,— позволяет утверждать, что такой преданный страж закона сделал бы честь любой европейской державе. Наиболее верные почитатели вашего юридического таланта сравнивают ваше красноречие с цицероновым... Да-да, с цицероновым,— повторил Кантельми, удовлетворенно замечая на лоснящемся бритом лице инстигатора отсвет польщенного самолюбия.

— Ваше преосвященство, у каждого человека с положением есть свои льстецы...

— Но из уст даже притворных поклонников умный человек услышит правды больше, нежели из уст открытых недоброжелателей,— заметил нунций.— Я предлагаю поднять бокалы за ваши новые победы. Вчера я писал о вас его святейшеству в Рим...

— Это великая честь, ваше преосвященство.— Высокий бокал полностью скрылся в ладони инстигатора.— Я теряюсь в догадках, чем заслужил ее...

— Мы, слуги господа, привыкли ценить людей не только и не столько по их прежним поступкам. Мы исходим из того, что лучшее деяние — не в прошлом, а в будущем. Точно так же, как в будущем и самое чудовищное преступление врагов Христа. К первым это будущее должно прийти, вторых необходимо как можно скорее лишить его.

— Я полагал, что церковь больше интересует второй случай...

— Вы рассуждаете как юрист.— Нунций погасил вспышку раздражения и, смочив губы в душистом вине, потянулся к блюдцу с изюмом.

По углам сгустилась темнота. Отблески пламени выхватывали из нее замысловатые узоры на завешанных восточными коврами стенах.

— Буду с вами искренен. Рим весьма озабочен вольнодумием, угнездившимся в вашей стране и прежде всего в Великом княжестве. Опасно заблуждался еще ваш ученый друкарь Скорина.* Кстати, святой церкви до сего времени неизвестно, к какому вероисповеданию он себя причислял. Mala herba cito crescit.** Господину инстигатору, несомненно, знакомо и имя Сымона Будного,*** который погубил свою душу, осмелившись критиковать Новый завет. Еще сто лет назад в диспуте с представителями ордена в Полоцке он отстаивал тезис о том, что душа умирает вместе с телом и не существует ни рая, ни ада. Я уверен, он давно уже убедился в обратном. Спаситель милостив, и все же я лелею надежду, что там, где пребывает сейчас этот еретик, он встретился и со Скориной, и с Тяпинским,**** и со многими другими...

Застывший, будто монумент человеческой мощи, инстигатор наконец пошевелился.

— Позвольте заметить, ваше преосвященство, что зараза вольнодумия коснулась всех христианских стран. Достаточно вспомнить ваших недостойных соотечественников: Джордано Бруно и Ванини*****...

Нунций тонко улыбнулся.

— Однако мы безжалостно вырываем дурную траву, а у вас она цветет пышным цветом.

Курович, соглашаясь, склонил голову.

Пламя в камине опало, красные угли подернулись подвижной черной пленкой. В комнате стало совсем темно. Мрак поглотил распятого Христа на стене.

— Я хотел побеседовать с вами, господин инстигатор, о деле шляхтича Казимира Лыщинского...— Тут нунций перешел на шепот, который почти пропадал в голосе метели.

II

Сотни взглядов сошлись в одной точке. Одни смотрели с жадным или ленивым любопытством, другие — с жалостью и проблеском сострадания, третьи — большей частью люди в сутанах — с откровенной ненавистью, а порой и страхом. Глаза многих стремились встретиться с его глазами, но взгляд человека в шляхетской одежде, шедшего по проходу к позорной скамье, был устремлен поверх моря голов. Человек был немолод, высок, но согбен, с совершенно белыми прядями в длинных рыжеватых волосах. Бледное удлиненное лицо с запавшими глазами несло печать страдания и отрешенности, но держался он с таким достоинством, что казался не подсудимым, а одним из степенных послов сейма.

Светские послы, не говоря уже о духовных, не раз и не два слышали его имя. Это тот самый брестский шляхтич Лыщинский, чье дело поставлено сегодня на рассмотрение. Даже самым отпетым приверженцам Бахуса, коротающим свободное от государственных обязанностей время в варшавских корчмах, известно, что лифляндский епископ Поплавский назначен чрезвычайным судьей. Ему поручено допросить Лыщинского, изучить его писания и вынести приговор. Поговаривают, что подсудимый и впрямь безбожник, каких свет не видел, но это уже дело десятое. Церковь судит свободного шляхтича! Покушение на священные вольности благородного сословия!

Появление чрезвычайного судьи на подиуме сейм встретил напряженным молчанием. После первых же слов декларации с приговором молчание стало угрожающим. И вдруг зал взорвался криком.

—...Таким образом, упомянутый Лыщинский является врагом бога и природы! — Поплавский сделал попытку перекрыть галдеж, но зычный голос епископа исчез в негодующем гвалте.

— С каких пор сутанники шляхту судят? Требуем нового разбора!

— Нового разбора! — словно турьи рога на охоте, заревели десятка два закаленных в сеймовых баталиях глоток.

* Франциск Скорина (около 1490 — около 1551) — белорусский и восточнославянский первопечатник, в 1517 г. издавший первые книги на белорусском языке.

** Плохая трава быстро растет (лат.).

*** Сымон Будный (1530—1593) — белорусский гуманист, просветитель и книгоиздатель, философ и реформатор религии.

**** Василь Тяпинский (около 1540 — около 1604) — белорусский гуманист и просветитель, переводчик «Евангелия».

***** Джулио Ванини — итальянский философ-атеист. В 1619 г.

Светские послы Короны* одобрительно гудели. Поднялась вся Посольская палата. Члены Сената встревоженно переговаривались. Спокойными среди этой бури выглядели только двое — человек на скамье подсудимых и папский нунций. Правда, смуглое лицо Кантельми чуть заметно побледнело — даже он не предвидел такого единодушия. Темный румянец вернулся на его щеки, когда на подиуме воздвиглась величественная фигура инстигатора Куровича. По залу как будто покатились невидимые волны, и каждая заставляла затихнуть еще несколько дюжин ртов.

— Плачь, заливайся слезами, моя несчастная Отчизна! — Курович воздел руки.— Семя, брошенное на невинную землю дьяволом, дало богатые всходы! Плачь, моя Отчизна, породившая чудовище, ты достойна этих слез!

Инстигатор возвысил голос, но необычное начало речи и без того установило в зале и, казалось, во всем дворце звенящую тишину. Где-то далеко били часы, и в их приглушенных ударах слышалось нечто жуткое и неумолимое.

— Своим лживым пером,— тяжело, будто камни, падали в молчание слова инстигатора,— он исписал целые тома, где доказывал, что нет бога ни на небе, ни на земле. Как и надлежит наймиту дьявола, он писал сие, таясь от людей в ночном мраке. Но он забыл, что есть у нашего Спасителя преданные слуги. Усердием одного из них следствие располагает пятнадцатью тетрадями трактата под названием, которое отказывается произнести язык христианина. Эта книга, где собраны преступные высказывания разных авторов и заморских философов, называется...— Курович умело выдержал паузу.— Она называется «О несуществовании Бога».

По залу пролетел шорох. Кантельми молитвенно сложил на коленях руки и поднял глаза к плафону.

— Кроме трактата, сравнимого только с гнездом аспидов, мы располагаем взятой в библиотеке безбожника книгой.— Инстигатор с отвращением указал на лежащий рядом с ним на столе том.— На ее полях рука Лыщинского оставила слова, которые с возмущением отвергнет всякое богобоязненное сердце.— Курович, словно страшась обжечься, взял книгу и, держа ее в отставленной руке, прочитал: — «Значит, Бога нет...»

А он актер, подумал нунций. Жаль, что в послании в Рим нельзя будет передать всех оттенков этой речи. Он перевел взгляд на подсудимого и заметил, что лицо Лыщинского из отрешенного стало сосредоточенным. Теперь оно отражало напряженную работу мысли, и от этого открытия повеяло легкой тревогой.

— Разве можно,— гремел Курович,— назвать христианином и гражданином человека, который святое писание считает собранием сказок и преданий, а почтенных богословов называет ремесленниками пустозвонства, ползучими змеями и кротами, которые морочат нам голову, утверждая, что зрят во тьме?..

Кто-то из шляхтичей, особенно среди белорусинов и литовцев, пряча в рукав улыбку, толкал под бок соседа. Скамьи с духовными послами недовольно зашумели: не слишком ли далеко простирается красноречие пана инстигатора? «А мой медведь не так прост»,— скорее одобрительно, чем раздраженно, отметил Кантельми. Однако его все больше занимал подсудимый, который внимательно слушал инстигатора и одновременно как бы искал кого-то взглядом. Нунций дорого дал бы, чтобы проникнуть сейчас в мысли этого человека. Откуда такое хладнокровие? Покорность судьбе? Или напротив — готовность до конца защищать свою жизнь? Вероятней последнее. Он, Кантельми, готов поклясться: безбожник принял какое-то решение.

Нунций поймал себя на том, что от волнения начал барабанить пальцами по перилам.

— Вместо порядка, самим Господом Богом установленного в виде стольких сословий, властей и королевств, он желал видеть мир без правителя, народы без властелинов, а капитолии без судей...

Легким движением плеча Курович сбросил бобровую мантию и картинно поднял могучую, как палица, руку.

— Я обвиняю его в том, что на двухстах шестидесяти пяти страницах своего трактата он осмелился представить Бога порождением человеческой фантазии, приписав управление землей и небом естественной природе. Самого же Господа Бога он назвал лишенного реального бытия выдумкой и химерой. Страшное преступление требует страшного наказания. Dixi *.

И снова в воцарившемся безмолвии упали глухие удары часов.

— Шляхтич Лыщинский! — раздался голос маршалка **.— Сейчас вам будут предъявлены бумаги, которые высокий сейм имеет основание считать вашими.

Вновь сотни взглядов впились в человека на позорной скамье, но теперь сочувствие и жалость одних были затаенными, а ненависть других возросла настолько, что как будто начала разливаться в воздухе.

Подсудимый бережно положил ладони на стопку тетрадей в кожаных переплетах и на минуту застыл в раздумье. Затем осторожно перевернул несколько страниц и поднялся.

— Шляхтич Лыщинский! Признаете ли вы эти бумаги своими?

Подсудимый, скрестив руки на груди, с достоинством выпрямился.

— Признаю,— сказал он оцепеневшему в ожидании залу.

Еще не успел затихнуть гомон, подобный шуму деревьев под порывами ветра, как Лыщинский снова заговорил:

— Но хочу сообщить высокому сейму,— нунций всем телом подался вперед,— что собранные здесь мысли я собирался опровергнуть во второй части трактата, каковую имею намерение написать, дабы привести в ней новые доводы существования Христа...

Сбитый с толку таким поворотом дела маршалок ударил в гонг.

Со скамей послышались выкрики:

— Пускай говорит! Право шляхтича!

— Послы высокого сейма,— объявил маршалок,— желают выслушать ваши доказательства.

III

— Ты можешь идти, брат Джузеппе.

Кантельми отбросил капюшон монашеской рясы. Его тонкие малокровные губы улыбались доброжелательно и несколько загадочно. Нунций впервые видел Лыщинского так близко. Темные провалы глазниц, свалявшиеся волосы. Небольшой шрам над левым уголком рта. «Отличился в турецкой кампании,— пришла на память запись в голубой книге.— Участвовал в кампаниях московской и шведской...» Засаленные рукава некогда богатого кунтуша. Пятьдесят пять лет, а выглядит на все семьдесят. И снова это спокойствие на лице. На что он надеется?

— Поверьте,— мягко сказал Кантельми,— мой визит вызван искренним стремлением помочь вам. Ваше право сомневаться в моих словах, но между тем, уединившись с вами, я даже рискую.

— Чем? — В глазах Лыщинского загорелись угольки насмешливого интереса.

— На духовную особу, которая без свидетелей беседует со слугой дьявола, независимо от ее сана падает тень подозрения...

— Как вы сказали? Со слугой дьявола? — Лыщинский громко рассмеялся.— Ваше преосвященство, я готов побиться об заклад на мое поместье под Брестом, что вы и сами не очень-то верите во всех этих слуг дьявола, если не сказать большего... Неужели вы предполагали, что в этих стенах будет смердеть серой?

Нунций на миг смутился.

— Я понимаю, долгие месяцы заключения...

— Незаконного заключения, ваше преосвященство...

— ...не могут не наложить отпечатка на поведение и слова человека,— невозмутимо продолжал нунций.— Но ваш разум заслуживает того, чтобы простить вам этот... как у вас говорят?.. выбрик?

* Польского королевства, которое вместе с Великим княжеством Литовским, в чьем составе находились белорусские земли, входило в федеративное государство Речь Посполитую.

* Я сказал (лат.)

** Председательствующего на сейме (бел.).

Яркие язычки свечей задрожали, стены дохнули зимней стынью. В углу, там, где стоял застланный тонким серым покрывалом топчан, размеренно капало с низкого, черного от копоти свода. От щели к стене протянулась по полу белая полоска снега

— Ценю ваш вчерашний ход. Ненаписанная часть трактата, где будут опровергнуты выводы первой... Ординарный ум на такое не способен. Однако ваши новые доказательства существования Господа выглядят не совсем убедительными. Впрочем, возможно, я не все как следует разобрал. Согласитесь, в зале было довольно шумно...

Узник испытующе посмотрел на нунция, но Кантельми недаром гордился, что может выдержать любой взгляд.

— Я сказал,— несколько нервно заговорил Лыщинский,— что в каждом роде существ есть самое совершенное. Во Вселенной таковым является Солнце, среди животных — человек, а в мире разумных созданий наиболее совершенное существо — Бог.

— Весьма, весьма любопытно. Но, простите,— в глазах нунция блеснул металл,— ваши доказательства, по сути, представляют собой нечто противоположное. Из слов господина философа вытекает, что он придерживается опасной и осужденной церковью теории Миколая Коперника, который ставит в центр мироздания Солнце, хотя бесспорно, что центром Вселенной является наисовершеннейшая Земля, населенная созданными по образу и подобию божьему людьми. Далее вы утверждаете, что человек суть наивысшее животное. Не противоречит ли это той истине, что Адама и Еву сотворил бог? Вероятно, господин философ слишком ревностно изучал сочинения Аристотеля. Тот, как известно, полагал, что люди должны выводить свою генеалогию от обезьян. Можно ли представить себе что-то более оскорбительное и нелепое? А чего стоит ваш третий довод, низводящий Господа нашего до степени ангелов и самого грешного человека!

— Прошу вас отметить для себя одно обстоятельство,— с грустью сказал нунций после некоторого молчания.— Не исключено, что мои слова не полностью соответствуют моим собственным взглядам. Но такова позиция церкви.— Он поднял палец.— Повторяю: церкви! У меня на родине, а также в других истинно христианских странах было бы достаточно одного подобного «доказательства», чтобы отправить человека на костер. Вы мыслили спасти себя, но только ухудшили свое положение.

— Я знаю,— спокойно ответил Лыщинский,— что инквизиторы отправили на аутодафе тысячи людей и по менее важным причинам. К счастью, у меня на родине инквизиция упразднена еще двести лет назад *. Судите сами, ваше преосвященство, у кого в этом смысле большие основания гордиться родиной.

Улыбку узника продолжал шрам, и от этого она казалась еще саркастичнее.

— Вам угрожает костер...— негромко произнес нунций.

Страх! Пусть только мгновение, но он видел, видел на этом лице страх!

— Ваши епископы настаивают именно на таком наказании. Опасаюсь, что после речи инстигатора Куровича...

Снежная полоска у щели постепенно превращалась в небольшой сугроб. В темнице стало совсем холодно. Со свода уже не капало.

— Вы говорите, костер...— Лыщинский поднес к свече озябшие руки.— Надеетесь, что вместе с человеком можно сжечь мысли, путем которых он приближался к истине?

— Бумага неплохо горит...

И снова на бледном лице промелькнул страх. Сейчас, подумал нунций, сейчас!

— Заклинаю вас поверить, я ваш друг,— срывающимся от волнения голосом заговорил он.— Я хочу спасти вас. Я хочу спасти ваш трактат. Он необходим будущим поколениям. Вы будете жить. Вы еще обнимете жену, будете качать на коленях внуков. У вас будет возможность писать книги...

На лице Лыщинского боролись недоверие и надежда.

— Вы должны только... Это единственный выход... Вы должны... во имя будущего торжества истины... вернуться в лоно ордена.

— Вернуться в лоно ордена! — Узник и его громадная сгорбленная тень на стене затряслись от хохота, и нунций в страхе отшатнулся.— Вернуться в лоно ордена! Чтобы смотреть на старшего, как на самого Христа? Чтобы быть, как труп, который можно вертеть и так и эдак? Этого вы хотите? Или как там в тринадцатом параграфе? «Чтобы ни в чем не ошибаться, мы обязаны верить, что увиденное нами белым есть черное, если таковым его называет церковь...»

— Цитируете Лойолу *...— ощерился нунций.— Насколько я понял, вы не готовы принести жертву на алтарь истины. Ну, что ж, в таком случае церковь позаботится, чтобы после вас не осталось ничего. Потомки не будут знать даже вашего имени. Ваша жизнь закончится, как жизнь мотылька в пламени свечи.

Надолго повисло молчание. Людям по обе стороны стола уже не о чем было говорить, но Кантельми нарушил тишину:

— У вас есть еще одна возможность облегчить свою участь.

Лыщинский иронически вскинул бровь, и нунций подумал, что страх, который он недавно видел в глазах этого человека, ему просто пригрезился.

— В «Манифесте» вашего соседа и друга...— губы нунция тронула ледяная улыбка,— Яна Бжоски мне встретилось одно весьма любопытное место. Он пишет, что вы щедро делились своими взглядами. «Он заражал этой ядовитой наукой невинные умы юношей и людей зрелого возраста...» Вы не назвали бы мне несколько имен? Цена — надежный тайник для вашего трактата. Скажем, столетия через три его неожиданно обнаружат в библиотеке Виленской академии. Настанет время, когда ваша alma mater будет гордиться таким воспитанником. Всего несколько имен...

— Ваше преосвященство, мне кажется, среди нас действительно есть слуга Вельзевула...

От лица нунция отхлынула кровь.

— Вы забываете, что святая церковь располагает средствами, чтобы развязать язык самым упорным!

— Я думаю, на этот раз святой церкви придется только облизнуться.— Узник встал.— Наша шляхта может отдать голоса за костер, но свои привилегии она будет защищать до последнего. Шляхтича не выдадут на пытку. Даже если от него пахнет серой,— устало кончил он.

— Единственный шанс...— прошипел нунций.— Вас сожгут!

— По крайней мере я наконец согреюсь.

— Вы... вы...— И вдруг Кантельми с бессильной злобой на самого себя понял, что вместе с ненавистью чувствует к Лыщинскому и нечто совершенно иное.

Неужели он говорил с безбожником не только ради дела ордена, неужели в словах о спасении была хоть толика правды? — кутаясь в шубу, думал нунций по дороге во дворец. Неужели атеист приобрел над ним, представителем папы, какую-то власть? Нет, это невозможно...

IV

— Расследовав дело Казимира Лыщинского, обвиняемого шляхтичем Бжоской и шестью свидетелями, равными ему по происхождению, мы убедились, что обвиняемый заслуживает наказания более сурового, нежели за уголовные преступления, и вынесли нижеследующий приговор,— торжественно звучит голос маршалка.— Написанные Лыщинским безбожные письма предать огню при исполнителе правосудия в его правой руке на эшафоте, самого же обвиняемого сжечь живым и превратить в пепел. Имущество конфисковать, распределив между изветчиком и казной. Дом, где осужденный творил свои подлые писания, разрушить как приют безумца. Земля его поместья должна навеки остаться пустынной и бесплодной... Оглашено в год от рождества Божьего 1689, месяца марта двадцать восьмого дня.

Нунций будто бы вновь слышит, как на вчерашнем заседании сейма спесивый маршалок Радзивилл читает королевский декрет. Безбожник на скамье подсудимых

* Введенная в 1436 году в Великом княжестве Литовском инквизиция спустя сорок три года была ликвидирована.

* Игнатий Лойола — основатель ордена иезуитов. Лыщинский цитирует «Духовные упражнения» Лойолы, где излагались принципы поведения членов ордена.

слушает приговор не просто хладнокровно, но даже с каким-то величием, и он, Кантельми, снова впадает в уже знакомую бессильную злость...

Весь сегодняшний день он боролся с болезненным желанием еще раз увидеть осужденного, говорить с ним. Ради чего? Чтобы хоть на миг снова заметить в его глазах страх? Кантельми не смог бы ответить определенно и в глубине души боялся встречи, но легкий возок уже вздрагивает на выбоинах, а в памяти почему-то оживает церемония в костеле Святого Яна.

Лыщинский вслед за этим лифляндским боровом Поплавским повторяет слова отречения... Обряд отпущения грехов — легкие удары лозиной по обнаженной спине еретика... Довольные лица епископов... Любопытство и такое же удовлетворение во взглядах их королевских величеств. И лишь он, Кантельми, не чувствует себя победителем.

Он до сего времени бьется над загадкой: почему тот согласился на отречение? Ненадолго заснула воля? Или надеялся на спасение? Тогда, три недели назад, принятый приговор еще держался в тайне. Нет, Лыщинский не мог не сознавать, что его судьба предрешена. А, может, в тот день, в костеле Святого Яна, его смирение были мнимым, может, отрекаясь от своих преступных мыслей, он лишь смеялся над всеми и над ним, представителем папы? Этот человек способен и на такое. Не зря киевский епископ Залусский повторяет, что у Лыщинского алмазное сердце. Тот самый Залусский, который в своей речи потребовал еретику смерти.

Вот и сумрачные стены монастыря, где безбожник проведет последнюю ночь. Выходя из возка, нунций взглянул ввысь. Вокруг крестов, вонзенных в мутное предвечернее небо, кружили грачи, и черные птицы внезапно представились Кантельми большими хлопьями пепла.

И вновь тяжелые, окованные железными полосами дубовые двери, и вновь холод узилища и сгорбленная фигура на топчане.

— Я ждал вас, ваше преосвященство, я знал, что вы придете,— первым заговорил Лыщинский.— Заманчиво понаблюдать, как ведет себя осужденный за день до казни, не правда ли?

— У меня иные цели...

— Снова решили протянуть мне руку помощи?

— Да. Мне кажется, человеку всегда легче проститься с этим бренным миром, имея хотя бы крупицу надежды на милосердие Спасителя.— Нунций перекрестился.— Я готов принять вашу исповедь.

— Вы не находите, ваше преосвященство, что наш разговор с самого начала становится бессмысленным?

Какой сарказм в этой усмешке и полоске шрама! Но у него, нунция, есть еще одно средство заставить безбожника дрогнуть.

— Чтобы сделать разговор более предметным,— Кантельми смотрел на янтарные четки в своих руках,— я сообщу вам интересную новость. Среди послов сейма мы отыскали одного из учеников господина философа... Помните Матея из Ружан, вашего друга по коллегиуму и академии?

Нунций бросил мгновенный взгляд на осужденного. В глазах у того было страдание.

— Я вижу, помните,— вкрадчиво продолжал нунций, глядя Лыщинскому уже прямо в глаза,— но вы не должны тревожиться за судьбу вашего друга. Орден ничем не даст понять, что нам известно о его преступлениях перед Богом. Естественно, до конца дней своих он будет под тайным надзором, но мы постановили оставить его на свободе. Мы приняли это решение после сбора голосов на сейме. Матей отдал голос за ваше сожжение... О, я вижу на вашем лице боль...— голос нунция звучал ровно, в нем нельзя было услышать и намека на радость.— Но ведь ваш друг сохранит жизнь и свободу, по сути дела, благодаря вам. Неисповедимы пути господни...

— Я начинаю понимать, почему вы пришли снова, ваше преосвященство. Однако не слишком ли малая цена — победа над человеком, жизнь которого, согласно вашим словам, закончится, как жизнь мотылька в пламени свечи?

— Вы еще сомневаетесь в этом? — спросил нунций, пораженный проницательностью узника.— Сегодня палач сжег все ваши сочинения. Что теперь останется после вас?

— Я отвечу вам,— помолчав, произнес Лыщинский.— Недавно мне приснился удивительный сон. Наверно, такие сны бывают всего раз в жизни... Я летал. Удрал от наставника, бежал по теплой зеленой тропинке и вдруг полетел...

Глаза осужденного смотрели уже не на нунция, а сквозь него.

— Внизу поместье, наши липы, калина на перепутье, а я лечу все дальше и...— узник неожиданно осекся и продолжал уже совсем иначе.— Так вот, ваше преосвященство, после смерти каждого человека остаются его земля и его народ. И они, а не церковь и не ваш орден, решают, как человек прожил отмеренное ему и чего стоит эта жизнь.

— Народ... Не будьте наивным, господин философ. Ваш народ уже наполовину забыл, кто он. Все озабочены только тем, как бы набить брюхо. Пройдет еще лет сто, и ваш народ исчезнет, растворится в более цивилизованном. Этому содействует политика ордена...

— Мою землю многие хотели поставить на колени. Одни,— конечно же, с позволения и во имя вашего Бога — мечами отбирали у ее людей жизнь. Другие, более умные, отравляли золотом и лестью душу и разум лучших ее сыновей. Но моя земля всегда поднималась, и она выпрямится, чтобы стряхнуть с плечей весь сброд, в том числе и таких друзей, как вы, ваше преосвященство. Вот почему у меня, осужденного на смерть безбожника, нету к вам зависти.

По-прежнему мерно капало со свода, по-прежнему дрожали огоньки свечей, но нунцию показалось, будто что-то изменилось. У него мелькнула безумная мысль, что это не Лыщинского, а его ожидает казнь, что это ему читали вчера приговор. Неужели он не ошибся, увидев в этих запавших лихорадочных глазах жалость?

На нунция вдруг навалилась тупая усталость. Он тяжело поднялся и молча двинулся к двери, но многолетняя привычка оставлять последнее слово за собой остановила его.

— Король заменил костер отсечением головы,— сказал он через плечо.

Лыщинский усмехнулся:

— Я всегда считал нашего монарха в высшей степени благородным человеком

V

За лиловыми узорчатыми стеклами сгущается сумрак. Конец марта. В Риме и по всему Лацио цветут сады, а здесь еще падает снег. Кровь на снегу... Когда же он видел кровь на снегу?.. Перед рождеством, на королевской охоте в лесах под Брестом. Под Брестом, где-то там, откуда этот безбожник... На снежном полотне расплывалось из-под убитого зубра большое алое пятно. А человеческая кровь? Снег шел всю ночь, значит, эшафот тоже был белый-белый...

Нунций сидит в своем кабинете за столом с роскошным чернильным прибором. В крыльях вычурной позолоченной птицы торчат заостренные лебединые перья, пламя камина бросает на них красноватый отсвет. Не потому ли он медлит взяться за перо? Какая глупая сентиментальность!

Он встает и подходит к окну. Сегодня тот жданный день, когда он, наконец, известит папу, что правосудие свершилось. А на душе, как и прежде, уже привычный веред, от которого не спасает молитва. Нет, он должен вычеркнуть из памяти этого безбожника!

— Что еще? — требовательно гоаорит нунций, не отрываясь от окна. У дверей уже целую минуту молчаливо стоит Джузеппе.

— К вам инстигатор Великого княжества Литовского Курович.

— Меня нет,— с нескрываемым раздражением говорит нунций, но, справившись с собой, уже рассудительно добавляет.— Впрочем, передай: пишу неотложное послание в Рим. А его ожидаю завтра.

Авторизованный перевод с белорусского
Валентины ЩЕДРИНОЙ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ЛЮБЛЮ ЛИ Я РУССКИХ?

Карлис ЛЕЙШКАЛНС,
член Народного фронта Латвии

Латышская нация многие десятилетия неуклонно растворялась среди иных обычаев, иной культуры, иного языка. И я спрашиааю себя: почему десять лет назад я не сменил непопулярную латышскую фамилию на другую, принадлежащую иному народу, но с которой мне было бы несравненно легче жить? Стоило зто совсем недорого — каких-то пятнадцать рублей...

Потому что был и остаюсь уверен: мы, латыши, во всем мире единственные хранители очага нашей нации. Единственные хранители ее суверенитета и государственности, ее истории и культуры. Мой патриотизм — не русский, не узбекский и не английский, он — латышский, а значит, моя жизнь всегда будет связана с зтим долгом, ведь я отлично понимаю, что еще не могу существовать ане нации и не чувствую себя гражданином мира. Наоборот, я не могу не чувстаовать себя гражданином Латвии. Сейчас нас многие упрекают за создание так называемых гражданских комитетов, которые будут регистрировать латышских граждан. При зтом будто бы окажутся ущемленными интересы асех тех, кто недавно переехал а Латвию из России и других республик. Но в чем же здесь ущерб? Ведь они временно останутся гражданами великой держааы Соаетского Союза, а мы — государства, состоящего пока только из мифов.

Право быть гражданином для меня равнозначно праау на жизнь. Нация — мой организм, пусть он состарится и умрет, но изнасиловать или убить его никто не имеет права. Лично я ничего не получу от свободной Латвии. Мне, каким я сформировался, как я приспособился за предыдущие десятилетия к зтой жизни, выгодна и еще раз выгодна старая система. Но что-то есть во мне — то ли это Господь Бог, то ли национальное самосознание, называйте зто как хотите, и эта сила не позволяет выбирать между личной выгодой и интересами моего народа. Когда я гоаорю о народе, о гражданах Латвии, я, разумеется, имею в виду асех граждан, независимо от их национальной принадлежности.

Часто говорят, что патриотизм, когда его отождествляют с национальным чувством, замешан на крови и разрушении. Но любовь к отечеству не может быть разрушительной силой, потому что она по определению не простирается дальше границ своего отечества. К разрушению и крови аедут лишь имперские интересы, когда в тех или иных политических целях одной нации в пределах тоталитарного государства создают невыносимые условия существования для того, чтобы она теснила другие — с более высоким уровнем жизни. Здесь, в Латвии, патриотизм — любоаь, а не борьба. Любовь, которая осноаывается на праве, ибо только право на стороне слабого. Мой патриотизм может только созидать. Правда в тоталитарном, неправовом государстве есть всегда угроза появления лжепатриотизма, то есть попыток под видом любви к родине достичь совершенно других, как правило, политических интернациональных целей, которые в конечном счете преследуют лишь удоалетворение чьих-либо личных амбиций. Именно такого рода был патриотизм сталинской государственной системы. И когда сегодня национал-демократы, социал-демократы или большевики в политических целях разжигают подобного рода «патриотическое» чувство, основывающееся, как правило, не на любви, а на ненависти,— это ведет к насилию.

Меня часто спрашивают: может ли любоаь к родине заставить, скажем, русского быть против суверенитета Латвии, то есть вступить в противоречие с патриотизмом латвийского гражданина? Любовь к какой родине? — спрашиваю я. Какого русского — который живет в России или на оккупированной территории? Любовь колониста? Колонист может пойти против Латвии не от имени России, а скорее от чувства собственной выгоды, что обычно и происходит. Я не верю в его искреннюю любовь к родине, потому что он хочет любить ее только на хороших условиях. Он готов и Швецию объявить отечеством, чтобы ездить в Стокгольм за покупками. Если же речь идет о русском, который живет в России и беспокоится об интересах России... Нет, тогда не о российских интересах он печется, а об интересах Российской империи. Это как раз и есть лжепатриотизм. Имперским патриотизмом, впрочем, могут болеть и маленькие империи. У нас тоже был популярен подобного рода патриотизм — по отношению к Латгалии. Что скрывать, Латаия зтот урок проходила. Когда мы наступаем на муравья, особенно зтого не чувстауем, а вот если по нам самим пройдется слон — кричим!

В этом смысле не так все просто и а нашей истории. Латыши ведь тоже а свое время вмешались в российскую политику, поддержав большевиков. Может быть, не произойди роспуска Учредительного собрания в 1918 году, Российская республика входила бы сегодня а число сильнейших демократических государств, учитывая ее огромный ресурсный и интеллектуальный потенциал. Но в то время с большевиками связывалась вековая мечта и надежда на независимость Латвии. И только благодаря им мы вообщв смогли создать свою государственную независимость. Это отлично понимали так называемые красные стрелки и Юкомс Вацетис — первый командующий Красной Армией. Ведь, в сущности, он пошел против собственного отечестаа, отправившись воевать в чужую страну, с чужим народом. И зто с его стороны была трагическая жертва, трагическое противоречие патриотизма. В конечном итоге, правда, он не получил благодарности ни от своих, ни от чужих.

Многие русские «патриоты» беспокоятся сегодня о судьбе русской национальности в независимой Латвии. Это не что иное, как проявление того же пресловутого имперского лжепатриотизма. Ну какое может быть угнетение! В латвийской конституции 1922 года о национальных признаках нет ни слоаа. Подобными вещами могла заниматься Германия, беспокоясь о расовой чистоте, о национальном преимуществе... Для нас зто самоубийственно. Посмотрите, как а тридцатых годах Латвийская республика относилась к Советскому Союзу: она его гладила, она не смела лишнего слоаа сказать, хотя знала про все сталинские ужасы. О каких ущемлениях сегодня может идти речь, когда рядом стояла и стоит великая Россия?

Я люблю русских. Мне пришлось прожить с ними бок о бок всю мою жизнь, и я знаю, что в принципе между нами нет противоречий. Потому что без любви и уважения независимости другого народа или народов невозможна любовь и к своей родине. А мой патриотизм — зто есе-таки любовь. И стоит ли спрашивать господина Н., за что он любит свою кривоногую жену?

Чем больше человеку лет, тем все более раннее детство вспоминается ему, видится в коротких снах. В своих рассказах бабушка Фрося вспоминала свою маму, заболевшую оспой и долго лежавшую на палатях, устланных соломой. Брата Ваню, упавшего на камень и ставшего с тех пор горбатым. Отца, заботливо купавшего маленькую Фросю в деревянном корытце под раскидистыми яблонями в саду.

Старые люди часто свыкаются с мыслью о смерти, и некоторые даже живут этим, заранее обдумывая и приготовляя все для своих похорон. Бабушка Фрося не была исключением. Она не раз наказывала нам: во что ее одеть, обуть после смерти, на каких холстах нести ее гроб. Все это у нее было сложено в сундук и связано в особом узелке. Еще бабушка Фрося просила, чтобы в головах гроб несли два ее любимых внука, а впереди соседская Маринка несла икону в льняном полотенце и чтобы это полотенце потом осталось у девочки. Мы старались выполнить все завещания нашей бабушки.

Бабушка Клава, как могла, лечила Фросю, ухаживала за ней и была единственной очевидицей ее последних минут. Случилось это утром, когда легкий августовский туман стелился по оврагам и птицы своим щебетанием шумно встречали новый день. А бабушка Фрося вдруг тяжело задышала, начала бредить. Ей казалось, что она лежит на улице, что все ее внуки рядом, разговаривают с ней, но никак не могут внести ее в избу. Потом она вздохнула глубоко и угасла. А мы в это время, как назло, уехали в Москву смотреть выставку японского дизайна.

В природе все катилось своим чередом. Всходило и пряталось за тучи солнце, густою росой покрывались травы, пастухи гнали стадо на пастбище, а Ефросинья Васильевна, уже обмытая соседками и одетая в новую кофту, лежала недвижимо в своем уголке, ожидая запоздалых внуков.

Утром следующего дня электричкой мы приехали в Затишье. Все, что купили съестного в Москве, принесли на поминки по бабушке Фросе. Потом еще ездили в Рязань за венками, за вином, за справками — и все по той же дороге, по которой ходила когда-то с палочкой наша бабушка.

Весь народ суетился на улице и в соседском доме, где в просторной комнате накрывали длинные столы. Лишь бабушка Клава осталась у покойницы и продолжала бубнящим голосом читать Псалтырь.

Вдруг в комнату вбежала разгоряченная Оленька, пометавшись по углам, она быстро нырнула под гроб, шепотом предупредив: «Молчите, бабуля, я в прятки играю». Бабушка Клава отложила книгу и сердито вымолвила: «Когда я помру, чтоб под мой гроб не пряталась, а не то я открою глазки и погрожу пальчиком вот так»,— и бабушка показала, как будет грозить правнучке, когда помрет.

Контуженый Иван Максимов взялся делать гроб за десять рублей и две бутылки водки. Дети тихо наблюдали за его работой. Только любопытная Оленька украдкой потрогала смолистую гробовую доску.

Похороны бабушки Фроси стали событием для жителей «двориков» небольшой улицы села Затишья. Близкие одевали траур, а соседи старались помочь, чем могли. Тетя Тоня Кукалиха дала свою посуду для поминок и усердно советовала, как лучше обить доски материей. Работница столовой Зоя принесла блестящие тарелки-розеточки для холодных закусок. Мы их распрямили и навырезали красивых листочков, которыми украсили крышку гроба и боковины. И даже скуповатая Надежда Константиновна Волкова пожертвовала две толстые доски, которые приготовила для собственного гроба.

После поминального застолья мужики вышли на улицу покурить на свежем воздухе. И старики, полушутя, стали занимать очередь у гробовых дел мастера Ивана Максимова. Кирилыч, например, сворачивая цигарку, объявил себя первым после бабушки Фроси. Но время показало, что он немного поспешил. Через неделю умрет от паралича Надежда Константиновна Волкова, которая так опрометчиво отдала две доски, приготовленные для своего гроба. Затем замерзнет в своей избенке одинокая старушка Ориша. А Кирилыча похоронят только через пять месяцев, когда январская метель наметет такие огромные сугробы, что его последний путь придется пробивать мощным бульдозером.

Дорога на кладбище начиналась от старой ветвистой березки у дома и шла через новые «дворики», где некоторые старушки выставляли перед домом табуретку, чтобы проститься с бабушкой Фросей, так как идти на кладбище им было уже тяжело. Далее дорога тянулась по узкой плотине над прудами, потом сворачивала к заброшенной деревянной церкви с погнутым крестом, и только за селом путь на кладбище был прямым.

На холстах, которые когда-то ткала сама бабушка Фрося, опустили гроб в могилу, сверху бросили несколько монет, по горсти земли, а потом мужики заработали лопатами, сваливая на светлую крышку вязкую глину.

Могилу бабушки вырыли такой глубокой, что ее заканчивали почти целый час. И когда, наконец, подровняли свежий холмик, Женя Огнянкин начертил сверху концом лопаты длинный православный крест и уже потом тонкой проволочкой связал над ним восковые венки.

Женщины, столпившись у венков, сбивчиво прочли молитву, недружными голосами пропели три раза «Вечная память, вечная память...» и не спеша, гуськом пошли назад в село поминать.

И осталась бабушка Фрося одна, среди травы, ветра, далеко от тех, кого любила и кем жила.

На поминках сначала пробовали сладкую кутью и блины. Не чокаясь, пили водку, вино, закусывая «чем бог послал». По общему мнению, поминки «удались».

Возвращаясь в Рязань с похорон, мы заметили, что за эти три дня трактора вспахали все поле, а вместе с ним и дорогу на станцию. Удивительно то, что каждый год исчезает этот путь под жадными стальными плугами, и каждый раз люди протаптывают новую дорогу, а старая вдруг неожиданно появляется весной густой, более зеленой полоской озимых хлебов, которые почему-то на месте бывшей дороги растут особенно сильно. И странно бывает видеть, как новая, тонкая, извилистая тропка вплетается в старый широкий зеленый путь.

Долго тянулась осень 1984 года. Может быть, потому, что для четырех стариков из села Затишье, поминавших бабушку Фросю, она была последней.

Незадолго перед смертью бабушка Фрося завещала мне вскрыть ее единственный сундучок, размотать домотканый холст, внутри которого должны были быть деньги для меня и моего брата Саньки. Бабушка просила на эти деньги купить черные рубашки и в них ее помянуть. После смерти я развернул холст и нашел там завязанные марлевой тряпкой 130 рублей. Кроме холста, в сундуке были платки, длинные вязаные чулки и поминальная книжечка со справкой о ее последнем брате Мите, не пришедшем с войны.

НАРОДНЫЙ АРХИВ

Думаю, что многие со мной согласятся: человек умирает тогда, когда о нем некому больше вспоминать. Поэтому так велико в нас желание не уйти без следа, оставить о себе память в детях, внуках, в делах. Но потомки тоже смертны, дела, если они не потрясли историю, скоро забываются. Более долговечны документы — эти материализованные остатки нашей мысли, а значит, души. Сейчас благодаря развитию архивного дела и информационной техники впервые появилась возможность сделать так, чтобы ни одно имя, ни одна судьба не забылись.

Именно этому будет служить «Народный архив», созданный при Московском историко-архивном институте.

**Борис ИЛИЗАРОВ,
доктор исторических наук,
председатель правления
центра документации
«Народный архив»**

Идея создать подобный архив появилась давно. Сразу после войны Константин Симонов говорил о том, как важно собрать солдатские письма. В 60-е годы тоже поднимали проблему хранения и изучения личных фондов рядовых людей. В печати не раз говорилось, что письма трудящихся в редакции газет и журналов — это интереснейший исторический источник. Но государственные архивы, как известно, подобные документы не хранят. Почему? Одна причина лежит на поверхности: не ясна научная ценность такого рода документации. Но, по-моему, важнее другая, более глубокая причина.

Дело в том, что до недавнего времени на **человека** у нас мало кто обращал внимание. На первом месте всегда стояло **государство**, точнее, партийно-государственный аппарат, выдававший себя за радетеля интересов всего общества. Архивы фактически повторяли структуру государства. Личная документация, естественно, была для них «вторым сортом», чуть ли не макулатурой.

Есть, наконец, и еще одна причина. Существует реальный и непростой вопрос: как хранить массовые материалы? Если постоянно расширять хранилища, это потребует огромных затрат. Мы решили пойти по другому пути — создать «электронный архив». Возможность оснастить его новейшей техникой нам предоставил благотворительный советско-американский фонд «Культурная инициатива», в который входят Советский Фонд культуры и Фонд американского миллионера Дж. Сороса.

Какие документы принимает наш архив? Те, что хранятся дома почти у каждого: письма, фотографии, дневники, официальные бумаги. Будет у нас и фонд неформальных общественных организаций. Архив формируется на основе добровольных пожертвований. Кто-то подарит нам свои документы, кто-то отдаст на время, на договорных условиях, для обработки, приведения в порядок (эта форма работы, наверное, особенно заинтересует пожилых людей, которым тяжело самим этим заниматься), наконец, самые интересные материалы мы будем и покупать. Наиболее интересные документы будут публиковаться.

Нет ли противоречия между тем, что мы собираемся сохранять память о личной жизни каждого человека, и названием архива «Народный»? Напротив! Последние годы, занимаясь разработкой концепции «социальной памяти», я пришел к убеждению, что самые сильные механизмы, сплачивающие людей,— это не биологическая наследственность, не язык, не национальные и классовые интересы. Гораздо важнее общность судьбы, память о прошлом, о совместных свершениях и взаимопомощи, о соперничестве и обидах. Некоторые нации связаны общей судьбой и социальной памятью сравнительно недавно: например, народы Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, а то время как судьбы других переплетены уже более семисот лет. Вот пример действенности общей исторической памяти. Бывшие африканские или азиатские колонии, которые так яростно боролись за независимость, теперь, получив ее, чрезвычайно остро ощущают культурную и историческую общность с метрополиями. Почему дворянство различных стран часто чувствовало себя как бы одной семьей? Ответ прост — в дворянских семьях хорошо знали свои родословные. А изучение, например, генеалогии русского дворянства показывает, что даже самые знатные роды не были этнически однородными. Они пополнялись за счет выходцев из Польши, Литвы, германских государств, татар, народов Поволжья.

Кстати, мои наблюдения показывают, что те, кто особенно яро высказывает крайне националистические взгляды, как правило, совсем не знают своей личной родословной. А проследи ее — и убедишься, что практически у каждого можно найти монголоидную или угро-финскую, семитскую или прибалтийскую кровь... Такие исследования вполне можно будет проводить на материале нашего архива. Мы попытаемся выстроить генеалогические ряды, которые покажут, что все мы действительно братья и сестры.

Но есть и другие варианты научного использования документов. Например, исследования: насколько человек связывает события своей жизни с документами личного архива. Предполагается, что вкладчик будет рассказывать, кто и когда написал то или иное письмо, когда была сделана фотография... Это мы запишем на пленку, а том числе видео. Станет возможно по крупицам восстановить историю самого рассказчика и его семьи. Прекрасный материал для того, кто занимается изучением быта, социологией, социальной психологией.

Как видите, намечено много, следовательно, нужны немалые силы. Прежде всего мы рассчитываем на историков-архивистов, работающих как в МГИАИ, так и в государственных архивах, научных учреждениях, на специалистов в области информационной техники. Основную техническую работу выполняют студенты. С нами сотрудничают и представители некоторых неформальных общественных организаций, ведь мы первые, кто заинтересовался их документами. В правление нашего архива входит один из членов правления Ассоциации молодых историков, с которой мы также стараемся работать сообща.

Архив уже активно комплектуется. У нас побывали сотни людей, собрано около тридцати тысяч документов. Мы договорились с редакциями журнала «Родина» и некоторых газет; нам будут передавать на хранение читательские письма.

Всех, кто захочет с нами сотрудничать или предоставить свои документы, просим обращаться по адресу: 101000, Москва, Центр, ул. 25 Октября, д. 11, центр документации «Народный архив». Телефон: 923-40-59.

Сдано в набор 06.10.89. Подписано к печати 25.10.89. А 00389. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 300 000 экз. Заказ № 1367. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.